

ТОЛКОВАНИЕ ДЛѢ ПАСТЫРЕЙ
ПАСТЫРСКИХЪ ПОСЛАНІЙ

АПОСТОЛА ПАВЛА

КЪ ТИМОФЕЮ И ТИТУ.

Has tres apostolicas
las ante oculos habet
est in Ecclesia
impositas

Телѣвоу е французского

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Кіевъ.

Тип. Г. Т. Корчанъ-Новицкаго, Михайловская ул., соб. д.
1887.

Отъ Кіевскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета пачатать дозволяется.

Кіевъ. 30 января 1887 года.

Цензоръ Свящ. П. Преображенскій.

Электронный вариант книги
выполнен в Перервинской
духовной семинарии

Москва
2004

ОГЛАВЛЕНИЕ СОДЕРЖАНІЯ.

Предисловіе.

СТРАН.

Первое посланіе ап. Павла къ Тимоѳею.

Общій обзоръ посланія 6

Глава I.

- I. Совершеннѣйшее единство ученія. Пустыя суесловія. Любовь — цѣль наставленій. Святость и употребленіе закона. 12
- II. Св. ап. Павелъ — примѣръ божественнаго милосердія. Епископство — священное воинство. Потеря вѣры — слѣдствіе злой совѣсти. 22

Глава II.

- I. Различныя роды молитвъ. Молитва за вся человѣки, въ особенности за начальствующихъ. Богъ желаетъ спасенія всѣмъ людямъ. 30
- II. Единный и всеобщій Ходатай Іисусъ Христосъ. Ходатай собственною кровію. Ходатай въ предопредѣленное время. Всемирное апостольство. 34
- III. Молитва на всякомъ мѣстѣ. Молитва мужчинъ. Скромность женщинъ. Молчаніе ихъ въ храмѣ. Ихъ покорность 36
- IV. Зависимость жены отъ мужа, установленная еще при сотвореніи человѣка и подтвержденная послѣ его паденія. Женщина спасается чадородіемъ. 40

Глава III.

- I. Что такое епископство. Качества епископовъ и пресвитеровъ . 45
- II. Свойства и обязанности діаконовъ. Награда вѣриному діакону. . 54
- III. Цѣль ап. Павла при написаніи этого посланія. Церковь-домъ Божій, столчъ и утвержденіе истины. Тайна явленія Бога во плоти. 60

IV

Глава IV.

- I. Предсказаніе о появленіи ересей. Свѣйства этихъ ересей. Ихъ заблужденія. Опроверженія этихъ заблужденій 65
- II. Ученіе истинныхъ служителей Христовыхъ. Питаніе словами вѣры. Отверженіе басней. Упражненіе въ благочестіи и предпочтеніе сего служенія служенію плоти. 72
- III. Апостоль возбуждаетъ вниманіе къ своимъ наставленіямъ. Внушаетъ уповать на Иисуса Христа, Спасителя всѣхъ, въ особенноти вѣрующихъ. Учатъ, подавая добрый примѣръ, внушать уваженіе къ себѣ другихъ 75
- IV. Апостоль увѣщаетъ читать, наставлять, учить. Внушаетъ не пренебрегать даромъ благодати. Размышлять объ истинахъ божественныхъ. Быть внимательнымъ къ самому себѣ 79

Глава V.

- I. Наставленія лицамъ различныхъ возрастовъ. Почитаніе истинныхъ вдовицъ. Обязанности этихъ послѣднихъ. Ихъ радости. 88
- II. Вдовицы, допускаемыя въ служенію Церкви. Условія, какія оиѣ должны соединять въ себѣ для этого. Условія, не допускающія къ принятію. Отличительные недостатки вдовицъ. Обязанности вѣрующихъ въ отношеніи къ вдовицамъ 94
- III. Отношеніе епископа къ пресвитерамъ. Содержаніе пресвитеровъ. Судъ надъ ними. Постановленіе. Совѣты и правила, коимъ ои должны слѣдовать 103

Глава VI.

- I. Обязанности рабовъ въ отношеніи къ господамъ. Лжеучителя. Словопренія. Польза отъ благочестія 112
- II. Благочестіе—величайшее пріобрѣтеніе. Ненадежность благъ настоящей жизни. Должно довольствоваться необходимымъ. Печальныя послѣдствія жажды богатства 118
- III. Священникъ—человѣкъ Божій. Его добродѣтели. Его исповѣданіе Его образецъ. Его надежды. 124
- IV. Обязанности богатыхъ. Не гордиться своими богатствами и не возлагать на нихъ надежды. Дѣлать добро. Обезпечивать себѣ истинное сокровище 130

Второе посланіе ап. Павла къ Тимоѳею.

Общій обзоръ посланія	139
---------------------------------	-----

Глава I.

<i>Предисловіе</i>	142
------------------------------	-----

I. Любовь ап. Павла къ Тимоѳею. Что сдѣлала для него благодать. Его воспитаніе въ вѣрѣ.	145
II. Обязанности служителя Иисуса Христа. Возгрѣваніе благодати священства. Облеченіе духомъ силы. Мужественное исповѣданіе Иисуса Христа. Примѣръ ап. Павла	148
III. Частныя обязанности пастыря. Уваженіе къ священному языку. Храненіе добраго валога. Трусость однихъ, вѣрность другихъ.	156

Глава II.

I. Обязанности пастыря. Укрѣпленіе въ благодати. Вѣрная передача другимъ принятаго ученія. Жизнь, полная труда и страданій. Свобода отъ мірскихъ дѣлъ.	161
II. Побужденія къ исполненію выше изложенныхъ обязанностей. Воскресеніе I. Христа. Спасеніе и небесная слава избранныхъ. Довказательство этой славы въ непреложности Божіей.	166
III. Обязанности пастыря (<i>продолженіе</i>). Воздержаніе отъ споровъ. Должное обращеніе съ истинною. Уклоненіе отъ суетныхъ бесѣдъ. Твердое основаніе борьбы съ еретиками. Премудрость Божія, попускающая ереси.	171

Глава III.

I. Извѣщеніе о лжеучителяхъ. Характеристика ихъ. О необходимости избѣгать ихъ. Объ ограниченіи ихъ успѣховъ.	185
II. Жизнь ап. Павла. Его страданія. Гоненія на святыхъ	192
III. Еще о еретикахъ. О необходимости твердо держаться принятаго ученія. Объ изученіи Св. Писанія. О пользѣ его.	194

Глава IV.

I. Постоянное проповѣдываніе слова Божія. Основанія сему. Гибельныя стремленія христіанъ. Бодрствованіе и исполненіе св служенія.	198
II. Мученія ап. Павла, Подвигъ добрый. Вѣнецъ правды.	202
III. Одиночество ап. Павла. Помощь Божія.	205
IV. Заключеніе. Прощаніе. Пожеланія ап. Павла.	212

Посланіе ап. Павла къ Титу.

Глава I.

Предисловіе 218

- I. Установленіе дисциплины и поставленіе епископовъ по городамъ. Качества епископа. Общія черты. Пороки, которыхъ онъ долженъ избѣгать; добродѣтели, которыми онъ долженъ отличаться. Его преданность здоровому ученію; способность научить ему и другихъ и защитить его. 223
- II. Иудействующіе учителя. Ихъ характеръ. Поддержка ихъ ученія со стороны нравовъ критянъ 232

Глава II.

- I. Повелѣніе не учить ничему, что не достойно здраваго ученія. Повелѣнія относительно старцевъ, старицъ и молодыхъ женщинъ. 239
- II. Обязанности юношей. Скромность. Епископъ—общій примѣръ добродѣтели. Обязанности рабовъ. 244
- III. Характеръ христіанства. Его нравственное ученіе. Надежды. Богъ—какъ Спаситель и Судія Цѣль исправленія. 248

Глава III.

- I. Обязанности, общія всѣмъ вѣрующимъ. Обязанности относительно начальствующихъ. Обязанности относительно всѣхъ людей. . . 256
- II. Состояніе человѣка подъ властію грѣха. Благость Божія. Незаслуженность спасенія. Обновленіе человѣка внутреннимъ изліаніемъ Св. Духа. Вѣчная жизнь, наслѣдіе, ожидаемое нами по благодати І. Христа 258
- III. Заключительная часть изложеннаго ученія. Прилежаніе къ добрымъ дѣламъ. Избѣганіе бесполезныхъ вопросовъ и споровъ и явившихся еретиковъ. 262
- IV. Частные совѣты. Привѣтствія. 265

Предисловіе.

Св. Іоаннъ Златоустъ, въ предисловіи къ своимъ бесѣдамъ на первое посланіе къ Тимоѳею, предлагаетъ вопросъ: почему ап. Павелъ счелъ нужнымъ писать отдѣльное посланіе ученику, получившему отъ него жребій учительства? и отвѣчаетъ, — что ученикъ этотъ имѣлъ нужду въ наставленіяхъ, отличныхъ отъ тѣхъ, какія давались простымъ вѣрующимъ. „Смотрите въ самомъ дѣлѣ, замѣчаетъ Златоустъ, какъ Павелъ въ каждомъ отдѣлѣ своего посланія преподаетъ такія наставленія, которыя вполнѣ приличествуютъ каждому учителю и пастырю Церкви¹⁾“. И безъ сомнѣнія цѣль ап. Павла, или лучше Св. Духа, руководившаго его перомъ и говорившаго его устами, состояла не въ томъ только, чтобы изложить обязанности, которымъ долженъ подчиняться Тимоѳей, но — чрезъ него преподавать наставленіе и всѣмъ служителямъ Христа и Его Церкви.

Справедливо, что посланія къ Тимоѳею, равно и Титу, имѣютъ въ виду главнымъ образомъ служеніе епископское, и что многія изъ наставленій Апостола относятся ближайшимъ образомъ къ наслѣдникамъ званія самихъ Апостоловъ, къ начальствующимъ пастырямъ стада Христова. Но большая часть этихъ наставленій относится и къ пресвитерамъ; они могутъ по крайней мѣрѣ быть примѣнены къ тѣмъ изъ нихъ, попеченію которыхъ ввѣрены души людей и которые

¹⁾ In. Epist. ad. Tim. Hom. II.

проходятъ пастырское служеніе. Въ этомъ смыслѣ, можно сказать вмѣстѣ съ Златоустомъ, нѣтъ почти никакого различія между пресвитеромъ и епископомъ, такъ какъ одно и тоже правило жизни прилично въ извѣстной мѣрѣ каждому изъ нихъ.

Впрочемъ, не трудно убѣдиться, даже при поверхностномъ взглядѣ на дѣло, въ томъ, что ап. Павелъ въ своихъ пастырскихъ посланіяхъ не опустилъ ничего, что можетъ быть полезно не только для епископовъ но и пресвитеровъ;— что онъ напоминаетъ и предписываетъ своимъ ученикамъ какъ самыя основныя и первоначальныя обязанности пастырскаго служенія, такъ и обязанности каждаго изъ нихъ въ отношеніи къ самому себѣ.

По отношенію къ перваго рода обязанностямъ онъ заповѣдуетъ имъ твердо соблюдать вѣру, ввѣрять ее людямъ достойнымъ, избѣгать нововведеній въ самыхъ словахъ, защищать священную истину, противодѣйствуя тѣмъ, которые уклонились отъ евангельскаго ученія и которыхъ онъ обрисовалъ въ своемъ посланіи опредѣленными чертами. Онъ выясняетъ имъ, далѣе, какими качествами должны обладать лица, рукополагаемая въ епископы (пресвитеры—тожъ) и діаконы, а равно и вдовицы, которыя приурочены были въ то время къ служенію Церкви. Указываетъ, затѣмъ, что должно служить предметомъ общественныхъ молитвъ Церкви и какое участіе должны принимать въ нихъ вѣрующіе. Изображаетъ свойства проповѣдниковъ евангельскаго ученія; указываетъ въ общемъ тѣ пункты, на которыхъ они должны въ особенности останавливать свое вниманіе; опредѣляетъ способъ назиданія, котораго долженъ держаться проповѣдникъ: назидать какъ господь, такъ рабовъ, мужчинъ и женщинъ, богатыхъ и бѣдныхъ и друг. Наконецъ онъ учитъ ихъ тому, какъ должны вести себя по отношенію къ людямъ всѣхъ званій и состояній, всякаго пола и возраста: въ отношеніи къ пресвитерамъ, юношамъ, старцамъ, женщинамъ, также въ отношеніи къ нововводителямъ, укло-

нящимся отъ евангельскаго ученія и стремящимся извратить его чистоту.

По отношенію къ личнымъ обязанностямъ служителей Церкви Апостоль увѣщавааетъ своихъ учениковъ: питаться глаголами вѣры, прилежно обдумывать преподанныя имъ наставленія, прилежать къ чтенію, заботиться о самихъ себѣ, не пренебрегать, но постоянно возбуждать въ себѣ даръ благодати—священства, быть твердыми, всячески соблюдать цѣломудріе, предпочитать попеченія о благодати и любви заботамъ о тѣлѣ, тщательно выполнять всѣ обязанности своего служенія, подавая собою примѣръ людямъ какъ ученіемъ, такъ и своимъ поведеніемъ. Далѣе жизнь служенія Христу Апостоль вездѣ представляетъ своимъ ученикамъ жизнью лишеній, трудовъ и скорбей. Учитъ ихъ быть готовыми на всевозможныя страданія ради І. Христа и Его евангелія; воодушевляетъ къ борьбѣ, укрѣпляетъ противъ преслѣдованій, то указывая на примѣръ Іисуса Христа, то представляя свои собственныя скорби, лишенія и страданія и при этомъ обращаетъ ихъ взоры на неувядаемый вѣнецъ правды, который ожидаетъ какъ его самого, такъ уготованъ и для нихъ.

Если внимательно углубляться въ пастырскія посланія Апостола и, при содѣйствіи благодати Божіей, понимать ихъ, то ясно откроется, чего должны желать и къ чему стремиться учителя и служители таинствъ, пастыри душъ и въ настоящее время; понятно будетъ, въ какомъ смыслѣ блаж. Августинъ сказалъ, что тѣ, которые избраны на служеніе Церкви чрезъ проповѣданіе, должны всегда имѣть эти посланія передъ своими глазами ¹⁾.

Понять эти посланія,—значитъ вдохнуть жизнь, сообщить здоровое пониманіе тому дѣлу, которое наши пастыри съ усердіемъ предлагаютъ другимъ, но отъ котораго нерѣдко отступаютъ сами.

¹⁾ Quas tres apostolicas epistolas ante oculos habere debet, cui est in Ecclesia persona doctoris imposita. De Doctr. Chris., I. IV, c. XVI. n. 33.

Въ настоящей книгѣ мы предполагаемъ изложить въ связномъ, систематическомъ видѣ всѣ наставленія, которыя преподаются въ пастырскихъ посланіяхъ, изъясняя въ томъ порядкѣ, въ какомъ они стоятъ у Апостола. Цѣль наша въ этомъ случаѣ состоитъ не въ томъ, чтобы представить богословскій трактатъ или нарисовать полную картину нравственной жизни пастыря. Мы хотимъ скорѣе назидать, нежели учить кого-либо, скорѣе побуждать къ исполненію обязанностей, нежели методически излагать самыя обязанности. Послѣ этого, мы думаемъ, было бы совершенно излишне предпочитать другой порядокъ изложенія тому, какой избранъ Апостоломъ, или лучше самимъ Духомъ Святымъ. Если мы замѣчаемъ кое-гдѣ отсутствіе строгой послѣдовательности въ наставленіяхъ Апостола, какія-либо несовершенства языка, то глубина мысли нигдѣ не страдаетъ отъ того и сила Божія ясно сказывается даже въ этихъ кажущихся недостаткахъ. Если встрѣчаются по мѣстамъ повторенія, то они всегда имѣютъ свое резонное основаніе. Извѣстно, что есть такія истины, которыя необходимо повторять какъ можно чаще, чтобы онѣ глубже и глубже западали въ нашу душу. Если такія истины выражаются въ разнообразныхъ формахъ, то божественный свѣтъ тѣмъ живѣе отражается въ нашихъ душахъ и тѣмъ лучше соразмѣряетъ свое вліяніе съ каждою изъ нашихъ способностей и съ ихъ нуждами.

Точно также въ нашихъ объясненіяхъ мы не даемъ почти никакого мѣста грамматикѣ и критикѣ, мало отводимъ мѣста для исторіи, оставаясь вполне внимательными только къ сторонѣ догматической. Въ наше время, менѣе чѣмъ когда-либо, простиительно забывать, что догматы составляютъ основаніе, неизмѣнное правило, высшую, такъ сказать, санкцію нравственности. Хотя посланія къ Тимоѳею и Титу не исключительно догматическія, какъ посланіе къ Римлянамъ, Галатамъ и къ Евреямъ, но большая часть главнѣйшихъ догматовъ религіи съ ясностію и силою указаны и здѣсь. Мы не можемъ не касаться этихъ указаній,

но, излагая ихъ, мы въ то же время, по совѣту Апостола, будемъ уклоняться отъ *препретельныхъ словесъ* и всего того, что составляетъ ученую полемику. Наше дѣло излагать, а не изслѣдовать, предупреждать заблужденія, а не опровергать ихъ.

Или кратко сказать: слѣдуя образцу, какой указали намъ святые отцы въ своихъ толкованіяхъ на посланія, мы не столько будемъ обращаться къ отвлеченнымъ разсужденіямъ и къ научнымъ изысканіямъ, сколько къ простому свѣту вѣры, опираясь въ этомъ случаѣ не на силу ума, но на благочестивое чувство сердца. Это всегда самое вѣрное средство къ тому, чтобы съ пользою слушать и достойно передавать другимъ Слово Божіе. Лучшій способъ объясненія, какъ равно и простаго чтенія, состоитъ въ томъ, чтобы прочитанное и объясненное отражалось въ душѣ.

Первое посланіе

АПОСТОЛА ПАВЛА КЪ ТИМОФЕЮ.

Общій обзоръ посланія.

Первое посланіе къ Тимофеею было написано въ Македоніи, по однимъ, въ 58 г.; а по другимъ, въ 64 или 65 г. по Р. Хр.

Апостоль Павель, проповѣдавши евангеліе въ Ефесѣ и поставивши туда епископомъ ученика своего Тимофея, пишетъ къ нему съ цѣлью, съ одной стороны, вообще напомнить ему тѣ наставленія, которыя преподалъ еще при личномъ свиданіи съ нимъ, а съ другой, побудить его быть какъ можно внимательнѣе къ этимъ наставленіямъ въ виду возникавшихъ въ то время въ Малой Азіи ересей, дѣлавшихъ эти наставленія наиболѣе необходимыми именно теперь. Изучая, въ самомъ дѣлѣ, посланіе, нельзя не убѣдиться въ томъ, что во всѣхъ своихъ частяхъ оно относится непосредственно къ заблужденіямъ гностиковъ, что всѣ его наставленія и предписанія имѣютъ въ виду главнѣйшимъ образомъ эти именно заблужденія. Ни одна изъ сектъ, кромѣ гностической, не упомянута въ этомъ посланіи; за то, всѣ основныя положенія и мнѣнія этой секты указаны здѣсь; всѣ опасности, которыя представляетъ гностицизмъ и которыхъ должны были избѣгать вѣрующіе, предупреждены здѣсь; при чемъ указаны самыя вѣрныя средства противъ

нихъ. Это безъ сомнѣнія и побудило представителей двухъ главныхъ гностическихъ сектъ — Василида и Маркіона отвергнуть первое посланіе къ Тимоѳею, какъ замѣчаетъ Климентъ Александрійскій. Никакая дерзость, никакая хитрость Маркіона въ искаженіи священныхъ писаній не способна была на такую поддѣлку этого посланія, которая сколько нибудь подходила-бы къ подлиннику. Еретикъ оставалось только или уничтожить въ посланіи все, что здѣсь направлено противъ его заблужденій, — при чемъ онъ вынужденъ былъ бы оставить изъ всего посланія только нѣсколько стиховъ безъ связи и порядка, или, что всего проще, — что онъ и сдѣлалъ, — отвергнуть все посланіе.

Хотя противугностическое направленіе и не столь ясно обнаруживается въ двухъ другихъ пастырскихъ посланіяхъ, но оба они до такой степени близки къ первому и такъ похожи на него, что еретики не могли не отвергнуть и ихъ вмѣстѣ съ первымъ. Впрочемъ возраженія, которыя они дѣлаютъ на основаніи того, что Апостоль въ третьей главѣ втораго посланія къ Тимоѳею упомянулъ о нѣкоихъ Іанніѣ и Амврїѣ, не заключаетъ въ себѣ ничего серьезнаго; извѣстно, что ни одно посланіе такъ живо не представляетъ духа и слога Павлова, какъ второе посланіе къ Тимоѳею.

Но дѣло идетъ у насъ о первомъ. Не придерживаясь строго опредѣленнаго плана и не ограничиваясь рабски однимъ предметомъ, Апостоль Павелъ представляется въ этомъ посланіи гораздо спокойнѣе, чѣмъ въ другихъ, и языкъ его здѣсь какъ-бы нѣсколько иной; замѣтно меньше отступленій и неровностей въ изложеніи; вообще мысль Апостола выражается въ формахъ простыхъ и легкихъ для пониманія. Это объясняется какъ лицомъ, къ которому писалъ Апостоль, такъ и самымъ содержаніемъ посланія.

Посланіе это дѣлать обыкновенно на четыре или пять частей. Въ *первой* Апостоль внушаетъ своему ученику заграждать уста проповѣдующимъ ученіе, противное евангельской истинѣ. Во *второй* онъ говоритъ объ обществен-

ной молитвѣ и излагаетъ правила, которымъ она должна подчиняться. Въ *третьей* указываетъ качества, которыми должны обладать призванные къ служенію Церкви. Въ *четвертой* предсказываетъ о ересяхъ, имѣвшихъ появиться, описываетъ ихъ свойства и ихъ послѣдствія. Наконецъ, въ формѣ увѣщанія, или совѣта, онъ излагаетъ основныя обязанности тѣхъ, кому ввѣрена забота о душахъ, и которые призваны къ управленію Церковью.

Глава первая.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Ст. 1. *Павелъ посланникъ Иисусъ Христовъ, по повелѣнію Бога Спаса нашего и Господа Иисуса Христа, уповапія нашего.*

Апостолъ Павелъ не имѣлъ, кажется, нужды именовать себя Апостоломъ, писавши къ ученикамъ, которымъ былъ извѣстенъ, и которые во всей полнотѣ признавали за нимъ права этого званія. Но почему и не употребить ему названія этого, имѣя въ виду преподать ученикамъ возвышеннѣйшія назиданія, начертать основныя правила церковнаго управленія? Его апостольское достоинство и его божественное призваніе служило единственно твердою опорой и авторитетности его наставленій и обязательности его правилъ и предписаній.

Въ посланіяхъ, написанныхъ къ простымъ вѣрующимъ, Павелъ обыкновенно всегда называетъ себя апостоломъ или рабомъ Иисуса Христа *волею Божіею*; но въ началѣ своихъ пастырскихъ посланій онъ употребляетъ выраженіе болѣе сильное. Здѣсь онъ говоритъ не по волѣ Божіей, но по *повелѣнію Божію*, очевидно желая указать этимъ на отличительный характеръ апостольства и священства.

Между лицами пресвятой Троицы повелѣніе, по ученію Церкви, принадлежитъ собственно Богу Отцу, какъ началу обоихъ другихъ лицъ; но оно также существенно

приличествуетъ Сыну и Святому Духу, поелику эти лица во всемъ равны Отцу; и поелику воля Божія есть едина, то и повелѣніе Отца есть вмѣстѣ повелѣніе Сына и Св. Духа. Съ другой стороны, на языкѣ Священнаго Писанія и св. Церкви Сынъ Божій обыкновенно главнѣйшимъ образомъ называется нашимъ Спасителемъ. Но это наименованіе опять также вполне приличествуетъ Отцу, поелику Отецъ есть первоначальный Виновникъ нашего спасенія, благоволившій послать къ намъ своего Единороднаго Сына. Единородный Сынъ, сошедши на землю и воплотившись, послужилъ ближайшимъ залогомъ и основаніемъ упованія нашего; но тѣмъ же самымъ не могъ не быть для насъ очевидно и Отецъ. Впрочемъ, когда Апостоль называетъ вмѣстѣ Отца и Сына, то это для того, чтобы дать тому и другому лицу отдѣльное наименованіе, приписать имъ совершенно отличныя дѣйствія, и чтобы такимъ образомъ защитить и утвердить различіе и неприкосновенный порядокъ всѣхъ лицъ пресвятыя Троицы въ ихъ божественномъ единствѣ.

2. Тимошею присному чаду въ вѣрѣ.

Всѣ вѣрующіе и всѣ служители Церкви суть чада, истинные чада апостоловъ; но епископы суть чада ихъ въ особенномъ смыслѣ какъ участники въ ихъ власти и правахъ; въ этомъ смыслѣ, учителя Церкви понимали слѣдующія пророческія слова, сказанныя Церкви еще псалмопѣвцемъ: „вмѣсто отцовъ твоихъ будутъ сыновья твои: поставишь ихъ князьями по всей земли“ (Пс. 44, 17). Истинныя чада апостоловъ, ихъ наслѣдники въ дѣлѣ служенія, преемники ихъ званія и власти епископы должны также постоянно пребывать и въ вѣрѣ апостоловъ, т. е. въ единствѣ, чистотѣ, твердости и мужествѣ ихъ вѣры.

Усыновленіе бываетъ двоякое: одно по естеству, другое по благодати; первое мы получили еще отъ Адама, вторымъ усыновилъ насъ Іисусъ Христосъ. Первое совершается *по хотѣнію плоти* и при томъ въ области вещей временныхъ; второе, напротивъ, по духу, при чемъ апостолы

и служители Церкви служатъ для насъ истинными отцами, и при томъ въ области вѣры и спасенія.

Названіе *чада, приснаго чада* показываетъ, что ни сила души, ни совершенство святости не исключаютъ глубины и нѣжности чувствъ.

Благодать, милость и миръ отъ Бога Отца нашего и Христа Иисуса Господа нашего.

Чрезъ вѣру привлекается и только въ одной вѣрѣ находится благодать, которая возбуждаетъ, помогаетъ и возвышаетъ; милость, которая прощаетъ и избавляетъ; миръ, который утѣшаетъ и утверждаетъ. Всякій христіанинъ имѣетъ нужду въ этой благодати, милости и мирѣ. Но служители Евангелія имѣютъ особенную нужду въ нихъ, поелику истинно доброе служеніе и есть именно служеніе благодати, милости и мира.

Замѣчательно, что ап. Павелъ, привѣтствуя вѣрующихъ одними благодатию и миромъ, въ привѣтствіи къ своему ученику прибавляетъ еще *милостию*; не потому ли это, какъ замѣтилъ еще св. Златоустъ, что пастыри Церкви почти неизбѣжно въ своемъ страшномъ служеніи совершаютъ погрѣшности и проступки и потому болѣе другихъ нуждаются въ милости, или же потому, что существенный характеръ служенія евангельскаго и въ частности того, которое проходилъ Тимоѳей, составляло именно служенія милости?

Привѣтствуя своего ученика благодатию, милостию и миромъ нераздѣльно отъ лица Бога Отца и отъ лица Иисуса Христа, Апостоль показываетъ этимъ, что Иисусъ Христосъ совершенно равенъ Отцу, и что Онъ поэтому такой же Богъ, какъ и Отецъ.

I.

Совершеннѣйшее единство ученія. Пустыя суесловія. Любовь—цѣль наставленій.
Святость и употребленіе закона.

3. Якоже умолихъ тя пребыти во Ефесъ, идыи въ Македонію, да завѣщаеши нѣкимъ не инако учити.

Апостолъ имѣлъ власть повелѣть Тимоѳею остаться въ Ефесѣ, гдѣ онъ былъ поставленъ епископомъ, но Апостолъ проситъ его объ этомъ, относясь къ нему вообще съ уваженіемъ. Когда сердце подчиненнаго хорошо расположено, и когда достаточно одной просьбы, то не въ апостольскомъ духѣ было дѣйствовать властію и угрозами.

Съ тѣмъ же духомъ кротости Апостолъ увѣщаетъ Тимоѳея склонять тѣхъ, которые проповѣдуютъ иное благовѣствованіе, не называя ихъ однако по имени. Онъ соблюдаетъ здѣсь одно изъ евангельскихъ правилъ, по которому должно повѣдать передъ Церковью только о такихъ, которые будутъ упорствовать послѣ перваго и послѣ втораго вразумленія.

Всего замѣчательнѣе въ посланіяхъ ап. Павла, и преимущественно въ его пастырскихъ посланіяхъ, стараніе его внушить всѣмъ и своими похвалами возвысить въ глазахъ всѣхъ совершеннѣйшее единство вѣры. Онъ всячески настаиваетъ на томъ, чтобы предостерегали и устрашали проповѣдующимъ иное ученіе, отличное отъ того, которое возвѣщено имъ самимъ. Всякое ученіе, не вытекающее прямо изъ откровенія Іисуса Христа и потому возбуждающее подозрѣніе со стороны Церкви, должно быть, по слову апостола, немедленно удалено.

4. Ниже внимати баснемъ и родословіемъ безконечнымъ, яже стязанія творятъ паче, нежели Божіе строеніе, еже въ вѣрѣ.

Нѣкоторые толковники видѣли въ этихъ словахъ указаніе на системы гностиковъ, которыя уже при жизни Апостола начинали распространяться въ мірѣ, особенно въ

Малой Азіи. Въ самомъ дѣлѣ, ни одна ересь не приносила съ собой такой двойственности въ вѣроученіи, не была такою широкою тканью всякаго рода невѣроятныхъ басней, не представляла такихъ безконечно длинныхъ рядовъ генеалогій, какъ ересь гностическая. Но однако гораздо вѣроятнѣе, что Апостолъ хочетъ говорить здѣсь объ извѣстныхъ мнѣніяхъ іудейскихъ или ученіяхъ восточныхъ, которыя, заимствуя различныя частности изъ греческой философіи, послужили главнѣйшимъ источникомъ гностицизма, но не сложились еще въ строго опредѣленныя системы. Это были просто басни, совершенно безосновательныя мнѣнія, цѣлыя градаціи и генеалогіи свободныхъ духовъ и эоновъ; и всѣ эти фантазіи стояли внѣ всякой связи съ ученіемъ нравственнымъ.

Всѣ эти системы были радикально отличны отъ ученія евангельскаго, которое, допуская и прославляя съ одной стороны въ бытіи Божіемъ все, съ чѣмъ соглашается здравый разумъ открывая намъ, съ другой, непостижимыя глубины божественной природы въ ея отношеніяхъ къ намъ, представляетъ всѣ эти тайны съ наиболѣе практической и наглядной стороны: указываетъ на то, въ чемъ заключается источникъ и главнѣйшее средство нашего спасенія, основаніе и правило нашей нравственной жизни, побужденіе и высочайшая цѣль нашихъ надеждъ.

Придавать большое значеніе всему тому, что, хотя и чудесно, но всегда остается подъ покровомъ таинственности, уважать такія изысканія и стремленія, которыя возбуждаютъ одно праздное любопытство, поднимаютъ множество вопросовъ и поддерживаютъ споры и разногласія,—все это недостойно истинно христіанской жизни. Это не значитъ дѣлать дѣло вѣры, это значитъ, напротивъ, уменьшать ея вліяніе, если даже не подвергать себя опасности вовсе утратить ее.

Вѣра божественная, зеркало ума и правды Божіей—вотъ истинное и единственное основаніе божественнаго зданія. Если это зданіе утверждено на чисто человѣческихъ основаніяхъ, на мнѣніяхъ не установившихся и спорныхъ,

то и само оно, въ глазахъ всѣхъ здравомыслящихъ людей, непремѣнно будетъ заключать въ себѣ слабость этихъ основаній, шаткость и непостоянство мнѣній и неминуемо будетъ потрясено вмѣстѣ съ ними.

5. Конечъ же завѣщанія есть, любви отъ чиста сердца, и совѣсти благія, и вѣры нелицемѣрныя.

Это божественное зданіе, воздвигаемое чрезъ вѣру въ душѣ человѣка, есть царство любви. Евангеліе всегда стремится къ тому, чтобы основать это царство, утвердить его въ людяхъ и за тѣмъ приводить ихъ къ совершенству.

Любовь должна составлять начало увѣщанія и въ тоже время высшую его цѣль. Всѣ заповѣди вытекаютъ изъ любви и любовь есть совершеннѣйшее исполненіе всѣхъ заповѣдей.

Любовь производитъ истинную чистоту сердца, совершеннѣйшую правоту совѣсти, полную искренность и простоту вѣры. Она также опредѣляетъ всему этому извѣстную мѣру, поелику не можетъ вселиться въ сердце, оскверненное пороками, или въ развращенную совѣсть, не можетъ обитать въ душѣ, лишенной искренности и твердости въ вѣрѣ.

Первое условіе любви составляетъ искренняя, нелицемѣрная вѣра, которая обнимаетъ все, что только открыто намъ отъ Бога, которая принимаетъ его въ такомъ самомъ видѣ, въ какомъ оно открыто, признаетъ его по тому одному, что оно открыто. Второе условіе—добрая совѣсть, которая, будучи утверждена на началахъ и правилахъ вѣры, одобряетъ то, что признаетъ вѣра, отвергаетъ и осуждаетъ то, что отвергаетъ и осуждаетъ вѣра. Третье условіе—это сердце, которое въ силу этой вѣры и при содѣйствіи доброй совѣсти очищается чрезъ постоянное удаленіе отъ грѣха и чрезъ господство въ любви и справедливости. Таковы необходимыя условія любви, которая составляетъ цѣль всякаго увѣщанія.

Въ этихъ немногихъ словахъ Апостола заключается, такимъ образомъ, гораздо больше богословія, чѣмъ какъ обыкновенно думаютъ. Здѣсь заключается полное опроверженіе какъ тѣхъ, которые представляютъ себѣ любовь оп-

равдывающую не существенно основанною на вѣрѣ, думаютъ, что любовь Бога по тому одному, что основывается на благодати, спасаетъ души хотябы и совершенно чуждыя истинной вѣрѣ; тѣхъ, которые въ дѣлѣ спасенія придаютъ значеніе одной совѣсти, какова бы она ни была, чистая или порочная, добрая или злая, приписываютъ заблужденію такія же права какъ и истинѣ, какъ будто личная совѣсть человѣка составляетъ главнѣйшее и при томъ единственное правило нравственности; тѣхъ, наконецъ, быть можетъ еще болѣе преступныхъ и болѣе слѣпыхъ, которые думаютъ, что любовь, составляющая цѣль закона, можетъ совмѣщаться съ беззаконіями духа человѣческаго, со всяческими сквернами и нечистотами сердца.

6. *Въ нихъ же нѣкимъ погрѣшивше, уклонишася въ суесловія.*

7. *Хотяще быти законоучители, не разумѣюще ни яже глаголютъ, ни о нихъ же утверждаютъ.*

Не имѣть никакого уваженія къ этимъ основаніямъ и къ этимъ условіямъ любви оправдывающей и желать при этомъ быть учителями закона, значитъ неизбежно отдаться пустымъ суесловіямъ, тѣмъ болѣе пустымъ, что онѣ не ведутъ ни къ чему полезному, заключаютъ въ себѣ много совершенно противнаго справедливости.

Выходитъ, такимъ образомъ, что непониманіе того, что говорятъ и того, что утверждаютъ, не составляетъ исключительной принадлежности однихъ іудейскихъ учителей, о которыхъ говоритъ Апостоль; эту черту можно находить въ лжеучителяхъ другихъ націй и другихъ эпохъ. Ею обладаютъ всѣ тѣ, которые и теперь еще называютъ себя учителями вселенной, не понимая отличія благодати отъ естества, не изучивши хорошо ветхаго и новаго завѣта, не умѣя опредѣлить отличительный и существенный характеръ Евангелія, не подозревая даже о существованіи различія въ словахъ вѣра и законъ, — не зная всего этого, судятъ съ большою увѣренностію о вопросахъ догматическихъ и экзегетическихъ, признаютъ непримиримое противурѣчіе между

Евангелиемъ и ветхозавѣтнымъ закономъ, какъ это дѣлали гностики, или смѣшиваютъ то и другое, какъ іудействующіе христіане; превозносятъ ап. Павла предъ другими апостолами, признавая его Апостоломъ наиболѣе отрѣшившимся отъ іудейства и поднявшимся въ своемъ ученіи на самую высшую степень человѣческой свободы; указываютъ противорѣчія не только между его ученіемъ и ученіемъ Іисуса Христа и другихъ апостоловъ, но даже въ различныхъ посланіяхъ его же самого. Слепые вожди! Они не знаютъ того, что говорятъ, произнося слова: вѣра, законъ, благодать. Они не знаютъ также и того, что они утверждаютъ въ этомъ отношеніи, поелику, не имѣя вообще ни въ чемъ твердыхъ убѣжденій, говоря постоянно то одно, то другое, они очевидно не могутъ имѣть твердыхъ убѣжденій и въ этихъ пунктахъ христіанскаго вѣроученія.

Мы болѣе счастливы, мы обладаемъ руководящимъ началомъ для нашихъ мнѣній, поелику, живя постоянно въ нѣдрахъ Церкви, мы слѣдуемъ свѣту ученія и ап. Павла и другихъ Апостоловъ. Впрочемъ, будемъ осторожны: много и между нами есть такихъ, которые сильно заблуждаются, рассуждая о природѣ и о благодати, и между тѣмъ весьма мало такихъ, которые усматриваютъ должное отличіе между словами вѣра и законъ, которыя они такъ часто встрѣчаютъ въ писаніяхъ апостольскихъ. А между тѣмъ, мы знаемъ, что всякій, кто дерзнулъ бы говорить или писать объ этихъ вопросахъ, не изучивши ихъ основательно, навѣрное подвергается опасности предаться суесловіямъ, наименьшее зло которыхъ заключается въ томъ, что при нихъ обыкновенно не знаютъ того, что говорятъ.

Апостоль Павель, не боясь ничего подобнаго передъ лицомъ самихъ учителей закона начинаетъ излагать самый законъ, знаніемъ котораго они такъ гордились. Онъ употребляетъ при этомъ не много словъ, но такихъ, которыя были вполне достаточны для того, чтобы просвѣтить ихъ невѣжество.

8. *Вѣмы же, яко законъ добръ, аще кто законнѣ творитъ.*

Законъ всегда добръ въ самомъ себѣ, поелику онъ происходитъ отъ Бога и поелику существенно основывается на началахъ вѣчной, божественной премудрости и правды; объ этомъ прямо говоритъ самъ ап. Павелъ въ посланіи къ Римлянамъ: *законъ святъ, заповѣдь свята, оправданіе вѣрно* (Римл. 7, 12). Но для насъ онъ только въ томъ случаѣ остается добрымъ, если мы законно употребляемъ его, если пользуемся имъ законнѣ, по духу закона и изъ уваженія къ нему.

Ближайшая цѣль и первѣйшее назначеніе закона состоитъ въ соблюденіи его. Законъ не есть пустой призракъ, свѣтъ, который свѣтитъ, но не согрѣваетъ, простое наставленіе; онъ есть правило. И тѣ, которые исполняютъ законъ, не суть только слушатели закона, но его *творцы*, и они одни получаютъ оправданіе (Римл. 2, 13).

Эта первая цѣль закона предполагаетъ другую, болѣе отдаленную, но не менѣе необходимую. Ибо если законъ *добръ, святъ, духовенъ*, то человѣкъ въ настоящемъ состояніи, напротивъ, *плотянъ* и, какъ говоритъ Апостоль, „проданъ для грѣха“ (Римл. 7, 12—14). Другими словами: законъ святъ, совершенъ; но примѣръ всего міра убѣждаетъ насъ въ томъ, что мы не въ состояніи его исполнить. Сознаніе нашей испорченности, нашей немощи, нашего непостоянства предъ лицомъ справедливости, совершенства, непреложной святости закона побуждаетъ насъ обращаться къ посторонней помощи, которая избавляетъ насъ отъ испорченности, освобождаетъ отъ слабости, утверждаетъ наше непостоянство. Въ этомъ смыслѣ употреблять законъ законнѣ, по духу закона, значитъ обращаться къ помощи благодати, которая и укрѣпляетъ насъ въ этомъ законномъ употребленіи закона.

Но не забудемъ опять, что только одна благодать даетъ намъ возможность уразумѣть и этотъ голосъ нашего сознанія и этотъ всемірный опытъ и самый, наконецъ, законъ.

9. *Вѣдый сіе, яко праведнику законъ не лежитъ.*

Законъ дѣйствуетъ двоякимъ образомъ: онъ повелѣваетъ, запрещаетъ и управляетъ, онъ, затѣмъ, обѣщаетъ, угрожаетъ и наказываетъ. И въ томъ и другомъ случаѣ онъ, какъ видимъ, существуетъ не для праведника.

Онъ не необходимъ для него, какъ внѣшнее правило нравственности, поелику праведникъ въ самомъ себѣ, въ своемъ умѣ и своей совѣсти носитъ другой законъ, который, при свѣтѣ божественнаго откровенія и при содѣйствіи благодати Божіей, управляетъ и руководитъ имъ. Но если въ этомъ смыслѣ внѣшній законъ не существенно необходимъ для праведника, то онъ для него во всякомъ случаѣ полезенъ. Законъ есть *путеводитель нашимъ стопамъ, свѣточъ на нашемъ пути* Онъ обращаетъ сердце праведнаго и въ этомъ смыслѣ служитъ ему помощію: *правда твоя вспомоществовала мнѣ*, говорится въ Св. Писаніи.

И законъ карающій также не бесполезенъ для праведника, поелику угроза наказаніями можетъ ободрить и поддержать наиболѣе вѣрныхъ въ соблюденіи закона. И въ общемъ все это совершенно справедливо, поелику и праведники для того, чтобы торжествовать надъ обольщеніями плоти, соблазнами міра, чтобы господствовать надъ этими врагами, ихъ преслѣдованіями и ужасами, часто имѣютъ нужду въ этомъ спасительномъ страхѣ суда Божія и его неподкупной справедливости. Но угрозы и наказанія человѣческихъ законовъ въ собственномъ смыслѣ не существуютъ для праведника, поелику онъ соблюдаетъ всѣ эти законы изъ за болѣе возвышенныхъ побужденій, а не изъ за страха взысканій и угрозъ, и поелику самыя эти взысканія не могутъ относиться къ нему, какъ все-же къ вѣрному исполнителю предписаній закона, и не для него существуютъ.

Но беззаконнымъ и непокоривымъ, нечестивымъ же и грѣшникомъ, неправеднымъ и сквернымъ, отца и матере досадителемъ, мужеубійцамъ.

10. *Блудникомъ, мужеложникомъ, разбойникомъ, клеветникомъ, скотоложникомъ, лживымъ, клятвопреступникомъ, и еще что ино здравому ученію противится.*

Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что Апостоль съ нѣкоторымъ предзанятымъ намѣреніемъ противопоставляетъ праведникамъ самыхъ ужасныхъ преступниковъ, исчисляя самые гнусные пороки и преступленія. Но дѣлаетъ ли онъ это для того, чтобы дать понять необходимость карающихъ законовъ, показавъ, какимъ ужаснымъ преступленіямъ подвержены люди, или онъ хотѣлъ сдѣлать намекъ на тѣ беззаконія, которымъ подвержены лжеучители, о которыхъ онъ говоритъ? Какъ бы то ни было, но эти исчисления часто повторяются у ап. Павла, между тѣмъ какъ въ другихъ писаніяхъ Новаго Завѣта, по крайней мѣрѣ въ такомъ же видѣ, мы не находимъ ихъ. И настоящее перечисленіе, въ соединеніи съ нѣкоторою неровностію конструкціи въ концѣ этого стиха, въ соединеніи съ рѣзкимъ переходомъ къ предмету третьяго стиха этой же главы и наконецъ въ соединеніи съ длиннымъ отступленіемъ (ст. 5—18), которое можно замѣтить въ этой же главѣ,—все это на столько характерно въ слогѣ ап. Павла, что одна эта глава совершенно достаточна для доказательства принадлежности ея, а слѣдовательно и всего посланія, ему одному.

Но еще болѣе удивительно то, что Апостоль заканчиваетъ перечень этихъ преступленій словами: *и еще что здравому ученію противится.* Развѣ мы не могли доселѣ убѣдиться въ томъ, что есть такія преступленія, которыя не несовмѣстимы съ праведностію и которыя не существенно противорѣчатъ закону Божію? Вѣдь самъ же Павелъ говоритъ, что *праведникъ согрѣшаетъ, но вмѣстѣ и оправдывается*; и что если дѣти Божіи говорятъ, что они не грѣшатъ, истины нѣтъ въ нихъ, поелику каждый день они молятъ Отца небеснаго простить имъ ихъ согрѣшенія. Существуютъ, такимъ образомъ, грѣхи, съ которыми не связывается необходимо потеря праведности и званія

чадь Божіихъ. Грѣхи эти, хотя и оскорбляютъ законъ Божій, но не окончательно непримиримы съ нимъ, поелику не касаются ни цѣли закона, ни его высшаго назначенія. Словомъ, существуютъ грѣхи, отъ которыхъ не труденъ переходъ къ праведности и въ этомъ именно и заключается существенное отличіе этихъ грѣховъ отъ тѣхъ, которые прямо ведутъ къ смерти.

Какъ Апостоль говоритъ, что преступленія людей, перечисленные имъ, противны здоровому ученію, то этимъ онъ ясно указываетъ на то, что существуетъ ученіе вѣры и ученіе нравственности, что то и другое изъ нихъ одинаково возвышены и что, слѣдовательно, должны быть почерпаемы изъ первоначальнаго источника. Касательно приемовъ, свойственныхъ рѣчи Апостола, нужно сказать, что его ученіе сразу обнимаетъ все: и то, чему должно вѣрить, и то, что должно дѣлать, на что надѣяться, къ чему стремиться и чего бояться; его ученіе здраво, истинно, вполне достаточно для того, чтобы руководить нравственною жизнью людей, ученіе, больше котораго ничего не остается желать и искать.

11. По благовѣстію славы блаженнаго Бога, еже мнѣ увѣрено бысть.

Евангеліе или благовѣстіе Божіе, распространеніе котораго ввѣрено Апостоламъ, есть, такимъ образомъ, высочайшій источникъ истиннаго ученія вѣры и нравственности.

Это евангеліе есть благовѣстіе славы Божіей, поелику, въ отличіе отъ закона Моисеева, въ которомъ божественная истина была прикрыта покровомъ сѣни, оно представляетъ ее взорамъ нашимъ всецѣло открытою; или, какъ говоритъ Апостоль въ другомъ мѣстѣ, потому что мы всѣ откровеннымъ лицомъ славу Господню взирающе, въ той же образъ преобразуемъ отъ славы въ славу, якоже отъ Господня духа (2 Кор. 3, 18).

Оно есть благовѣстіе славы блаженнаго Бога, поелику истинная, дѣйствительная слава Божія и заключается въ высочайшемъ блаженствѣ, которое необходимо предпола-

гаетъ обладаніе и сознаніе совершеннѣйшей полноты бытія и верховнаго блага.

Апостоль Павель особенно любилъ приписывать Богу эпитетъ *блаженнаго*, потому что благоговѣніе и прославленіе высочайшаго блаженства Божія составляетъ одно изъ самыхъ драгоцѣннѣйшихъ движеній души, вспламененной любовію къ Богу.

И это созерцаніе и прославленіе Апостоломъ блаженства Божія нельзя назвать всецѣло безкорыстнымъ. Хотя ни въ чемъ такъ сильно не сказывается наше вѣчное блаженство, какъ въ созерцаніи блаженства Божія и въ наслажденіи Его совершеннымъ вседовольствомъ, но однако самое это блаженство не останется на всегда чуждымъ и намъ; какъ слава Божія, оно всегда будетъ присуще намъ и мы *внидемъ нѣкогда въ радость Господа своего*. Отсюда, мы должны показать себя такими, какими Онъ создалъ насъ, достойными благовѣстія, которое возвѣщаетъ намъ эту славу, обѣщаетъ ее намъ и уготовляетъ насъ къ принятію ея.

Это благовѣстіе, ввѣренное Іисусомъ Христомъ сначала 12-ти Апостоламъ, преподано было послѣ и Апостолу Павлу. Какъ и всѣ остальные Апостолы, онъ получилъ его непосредственно отъ самого Христа, во всей полнотѣ и съ глубочайшимъ сознаніемъ божественной истины, во всемъ совершенствѣ, со всѣмъ тѣмъ, что только необходимо для распространенія его между людьми и для побужденія ихъ къ принятію его—съ даромъ непогрѣшимости и даромъ чудесъ. Все это и составляетъ отличительные признаки Апостоловъ и другихъ учителей и служителей церкви; такія ихъ преимущества, которыя вѣчно присущи имъ, и которыя кромѣ ихъ не свойственны никому иному.

III.

Св. ап. Павелъ—примѣръ божественнаго милосердія. Епископство—священное воинство. Потеря вѣры—слѣдствіе злой совѣсти.

12. *И благодарю укрѣпляющаго мя Христа Іисуса Господа нашего, яко вѣрна мя нещеча положивъ мя въ службу.*

Апостоль Павелъ, восхищенный высокою служенія, къ которому былъ призванъ, не могъ удержаться отъ того, чтобъ не сказать о самомъ себѣ. Онъ боялся, чтобы другіе не приписали его призванія его заслугамъ и потому считаетъ нужнымъ объяснить истинныя причины призванія. Но прежде всего онъ благодаритъ нашего Спасителя, Господа Іисуса Христа за то, что Онъ, призывая его къ апостольству, укрѣпилъ его силы и почтилъ его вѣрнымъ, или лучше призналъ, что онъ впоследствии сдѣлается вѣрнымъ Ему.

Такъ думалъ Господь, призывая къ апостольскому служенію того, кто былъ способенъ къ сему: Онъ зналъ, что Апостоль будетъ достойнымъ Его избранія. Ибо истинный пастырь душъ, по слову Евангелія, есть строитель вѣрный и мудрый, его же поставитъ Господь надъ челядью своею, даати во еремя житомѣріе (Лук. 12, 42).

13. *Бывша мя иногда хульника и гонителя и досадителя: но помилованъ быхъ, яко не вѣдый сотворихъ въ не вѣрствіи.*

Но за что благоволилъ Богъ явить къ Апостолу такое почтеніе? За его ли заслугу, за его ученость, или за природныя способности? Нѣтъ. Онъ былъ хулитель и гонитель, предъ лицомъ народа поносилъ Христа и Его евангеліе въ то самое время, какъ Господь сподобилъ призвать его. Никто не приготавлиалъ его къ апостольскому служенію и его призваніе было въ собственномъ смыслѣ дѣломъ милосердія Божія.

Онъ былъ, затѣмъ, изъ числа первыхъ Апостоловъ. Былъ лучшимъ изъ числа самыхъ славныхъ служителей и правителей церкви. Такимъ же дѣломъ единственно милосердія Божія было и призваніе къ священству всѣхъ тѣхъ, которые во все време жизни знали Иисуса Христа, любили Его и вѣрно служили Ему. И это милосердіе Божіе начало оказывать на нихъ свое дѣйствіе издалека; оно издавна предостерегало и предохраняло своего избранника, чтобы потомъ меньше прощать ему.

Провозглашая истину о своемъ призваніи, Апостоль не унижаетъ себя самого; онъ обвиняетъ себя, слѣдуя словамъ Премудраго, но его униженіе не доходитъ до полнаго, такъ сказать, обезличенія. Если милосердіе Божіе и проявляетъ свое дѣйствіе только въ отношеніи къ бѣднымъ и недостойнымъ, то нужно замѣтить, что существуютъ различныя степени бѣдности и недостойности, и человѣкъ, злоупотребляя своею свободою, можетъ противопоставить большія или меньшія препятствія дѣйствіямъ на него божественной благодати. Состояніе невѣрной души, которая противопоставляетъ меньшія препятствія—это состояніе одного невѣдѣнія, если только это невѣдѣніе не убиваетъ окончательно стремленія къ истинѣ и если оно не вытекаетъ изъ какой-либо злой страсти. Тоже самое можно сказать и относительно невѣрія. Если оно влечетъ къ ненависти, или къ совершенному безучастію въ отношеніи къ религіозной истинѣ, то оно противопоставляетъ непреодолимыя препятствія свѣту божественной благодати. Но если оно вытекаетъ изъ искреннихъ предубѣжденій, изъ благорасположенности къ религіозному ученію, истинному въ своемъ основаніи, но не вполне совершенному, если оно вытекаетъ изъ предразсудковъ племенныхъ и національныхъ, то оно менѣе недостойно предъ лицомъ милости Божіей.

Таковы были невѣдѣніе и невѣріе Апостола Павла. То и другое вытекало, какъ самъ онъ говорилъ послѣ, изъ предразсудковъ его религіознаго воспитанія и его отноше-

ніе къ новой вѣрѣ было прямымъ слѣдствіемъ его горячей ревности къ преданіямъ отцевъ.

Какъ много есть и теперь людей, которые держатся внѣ христіанской церкви, не хотятъ постигнуть истинъ ея ученія, порицаютъ ее, злословятъ, нападаютъ на нее изъ за религіозныхъ предубѣжденій или національныхъ предразсудковъ! Вся вражда, которую они питаютъ къ намъ, далеко не такъ разъединяетъ насъ, какъ они думаютъ, и будетъ время, когда и они обрящутъ милосердіе Божіе. Наши молитвы, наша любовь и наше благочестіе ускорятъ наступленіе этого времени! Горе намъ, если мы своимъ безразсудствомъ и своею мнимою ревностію, полагая преграды божественному милосердію къ нимъ, отдаляемъ отъ себя это славное время!

14. *Упреумножися же благодать Господа нашего (Иисуса Христа) съ вѣрою и любовію, яже о Христі Іисусѣ.*

На основаніи этого милосердія благодать созидаетъ въ душѣ человѣка зданіе вѣры и любви, которыя составляютъ сущность самого христіанства. Но эта вѣра и эта любовь не тоже что вѣра человѣческая или любовь естественная. Эта вѣра и эта любовь—во Христі Іисусѣ. Ибо никто не можетъ получить оправданія *какъ только чрезъ вѣру въ силу крови Его*, и нѣтъ другаго имени подъ небесемъ, о немъ же *подобаетъ спастися намъ.*

По общему закону Богъ, снисходя къ человѣческой природѣ, благоволитъ тамъ являть преизобилующую благодать, гдѣ преумножится грѣхъ; и этотъ законъ Онъ благоволитъ являть по отношенію къ нѣкоторымъ людямъ по такимъ побужденіямъ, которыхъ ни одна тварь не въ состояніи постигнуть во всей ихъ глубинѣ и широтѣ, и изъ которыхъ открыты намъ только нѣкоторыя.

15. *Вѣрно слово и всякаго пріятія достойно, яко Іисусъ Христосъ прииде въ міръ грѣшники спасти, отъ нихъ же первый есмь азъ.*

Прежде всего слѣдуетъ твердо помнить, что Іисусъ Христосъ пришелъ въ міръ спасти грѣшниковъ. Это такая

истина, которая заслуживаетъ полнаго довѣрія къ ней. *Не требуютъ здравіи врача, говоритъ Самъ Онъ, но болящии. Не придохъ призвати праведныхъ, но грѣшныя къ покаянію.* (Лук. 5, 31—32).

Кровавая жертва, чрезъ которую мы получили искупленіе отъ грѣховъ, крещеніе, возродившее насъ къ новой жизни и служащее символомъ смерти и воскресенія Богочеловѣка, торжественно возвѣщаютъ намъ эту величайшую истину христіанства.

Для того, чтобы оцѣнить великость этой жертвы, не важно знать то, что было бы, еслибы человѣческая природа не пала въ лицѣ Адама: принялъ ли бы тогда Сынъ Божій человѣческую плоть, или Онъ избралъ бы другой родъ разумныхъ существъ для того, чтобы соединиться съ ними? или быть можетъ соединеніе Его божественной Личности съ человѣческимъ естествомъ не было бы въостаснымъ? Кто знаетъ все это? Кто можетъ съ увѣренностію судить обо всемъ этомъ, не боясь впасть въ тяжкое заблужденіе? Какъ бы то ни было, но то, что наиболѣе важно для того, чтобы уразумѣть все великое значеніе благодѣянія, полученнаго нами чрезъ Христа,—это знать и быть увѣреннымъ въ томъ, что всѣ мы, какъ дѣти Адама, грѣшники, и при томъ тѣ самые, которыхъ пришелъ спасти Іисусъ Христосъ: *ибо не отъ Ангелъ приемлетъ, но отъ съмене Авраимова приемлетъ.*

Апостоль называетъ себя первымъ грѣшникомъ, или однимъ изъ первыхъ грѣшниковъ, и онъ совершенно правъ. Душа смиренная, или скажемъ болѣе, душа истинно благочестивая не видитъ ничего, кромѣ собственныхъ недостатковъ; недостатки другихъ для нея не существуютъ. Чувствуя себя повинною во всѣхъ грѣхахъ, въ глубокомъ сознаніи своей испорченности считая себя не вправѣ производить какія-либо сравненія своихъ недостатковъ съ недостатками другихъ, она любитъ поставять себя, и на самомъ дѣлѣ чистосердечно ставить себя, въ самомъ послѣднемъ ряду созданій Божіихъ. Это, такъ сказать, пробный камень истиннаго смиренія. Тотъ, кто недостаточно созналъ свое

ничтожество, и кто, по своей неблагодарности, не способенъ былъ почувствовать, что здѣсь и есть его постоянное мѣсто, и что онъ только божественному милосердію обязанъ тѣмъ, что доселѣ не окончательно низверженъ въ бездну грѣховъ—тотъ, говоримъ, еще не знаетъ что такое истинная простота сердца.

16. *Но сего ради помилованъ быхъ, да во мнѣ первомъ покажетъ Иисусъ Христосъ все долготерпѣніе, за образъ хотящихъ вѣровать ему въ жизнь вѣчную.*

Иисусъ Христосъ пришелъ спасти грѣшниковъ; отсюда наше спасеніе есть единственно дѣло Его милосердія. И это милосердіе Господь благоволилъ явить какъ для того, чтобы показать свою высочайшую свободу, такъ и по внушенію своей божественной мудрости, дѣйствія которой, будучи разнообразны, всегда одинаково удивительны.

Однимъ изъ правилъ этой божественной мудрости служить то, чтобы заставлятъ служить къ духовному вразумленію и назиданію всѣхъ вѣрующихъ въ жизнь вѣчную всѣмъ щедроты божественнаго долготерпѣнія и благодати, которыя оказали свое дѣйствіе только въ отношеніи къ нѣкоторымъ. Такова была цѣль божественнаго милосердія въ отношеніи къ самому Павлу.

Кто станетъ отчаиваться въ божественномъ милосердіи, размышляя о томъ долготерпѣніи, которое оно явило къ одному изъ самыхъ величайшихъ грѣшниковъ? и кто не возчувствуетъ всей силы божественной благодати, видя какъ она сдѣлала избранный сосудъ и Апостола языковъ изъ самого ожесточеннаго гонителя церкви?

17. *Царю же вѣковъ неплыному, невидимому, единому премудрому Богу честь и слава во вѣки вѣковъ. Аминь.*

Полагаютъ, что Апостоль, разсуждая о своемъ призваніи, не могъ удержаться отъ восторга благоговѣнія и въ этомъ восклицаніи провозглашаетъ похвалу дѣйствію на него божественной благодати. Это впрочемъ обыкновенный пріемъ Апостола, по которому онъ, будучи пораженъ глубиною и величіемъ предмета, на которомъ хочетъ остано-

вить вниманіе читателя, прерываетъ свою рѣчь, вноситъ въ нее эти восторги и восклицанія и затѣмъ допускаетъ многозначительное молчаніе.

Здѣсь предметомъ удивленія и благоговѣнія Апостола служитъ самое глубочайшее въ Богѣ, то что свидѣтельствуется о наибольшей независимости и, такъ сказать наибольшей верховности Его бытія. Онъ есть царь вѣковъ поелику создалъ ихъ со всѣмъ видимымъ и поелику, между тѣмъ, какъ эти вѣка послѣдовательнымъ рядомъ идутъ и измѣняются, Онъ пребываетъ на своемъ престолѣ вѣчно неизмѣннымъ. Онъ въ собственномъ смыслѣ безсмертенъ, поелику тотъ, кто не имѣетъ начала, не можетъ имѣть и конца. Онъ невидимъ, поелику стоитъ выше всего сущаго и поелику ни одно сотворенное существо не можетъ ни видѣть Его тѣлесными очами, ни постигнуть мысленнымъ окомъ. Онъ есть *Богъ единый* въ единствѣ своего существа, хотя и не былъ никогда уединенъ отъ міра; *Богъ одинъ*, потому что внѣ Его нѣтъ другаго Бога и что все, что въ Немъ, есть Онъ Самъ. Отсюда Ему одному принадлежитъ честь и слава во вѣки вѣковъ.

Эта честь и слава, которую Апостоль приписываетъ здѣсь Богу въ единствѣ Его божественной природы, послѣ приписывается имъ отдѣльно Отцу и Сыну, Спасителю нашему Иисусу Христу. Апостолы Петръ и Іоаннъ поступали также. Церковь первыхъ вѣковъ прилагала ихъ также и къ Святому Духу вмѣстѣ съ Отцемъ и Сыномъ. Такъ сложилась та формула славословія, которую мы столь часто произносимъ своими устами; формула, прекрасно свидѣтельствующая о единосущіи и равенствѣ Лиць Пресв. Троицы; поэтому мы должны произносить ее съ глубочайшимъ благоговѣніемъ.

18. *Сіе же завѣщаніе предаю ти, чадо Тимоѣе, по бывшихъ на тя прежде пророчествіихъ, да воинствуеши въ нихъ доброе воинство.*

Послѣ этого отступленія и этихъ движеній благочестивой души, ап. Павелъ возвращается къ предмету своей

рѣчи, т. е. къ тѣмъ наставленіямъ, которыя онъ давалъ своему ученику. Чтобы сдѣлать его болѣе вѣрнымъ и болѣе внимательнымъ, онъ обращается къ пророчествамъ; предвозвѣстившимъ подвиги и плоды епископскаго служенія Тимоѳея. Апостоль принимаетъ епископство въ его истинномъ значеніи, какъ воинство; воинство доброе, поелику оно должно сражаться для Бога; воинство, въ которомъ должно сражаться мужественно и непрерывно, въ виду вѣрныхъ поручителей нашего спасенія и при ихъ содѣйствіи.

И всѣ тѣ, кто призванъ къ служенію пастырскому, для того, чтобы быть вѣрными въ исполненіи обязанностей этого служенія, чтобы приносить плоды, о которыхъ предвозвѣщено было Тимоѳею, имѣютъ нужду убѣждаться въ томъ, что служеніе пастырское есть истинное воинство, должны какъ можно глубже вникать въ характеръ и отличительныя свойства этого воинства.

19. *Имѣя вѣру и благую совѣсть, юже нѣкими отринувше, отъ вѣры отпадоша.*

Эти свойства, или лучше, оружіе этого славнаго воинства суть вѣра и добрая совѣсть. Черезъ вѣру воинствуютъ во славу Божию, черезъ добрую совѣсть сохраняютъ вѣру и заставляютъ ее быть дѣятельною и плодотворною. Ибо если совѣсть, для того, чтобы быть доброю, должна утверждаться на вѣрѣ и черезъ вѣру, то добрая совѣсть составляетъ надежное охраненіе самой вѣры. Око вѣры закрывается, какъ скоро око совѣсти совращается съ пути истины и справедливости. „Кто, говоритъ Спаситель, ненавидитъ свѣтъ, тотъ и не стремится къ свѣту, а если и приходитъ къ нему, то не пребываетъ въ немъ“. Вѣра естественно подчиняется хотѣніямъ совѣсти, поелику всякій охотно вѣритъ тому, чего желаетъ. И если совѣсть зла, то очень трудно и вѣрѣ быть доброю. Мысль Апостола, такимъ образомъ, та, что не должно удивляться тому, что люди съ омраченною совѣстью не способны бывать возвышаться до чистоты вѣры.

Затѣмъ, отвергая внушенія доброй совѣсти, душа навѣрное открываетъ доступъ къ себѣ самымъ злымъ страстямъ, подвергается, такъ сказать, кораблекрушенію въ вѣрѣ.

20. *Отъ нихъ же есть Именей и Александръ, ихъ же предахъ сатанъ, да накажутся не хулити.*

Кто бы ни были упомянутые здѣсь Именей и Александръ, но они заслужили это наказаніе, поелику отринули вѣру, сопротивляясь внушеніямъ собственной совѣсти.

Единство въ Церкви не есть простое произвольное сближеніе, которое можетъ быть произвольно и нарушено. Церковь сама въ себѣ не есть произвольный союзъ, союзъ несовершенный, самые существенные законы котораго можно безнаказанно нарушать, и который не въ состояніи противустоять воюющимъ противъ него. Власть наказывать, предоставленная Церкви, не въ томъ состоитъ, что она можетъ лишать недостойныхъ своихъ милостей и благодѣяній; наказанія, которыя она можетъ налагать, суть истинныя наказанія, связывающія душу вопреки ея желанію. Выраженіе, употребленное здѣсь Апостоломъ, указываетъ на способъ наказанія самый тяжкій. „Человѣка, говоритъ блаженный Августинъ, гораздо ужаснѣе связываетъ судъ Церкви, нежели желѣзные оковы“.

Самое тяжкое изъ церковныхъ наказаній есть отлученіе: это такое наказаніе, посредствомъ котораго Церковь передаетъ душу сатанѣ и допускаетъ ее, такимъ образомъ, служить врагу всякаго добра для того, чтобы отомстить за оскорбленіе, нанесенное власти Божіей и власти самой Церкви. Определеніе ужасное, но въ то же время и милосердное. Церковь караетъ матерински; самыя ужасныя изъ ея наказаній спасительны, поелику никогда не оставляютъ человѣка безъ надежды. Неизмѣнное правило Церкви, какъ показываютъ слова Апостола, состоитъ въ томъ, чтобы наказывать не для гибели грѣшника, но для того, чтобы отвратить его отъ заблужденій и привести къ добру.

Глава II.

Одною изъ первыхъ обязанностей епископа было предстоятельство въ общественномъ богослуженіи и управлять всѣмъ, что сюда относится. Апостоль Павелъ прежде всего послѣдовательно излагаетъ своему ученику эту первую обязанность, обозначая различные роды молитвъ, изъ которыхъ слагается общественное богослуженіе, указывая лица, о которыхъ должно молиться и способъ, какимъ должны быть совершены молитвы.

I.

Различные роды молитвъ. Молитва за вся челоѵки, въ особенности за начальствующихъ. Богъ желаетъ спасенія всѣмъ людемъ.

Ст. 1. Молю убо прежде всѣхъ творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія, за вся челоѵки.

Молитва имѣетъ различныя дѣйствія и различные виды. Всѣ эти дѣйствія и эти виды молитвы выяснены Апостоломъ въ наставленіяхъ его, которыя онъ внушаетъ своему ученику.

Трудно уловить различіе, какое существуетъ между молитвами, обозначенными въ этомъ стихѣ, равно какъ и опредѣлить внутренней смыслъ каждаго изъ отдѣльныхъ видовъ молитвы, исключая молитвы *прошенія* и *благодаренія*. Отцы Церкви различно трактуютъ объ этомъ; но во всякомъ случаѣ было бы оскорбительно для Апостола видѣть во всѣхъ различныхъ выраженіяхъ этого стиха одно простое многословіе, тѣмъ болѣе потому, что въ другомъ своемъ посланіи Апостоль прямо указываетъ на это различіе (Еф. 6, 18; 5, Филипп. 4, 6).

Если позволительно смѣло и съ увѣренностію судить объ этомъ, то можно предположить, что Апостоль подь словомъ *прошеніе* разумѣль низшую степень молитвы; *моленіе*—самый актъ, содержаніе и предметъ молитвы; тогда какъ *молитва*—*προσευχή* составляетъ то, что только есть въ ней наиболѣе возвышеннаго и наиболѣе торжественнаго, актъ возношенія къ Богу попреимуществу. Такъ, между прочимъ, думаль Оригенъ, когда относиль молитву—*προσευχή* къ одному Богу Отцу на томъ основаніи, что во время приношенія безкровной жертвы Церковь относится неносредственно къ Богу Отцу чрезъ верховнаго Первосвященника нашего Спасителя Іисуса Христа. Замѣчательно, что когда и св. Лука говоритъ о молитвѣ Іисуса Христа, то употребляетъ это же слово (Лук. 5, 16; 6, 12).

Блаженный Августинъ раздѣляя этотъ взглядъ Оригена, сообщилъ однако словамъ Апостола смыслъ еще болѣе точный и болѣе полный въ приложеніи къ таинству евхаристіи. Подь словомъ *прошеніе* онъ разумѣеть приготовительную молитву Церкви, въ которой она смиреннымъ духомъ молить Бога; *моленіе*, это самый актъ жертвоприношенія или молитвы при немъ; *молитвы*, эта молитва пастыря за народъ, наконецъ *благодареніе*—это молитва за полученные блага, или за дѣйствіе благодати.

Но каковъ бы собственно ни былъ актъ или форма этихъ молитвъ, предметъ ихъ ясно обозначенъ Апостоломъ. Онѣ должны быть возносимы Богу за вся человѣки, т. е. не только за людей всѣхъ націй, всѣхъ государствъ, всякаго званія и состоянія, пола и возраста, но за всѣхъ людей безъ всякихъ разграниченій и исключеній.

2. *За царя и за всѣхъ, иже во власти суть, да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ.*

Если молитвы должны быть возносимы Церковью за всѣхъ людей, то въ особенности онѣ должны имѣть предметомъ своимъ начальствующихъ, которые утверждены въ

этомъ достоинствѣ, и которыхъ Апостоль называетъ *властями свыше*. Въ этомъ заключается одинъ изъ отличительныхъ признаковъ ученія апостольскаго, въ противоположность гностицизму и другимъ ересямъ. Оно заповѣдуетъ почтеніе, покорность и даже молитвы за хранителей общественнаго спокойствія.

Св. Церковь никогда не погрѣшала противъ этой обязанности; никогда она ни отрицала существующей власти. Вмѣстѣ съ Апостоломъ она всегда считала подлежащимъ предѣломъ этой власти настоящую, земную жизнь, и ея существеннымъ назначеніемъ устанавливать общественный порядокъ и обезпечивать спокойствіе.

Этотъ порядокъ и это спокойствіе во всякое время должны быть дороги для всѣхъ вѣрующихъ; ибо высшая и истинная цѣль того и другого заключается не въ томъ, чтобы представить возможность пользующимся ими вести жизнь праздную и безпечную, но въ томъ, чтобы оградить свободу, необходимую для наиболѣе внимательнаго исполненія обязанностей христіанскаго благочестія и святости жизни.

3. *Сіе бо добро и пріятно предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ.*

Какъ и вообще молитва, молитва за вся человѣки—дѣло доброе; поелику она есть дѣло любви въ отношеніи къ членамъ великой семьи человѣчества, отъ которой никто изъ насъ не долженъ быть отчужденнымъ. На столько же удобное и пріятное Богу дѣло составляетъ и молитва за хранителей общественнаго спокойствія, поелику молиться за нихъ—значить споспѣшествовать общественному порядку, который благо и самъ по себѣ и который сверхъ того учрежденъ самимъ Богомъ.

Но дѣло это пріятно Богу, нашему Спасителю еще и по особенной причинѣ; ибо молиться за вся человѣки, значить участвовать въ Его намѣреніяхъ относительно нашего спасенія и споспѣшествовать этому великому дѣлу.

4. *Иже всемъ человекомъ хочетъ спастися и въ разумъ истины прийти.*

Цѣль нашихъ молитвъ состоитъ не исключительно въ томъ, чтобы споспѣшествовать нашему личному спокойствію, а также нашему преуспѣянію въ благочестіи и чистотѣ; онѣ имѣютъ другую цѣль, болѣе широкую и болѣе возвышенную. Мы должны молиться за всѣхъ людей потому, что Богъ есть Спаситель всѣхъ, а также и потому, что Онъ желаетъ, чтобы всѣ люди спаслись и чтобы всѣ достигли познанія истины. Ограничивать извѣстнымъ числомъ людей волю Божию о спасеніи всѣхъ, значитъ самовольно дѣлать то дѣло, которое довѣло одному Спасителю.

И такъ, въ молитвѣ нѣтъ и не должно быть ни для кого и никакихъ различій и исключеній. Богъ хочетъ спасенія всѣмъ, равно какъ хочетъ, чтобы и мы молились за всѣхъ. Онъ желаетъ спасенія, равно какъ требуетъ и того, чтобы наши молитвы были чистосердечны и искренни. И мы только въ томъ случаѣ имѣли бы право допускать различіе, дѣлать какія-либо разграниченія между людьми, за которыхъ мы молимся, если бы знали, что Самъ Богъ допускаетъ эти различія и разграниченія въ своемъ предопредѣленіи объ ихъ спасеніи.

Затѣмъ, желая привести всѣхъ людей къ познанію истины, Богъ установилъ для этого особое средство, чтобы сообразно съ способностями и положеніемъ большей части людей руководить ихъ къ ней. Это средство не есть личное изслѣдованіе и изысканіе, къ которому очень многіе изъ членовъ Церкви вовсе не способны. Это не есть также одно дѣйствіе благодати или озареніе внутреннимъ свѣтомъ, поелику въ такомъ случаѣ потребны были бы постоянныя чудеса и неотвратимы иллюзіи;—это средство есть авторитетъ Церкви.

II.

Единый и всеобщий Ходатай Иисусъ Христосъ. Ходатай собственною кровію. Ходатай въ predeterminedенное время. Всемирное апостольство.

5. Единъ бо есть Богъ и единъ Ходатай Бога и человекъ Христосъ Иисусъ.

Истина, что Богъ желаетъ спасенія всѣмъ людямъ, требуетъ самыхъ глубокихъ уясненій и доказательствъ. Апостоль и дѣлаетъ это, основываясь на различныхъ соображеніяхъ.

Одинъ только Богъ, и Богъ единый есть Богъ всѣхъ. Одинъ также и Ходатай, и этотъ единый Ходатай не есть частный ходатай, какимъ былъ Моисей, но ходатай всеобщій: Богъ и человекъ вмѣстѣ, соединившій въ самомъ себѣ два естества въ ихъ цѣлостности для того, чтобы исполнѣ и всецѣло примирить ихъ между собою; Онъ въ тоже время есть особенный Ходатай, какъ человекъ, поелику какъ Богъ, Онъ равенъ Отцу, и составляетъ едино съ Нимъ.

И это таинство, о которомъ нельзя говорить безъ чувства живѣйшаго благоговѣнія, наиболѣе возвышаетъ и прославляетъ нашу природу. Разсуждая о величїи Божїемъ и о ничтожествѣ человека, мудрѣйшіе изъ философовъ всегда допускали нѣкоторыя посредствующія существа, необходимыя для того, чтобы служить посредствующею связью между нами и божествомъ. Таинство воплощенія, или посредничества Богочеловѣка, опровергаетъ ихъ заблужденія въ самомъ ихъ основанїи. Мы не имѣемъ нужды въ посредствующихъ богахъ и полубогахъ для того, чтобы относиться къ Богу истинному. Если есть существа превосходнѣйшія насъ, то отсюда не слѣдуетъ, что человѣческая природа не способна къ воспрїятію непосредственныхъ отношеній къ ней божества и не достойна этихъ отношеній. Самъ Богъ не соединился вчюстасно съ природою ангельскою, но съ природою человѣческою. Ангелы могутъ просвѣщать насъ, споспѣшествовать намъ, служить цѣлямъ

нашего спасенія, быть вторыми нашими ходатаями—и они на самомъ дѣлѣ таковы; но мы имѣемъ единого Ходатая, Ходатая истиннаго и совершеннаго, Иисуса Христа, Который будучи Сыномъ человѣческимъ, есть въ тоже время единый Сынъ Божій.

6. *Давый себе избавленіе за всѣхъ, свидѣтельство времени своими.*

Этимъ званіемъ ходатая и посредника Иисусъ Христосъ владѣлъ не въ силу только своей двойственной природы и не по названію только Богочеловѣка; Онъ благоволилъ принять на себя это званіе и освятить его чрезъ пролитіе собственной крови. Онъ былъ не только посредникомъ, который говоритъ и учитъ, который молить и просить, но такимъ, который жертвуетъ самимъ собою, предаетъ себя для того, чтобы сдѣлаться нашимъ искупленіемъ и залогомъ нашего благополучія.

По истинѣ, никто не могъ удержать Его отъ этого великаго дѣла: какъ Богъ, Онъ безсмертенъ; какъ человѣкъ, Онъ былъ неповиненъ смерти. Но Онъ восхотѣлъ умереть, дабы удовлетворить за насъ правдѣ Божіей, сдѣлаться цѣною искупленія всѣхъ людей и представить въ предопредѣленное Богомъ время, или лучше во исполненіе временъ, своею вольною жертвою торжественное и неопровержимое свидѣтельство своей любви къ роду человѣческому.

7. *Въ неже поставленъ быхъ азъ проповѣдникъ и апостолъ, истину глаголю о Христѣ, не лу, учитель языковъ, въ вѣрѣ и истинѣ.*

И все это сдѣлалъ Онъ для того, чтобы основать всемірное апостольство. Иисусъ Христосъ, посылая при жизни своей учениковъ только къ заблудшимъ овцамъ дому Израилева, послѣ смерти и воскресенія послалъ ихъ ко всѣмъ народамъ, обѣщая пребыть съ ними во всѣ дни до скончанія вѣка.

И дѣйствительно, до времени великою миссіи Апостоловъ, языческіе народы, лишеныя обѣтованій и участія въ божественномъ откровеніи, были чужды также и боже-

ственной истины. Но когда наступило время обѣтованнаго искупленія всего рода человѣческаго, то Богъ не только послалъ ко всѣмъ народамъ своихъ Апостоловъ, но еще восхотѣлъ дать имъ, въ лицѣ Апостола Павла, особеннаго, чрезвычайнаго учителя. Это впрочемъ не значитъ, что апостолы Петръ, Іоаннъ и другіе вовсе не были учителями язычниковъ, и что ап. Павелъ вовсе не проповѣдывалъ чадамъ дому Израилева. Но, чтобы яснѣе обнаружилось намѣреніе божественнаго Промысла привести ко спасенію всѣ народы, изъ всѣхъ проповѣдниковъ и Апостоловъ Богъ избираетъ одного такого, который бы и по самому названію былъ учителемъ язычниковъ въ вѣрѣ и истинѣ.

Съ тѣхъ поръ истина, какъ и вѣра, сдѣлалась всеобщимъ и неотъемлемымъ достояніемъ всего рода человѣческаго. Во всей своей полнотѣ эта истина содержится въ наставленіяхъ Христа и Его Апостоловъ; отсюда напрасно люди усиливаются найти ее внѣ этихъ источниковъ.

Затѣмъ, учредивши всемірное апостольство, Богъ этимъ самымъ даровалъ людямъ всегдашнее и всеобщее средство къ познанію божественной истины. Мы теперь не можемъ сомнѣваться въ томъ, что Богъ восхотѣлъ спасти всѣхъ людей; самымъ твердымъ основаніемъ для нашей увѣренности въ этомъ служитъ установленная Имъ молитва *за вся чловѣки*.

III.

Молитва на всякомъ мѣстѣ. Молитва мужчинъ. Скромность женщинъ. Молчаніе ихъ во храмѣ. Ихъ покорность.

8. *Хочу убо, да молитвы творятъ мужіе на всякомъ мѣстѣ, воздѣюще преподобныя руки безъ интѣва и размышленія.*

И такъ, прошли древнія времена, и теперь уже поклоненіе Богу должно совершаться ни въ Іерусалимѣ, ни въ Самаріи, но на всякомъ мѣстѣ. Теперь, когда спасеніе

даровано всѣмъ людямъ, и молитвы должны совершаться по всей землѣ, поелику она омыта пречистою кровію, обновленная и освященная великою жертвою Іисуса Христа, сдѣлалась теперь однимъ великимъ храмомъ истиннаго Бога.

Молитвы не составляютъ теперь исключительной принадлежности однихъ потомковъ Аарона, воздвигавшихъ нѣкогда *руцѣ своя* горѣ и возносившихъ мольбы къ Богу отъ лица всего народа. Человѣческая природа, сокрушенная тяжестью грѣха, теперь снова восстановлена чрезъ искупленіе Богочеловѣка. Всѣ чада *людей обновленія* сдѣлались теперь царями и священниками; они теперь, по слову Апостола, *народъ избранъ, языкъ святъ, царское священіе*.

И такъ, всѣ люди имѣютъ теперь право на священство; всѣ имѣютъ право участія въ общественной молитвѣ и это право есть слѣдствіе ихъ собственной власти, но только въ томъ случаѣ, если они воздѣваютъ руки чистыя, если они свободны отъ гнѣва, недовольства и недовѣрія. Молитва, совершаемая безъ чистоты сердца, которая пріобрѣтается чрезъ постоянное удаленіе отъ грѣха, не угодна Богу и не можетъ умилоствовать Его правосудіе. Если она сопровождается чувствами гнѣва или ненависти, то она неизбѣжно будетъ отринута Богомъ, который есть любовь; и если къ ней примѣшивается духъ сомнѣнія, который влечетъ за собою гордость и недовѣріе, то она не можетъ быть пріятна Богу мира.

9. *Такожде и жены во украшеніи лѣпотномъ, со стыдніемъ и цѣломудріемъ да украшаютъ себе не въ плетеніихъ, ни златомъ или бисерми, или ризами многоцѣнными.*

То, что говоритъ Апостоль мужчинамъ, относится одинаково и къ женщинамъ, поелику и эти послѣднія одарены такою же природою и такъ же имѣютъ участіе въ дѣлѣ искупленія и благодати. Только одно должно отличать женщинъ отъ мужчинъ, именно скромность и стыдливость, которую онѣ должны тщательно соблюдать всегда и особенно во время молитвы.

Что касается, затѣмъ, одеждъ, то вообще внѣшнія украшенія не воспрещаются имъ; Апостоль хочетъ только, чтобы добрыя жены не допускали большой изысканности въ нарядахъ, и чтобы больше всего заботились о благоприличіи и скромности. Блескъ, роскошь, чрезмѣрная забота о тѣлѣ, — стремленіе къ внѣшнимъ преимуществамъ, все это не совмѣстимо съ духомъ молитвы; ибо ничто такъ не ослабляетъ ея силы и могущества, какъ духъ суетности и вообще все, что свидѣтельствуешь о желаніи показаться предъ другими.

Кто не уважаетъ правилъ скромности и благоприличія, кто позволяетъ себѣ такія траты, которыя превышаютъ его состояніе и которыя вообще не сообразны съ условіями его жизни; тотъ уклоняется отъ истиннаго духа христіанства и подвергаетъ себя опасности тяжкихъ и непростительныхъ погрѣшностей и заблужденій.

10. *Но еже подобаетъ женамъ общавающимся благочестію, дѣлы благими.*

Украшеніе, свойственное добрымъ женщинамъ, есть благочестіе, которое открывается въ добрыхъ дѣлахъ. Благочестіе попреимуществу свойственно женщинѣ. Добрая, нѣжная, чувствительная, она, можно сказать, по природѣ благочестива. И ничего нѣтъ нравственно уродливѣе, какъ женщина нечестивая.

Но христіанство не ограничивается по отношенію къ женщинѣ тѣмъ поверхностнымъ благочестіемъ, которое вытекаетъ изъ воображенія и природной чувствительности, и которое такъ легко обнаруживается въ религіозныхъ чувствахъ и словахъ. Это благочестіе не исключаетъ еще собою дѣлой бездны эгоизма, пустоты, изысканности, личныхъ страстей и похотей. Служеніе Богу, Который есть истинная любовь, налагаетъ обязанности болѣе строгія; оно требуетъ и отъ жены благочестія болѣе твердаго и мужественнаго, которое, проявляясь въ подвигахъ доблестныхъ и безкорыстныхъ, свидѣтельствовало бы объ ихъ чистосердечіи и силѣ духа.

11. *Жена въ безмолвіи да учится со всякимъ покореніемъ.*

Между тѣмъ, это равенство предъ лицомъ благодати и эта сила духа не должны заставлятъ женщину забывать, что она по природѣ подчинена мужчинѣ и должна быть покорна ему. Служеніе дѣлу принадлежитъ ей, но служенія слову она лишена.

Болѣе, чѣмъ кто-нибудь другой, она должна избѣгать различныхъ споровъ и разногласій, которые питаютъ одно пустое тщеславіе. И если только она не хочетъ выйти изъ своего призванія, она должна внимать религіознымъ назидаціямъ съ безмолвіемъ, съ полнымъ уваженіемъ и со всякою покорностію.

12. *Женъ же учить не повелѣваю, ниже владѣти мужемъ, но быти въ безмолвіи.*

Это, впрочемъ, не значитъ, что жены не должны никогда обращаться къ Богу съ словами, или дѣлами благочестія. Самъ же Апостоль, въ другомъ своемъ посланіи, указываетъ какъ на отличительный признакъ жены христіанки на умѣнье хорошо воспитывать своихъ дѣтей. И въ посланіи къ Титу онъ внушаетъ старшамъ вразумлять юныхъ женъ и соблюдать вообще правила „евангельской мудрости“.

Мы знаемъ женщинъ, которыя даже учили мужчинъ. Такъ Прискилла, вмѣстѣ съ Акиллою, преподала нѣкому Аполлосу возвышеннѣйшее и самое ясное ученіе о путяхъ божественныхъ (Дѣян. 18, 26). Самъ ученикъ ап. Павла Тимоѳей получилъ первоначальное наставленіе въ вѣрѣ и въ священныхъ писаніяхъ отъ бабки своей Лоиды и матери Евникіи (1 Тим. I, 3. 5).

Апостоль запрещаетъ женщинамъ учить только въ общественныхъ собраніяхъ. Въ этомъ смыслѣ онъ писалъ и въ посланіи къ коринтянамъ (I Кор. 14, 34). Если бы, въ самомъ дѣлѣ, женщина учила въ общественномъ собраніи, то это прямо свидѣтельствовало бы о томъ, что ея власть простирается и на самого мужчину; очевидно, что

это противорѣчило бы закону, установленному отъ начала міра и подтвержденному послѣ грѣхопаденія человѣка.

Наконецъ, правило о безмолвіи, налагаемое Апостоломъ на женщинъ въ церкви, должно въ извѣстной степени распространяться и на ихъ домашнюю жизнь. Извѣстно, какъ много привычка къ кротости и молчаливости содѣйствуетъ водворенію въ семействѣ мира и любви, въ хозяйствѣ порядка и распорядительности, во всѣхъ домочадцахъ бодрости и энергіи.

IV.

Зависимость жены отъ мужа, установленная еще при сотвореніи человѣка и подтвержденная послѣ его паденія. Женщина, тѣмъ не менѣе, спасается чадородіемъ и воспитаніемъ дѣтей.

13. *Адамъ же прежде созданъ бысть, потомъ же Ева.*

Таковъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ порядокъ творенія. Богъ создалъ сначала мужа, но потомъ, когда между приведенными къ нему животными онъ не нашелъ ни одного подобнаго себѣ, Богъ сказалъ: *не добро быти человеку единому, сотворимъ ему помощника по нему* (Быт. 2, 81). И такъ, по естеству жена не есть раба мужу; она составляетъ ему помощницу, поелику, какъ и онъ, создана *по образу Божію и по подобію*.

Но Адамъ былъ созданъ первымъ; и это показываетъ, что Ева создана для Адама, что Богъ восхотѣлъ, чтобы она услаждала собою жизнь Адама.

14. *И Адамъ не прельстился: жена прельстившись, въ преступленіи бысть.*

Причиною подчиненія жены мужу былъ, такимъ образомъ, грѣхъ, поелику грѣхъ, какъ и всякое преступленіе закона, необходимо предполагаетъ извѣстную долю рабства. Впрочемъ, не останавливаясь на этомъ, Апостоль основываетъ

зависимость жены отъ мужа главнымъ образомъ на томъ, что она первая подверглась грѣхопадению. Кстати сказать: Апостоль характеризуетъ это грѣхопадение однимъ словомъ: *преступленіе*, но такимъ, которое вполне достаточно для опроверженія рационалистическихъ мнѣній, производящихъ грѣхъ изъ несовершенства человѣческой природы, изъ стѣсненія и пр.

„Богъ, говоритъ Премудрый, сотворивши нашихъ прародителей, далъ имъ *сердце размышляти* и того другаго изъ нихъ *художествомъ разума исполни*» (Сир. 17, 6). А между тѣмъ, въ отношеніи умственномъ, такъ же какъ и въ отношеніи физическомъ, нѣтъ полного равенства между мужчиной и женщиной. Ева по плоти была только частію Адама, тѣмъ самымъ она могла только быть и по духу. Адаму принадлежало преимущество и превосходство въ разумѣ, такъ же какъ и во всемъ остальномъ. И вотъ, искушитель обращается къ женѣ, какъ къ слабѣйшему созданію. Намѣреваясь возбудить въ ней любопытство, заставить преступить заповѣдь Божию, онъ самымъ легкимъ средствомъ для этого считаетъ вдохнуть въ нее честолюбивыя желанія, затѣмъ уже возбудить въ ея душѣ сомнѣнія насчетъ важности самой заповѣди и обольстить превратнымъ объясненіемъ слѣдствій грѣхопадения. Такъ была обольщена Ева. И она поняла свой грѣхъ, поелику оправдываясь, отвѣчала Богу: „змѣй соблазнилъ меня“.

Что касается Адама, то онъ ничего подобнаго не говоритъ и мы ничего похожаго не читаемъ о немъ. Онъ не былъ искушаемъ и не подвергался нападеніямъ сатаны. Ева склонила его вкусить запрещеннаго плода; она сама поднесла ему этотъ плодъ. Онъ уступилъ убѣжденіямъ, и можетъ быть даже настояніямъ жены, — вотъ и все, что говорится по отношенію къ Адаму въ Св. Писаніи. И хотя въ самомъ паденіи была извѣстная доля вины и на сторонѣ мужа, хотя очень вѣроятно, что и онъ, вкушая отъ запрещеннаго плода, такъ же какъ и Ева, поддавался чувству любознательности и гордости; но во всякомъ случаѣ было бы слишкомъ не-

справедливо смѣшивать вину того и другаго изъ нихъ. Во всякомъ случаѣ Апостоль имѣлъ полное право сказать какъ то, что въ дѣлѣ грѣхопаденія не Адамъ прельстился, но Ева, такъ, съ другой стороны, вывести отсюда и то, что вообще женщина не можетъ учить мужчину по той причинѣ, что уже на первыхъ порахъ разумъ ея оказался стоящимъ на низшей степени совершенства, что она заслужила погибель, поелику своимъ заблужденіемъ ввела въ грѣхъ и мужа. „Жена, говоритъ Св. Златоустъ, одинъ разъ поучила мужа и все погибло; поэтому она и не учить больше съ тѣхъ поръ“.

Но остается, между тѣмъ, недоразумѣніе. Если жена подвергалась обольщеніямъ, а мужъ нѣтъ, то выходитъ, что грѣхъ мужа гораздо больше, нежели грѣхъ жены; выходитъ, что мужъ первый долженъ былъ утратить свое превосходство, поелику вмѣсто того, чтобы отвратить отъ заблужденія жену, руководить ею, что онъ обязанъ былъ дѣлать, онъ самъ поддался вліянію слабѣйшаго существа... Но не намъ рѣшать, чей грѣхъ больше, Адама или Евы. Богъ сверхъ того не терпитъ, чтобы Его твари своими проступками нарушали установленный Имъ порядокъ, и уже одного этого не достаточно ли было для того, чтобы наказать человѣка, чтобы, какъ скоро онъ уступилъ женѣ, лишить его нѣкоторой доли его свободы и его нравственнаго превосходства? И въ самомъ дѣлѣ, помощница мужа, его подруга, со времени грѣхопаденія становится его госпожею, приобрѣтаетъ надъ нимъ власть самую унижительную для него и въ то же время самую грозную и ужасную. Исторія рода человѣческаго и ежедневный опытъ свидѣтельствуютъ объ истинѣ словъ Премудраго: *многихъ уязвивши низверже и безчислены суть, ихъ же убилъ есть* (Притч. 7, 26).

Основаніе запрещенія женѣ учить въ собраніяхъ у Апостола, такимъ образомъ, самое твердое; но для того, чтобы понять его во всей силѣ, слѣдуетъ привести текстъ книги Бытія, на который Апостоль часто ссылается. Это основаніе заключается, какъ мы сказали, въ томъ, что начало

грѣха произошло отъ жены, что противъ нее направлено слѣдующее опредѣленіе: *умножая умножу печали твоя и воздыханія твоя: въ болѣзняхъ родиши чада, и къ мужу твоему обращеніе твое, и той тобою обладати будетъ.* Какъ ни объяснять это мѣсто, смыслъ выйдетъ тотъ, что жена должна теперь искать въ мужѣ своей поддержки и защиты.

15. *Спасетя же чадородія ради (чрезъ чадородіе) аще пребудетъ въ вѣрѣ и любви и во святыхъ съ цѣломудріемъ.* Впрочемъ, какъ ни жестокъ кажется судъ Божій, въ немъ видно и милосердіе божественное. Если жена первая впала въ грѣхъ, первая утратила свое первобытное совершенство, то отсюда слѣдовало только то, что въ отношеніи къ ней должно было проявиться больше помилованія. То, что служило наиболѣе чувствительнымъ и наиболѣе тяжкимъ наказаніемъ, долженствовало послужить вмѣстѣ и лучшимъ врачевствомъ и очищеніемъ для нея. *Спасетя же чадородія ради.*

Это глубокомысленное изреченіе должны особенно внимательно обдумывать современныя намъ женщины. Чадородіе и теперь составляетъ существенное условія жизни женщины и въ то же время самое естественное и прямое средство къ ея спасенію. Все, что со стороны женщины, или съ ея согласія, ведетъ къ извращенію, такъ сказать, назначенія ея природы, удерживаетъ ея плодовитость, унижаетъ ее. И если, допуская это, она хотѣла бы избѣжать болѣзней и другихъ слѣдствій законнаго осужденія нашей пра-матери, то она навѣрное подвергнется осужденію еще болѣе ужасному.

Наконецъ, женѣ—христіанкѣ въ особенности не слѣдуетъ уклоняться отъ того, что составляетъ цѣль брачнаго союза. Извѣстно, что даже жены язычниковъ, іудеевъ и даже дикарей съ большимъ уваженіемъ смотрятъ на законъ супружества и высшую для себя славу, драгоцѣннѣйшій залогъ супружества видятъ именно въ чадородіи. Но христіанство налагаетъ на супружество болѣе высокія обязан-

ности. Какъ жена и мать, христіанка должна вѣрно исполнять то, чего требуетъ отъ нея ея положеніе должна глубоко уважать законъ супружества; постоянно пребывать въ любви и искренности въ отношеніи къ мужу; должна освящать, или лучше, хранить цѣломудріе, которое освящаетъ супружескія отношенія, сообщая имъ ту благоразумную умѣренность, которая всегда должна руководить ими. Какъ христіанка, она, въ отличіе отъ Евы, должна неусыпно бодрствовать противъ навѣтовъ и соблазновъ искушителя, твердо хранить вѣру во Христа, пребывать въ любви къ Богу и ближнему, хранить нравственную чистоту, святость и цѣломудріе.

Греческій текстъ этого мѣста (*если пребудутъ, т. е. дѣти, а не если пребудетъ, т. е. она сама*) даетъ намъ право сообщить нѣсколько иной смыслъ тому, что мы находимъ въ славянскомъ текстѣ этого стиха. Какъ мать и жена, христіанка спасется чрезъ чадородіе только въ томъ случаѣ, если научить своихъ дѣтей пребывать въ вѣрѣ, любви и святости.

Воспитаніе дѣтей есть первая и въ то же время самая лучшая изъ обязанностей матери. Она состоитъ въ томъ, чтобы образовать ихъ духъ по наиболѣе возвышеннымъ началамъ вѣры христіанской, развить въ ихъ юныхъ сердцахъ благороднѣйшія и безкорыстнѣйшія чувства любви къ Богу и ближнему, научить ихъ соблюдать святость даже по отношенію къ собственнымъ тѣламъ, ибо Богъ *не призва насъ въ нечистоту, но во святость* (I Сол. 4, 7), развивши въ нихъ склонность къ умѣренности и воздержанію.

Такимъ образомъ, матери воспитываютъ дѣтей не для міра, но для неба; но, воспитывая ихъ для неба, онѣ дѣлаютъ ихъ болѣе годными и для міра, поелику внушаютъ имъ, что ихъ собственное спасеніе изъ всѣхъ земныхъ утѣшеній составляетъ самое возвышеннѣйшее и самое отрадное.

Глава III.

I.

Что такое епископство? Качества епископовъ и пресвитеровъ.

1. *Вѣрно слово: аще кто епископства хочетъ, добра дѣла желаетъ.*

Сказавши о томъ, что относится къ служенію Богу, Апостоль говоритъ теперь о тѣхъ качествахъ, какими должны обладать сами служители. Чтобы возбудить больше вниманія со стороны своего ученика, Апостоль предваряетъ свою рѣчь замѣчаніемъ, которое употребляетъ вездѣ, гдѣ только дѣло идетъ о какой-либо наиболѣе важной истинѣ вѣры и нравственности: *вѣрно слово.*

Такъ какъ святость служителей церкви составляетъ спасеніе для народа, то въ высшей степени важно и существенно необходимо узнать тѣ свойства, какія должны имѣть служители Церкви.

Первое мѣсто въ церковномъ священнослуженіи занимаетъ епископство: священное имя это между другими именами дано въ пророческомъ духѣ Апостоламъ еще пророкомъ Давидомъ (Пс. 108, 8), поелику оно есть въ собственномъ смыслѣ служеніе апостольское и составляетъ прямое и всегдашнее преемство Апостольства. Имя епископа есть съ одной стороны названіе обязанности, служенія. Апостоль прямо говоритъ: *аще кто епископства хочетъ, доброй обязанности, добра дѣла желаетъ.* А бл. Августинъ замѣчаетъ на это, что Апостоль хотѣлъ указать этими словами на то, что имя это означаетъ названіе обязанности, а не почести.

Но если епископство есть дѣло столь великое и святое, то оно въ тоже время должно представляться дѣломъ страшнымъ для человѣка, и вмѣсто того, чтобы возбуждать къ себѣ честолюбивыя искательства, оно бы гораздо скорѣе должно внушать людямъ благочестивый страхъ къ нему и

почтительное отдаленіе отъ него. И что въ самомъ дѣлѣ заключается въ епископствѣ такого, что могло бы оправдывать честолюбіе и оправдывать желаніе полученія его?

Не внѣшность ли, окружающая его, связанная съ нимъ почести и извѣстныя преимущества жизни, какія церковь даетъ этому служенію? Но было бы слишкомъ унижительно, слишкомъ дѣтски и, скажемъ болѣе, слишкомъ фарисейски, смотрѣть съ такой стороны на епископскую власть. Когда Спаситель обличалъ ненасытное честолюбіе фарисеевъ, то говорилъ: *они любятъ прежевозлежанія на вечерахъ и преждестѣданія на сонмищахъ, и цѣлованія на торжищахъ. и зватися отъ человекъ: учителю, учителю* (Мѡ. 23, 6. 7).

Не величіе ли этого званія и власть? Но такая любовь къ первенству и властвованію осуждена Іисусомъ Христомъ какъ чувство языческое и недостойное Его учениковъ. *Вѣсте, говоритъ Онъ, яко князи языкъ господствуемъ ими и величїи обладаютъ ими. Не тако же будетъ въ васъ: но иже аще хочетъ въ васъ вѣщій быти, да будетъ вамъ слуга. И, иже аще хочетъ въ васъ быти первый, буди вамъ рабъ: якоже Сынъ человѣческій не придетъ, да послужатъ Ему, но послужити, и дати душу свою избавленіе за многихъ* (Мѡ. 20, 25—28).

Не то ли, наконецъ, что составляетъ самую сущность епископства, т. е. божественное полномочіе и священныя обязанности, посредствомъ которыхъ епископъ управляетъ душами и руководитъ ихъ къ спасенію? Безъ сомнѣнія, желаніе всего этого само въ себѣ похвально; но поелику и почести и достоинства нераздѣльны съ епископскимъ званіемъ, то было бы не вполне благоразумно, и даже внѣ прямой необходимости для Церкви, желать еще и этого. И такъ какъ епископское служеніе требуетъ величайшихъ добродѣтелей, налагаетъ самыя возвышеннѣйшія обязанности, то было бы безразсудно принимать на себя эти обязанности, не получивши законнаго и несомнѣннаго призванія къ нимъ.

Это Апостоль и хотѣлъ дать понять. Если онъ, по словамъ св. Григорія В., ни восхваляетъ, ни осуждаетъ

прямо желанія епископства, разсматриваемаго какъ обязанность трудная и дѣло святое, то останавливаетъ это стремленіе, обращаетъ его въ ужасъ вслѣдствіе высоты этой должности и тѣхъ качествъ, какія требуются здѣсь.

2. *Подобаетъ убо епископу быти непорочну, единыя жены мужу, трезвенну, цѣломудру, благоговѣйну, честну, страннолюбиву; учительну.*

Таковы качества, которыя долженъ имѣть епископъ, а также и пресвитеръ. Основаніями для того, чтобы требовать отъ епископовъ и пресвитеровъ такихъ качествъ, служатъ права усвоенныя ихъ званію, обязанности ихъ и наконецъ особый характеръ ихъ призванія.

Подобаетъ епископу быти непорочну. Епископъ это ангелъ Божій среди людей, обязанный ходатайствовать и молиться за нихъ. Отсюда, какъ онъ будетъ достойнымъ посланникомъ Божиимъ къ избранному народу, если самъ будетъ небезпороченъ? И какъ можетъ быть услышана молитва Богомъ отъ того, кто не угоденъ Ему?

Единыя жены мужу. Изъ уваженія къ святости христіанскаго брака, Духъ Божій не восхотѣлъ лишить права на епископство однажды вступавшихъ въ супружество. Но при этомъ, Церковь, руководимая и освящаемая Духомъ Святымъ, желая хранить достоинство священства, никогда не позволяла вступать во второй бракъ. Вступленіе во второй бракъ показываетъ уже не достаточную силу воли надъ чувствами, и Церковь не могла сдѣлать такого же исключенія и для второбрачныхъ, не могла допустить къ священному служенію тѣхъ, которые сами или даже ихъ жены, были заподозрѣны въ невоздержаніи.

Трезвенну, цѣломудру (сѳроу), благоразумну, благоговѣйну, честну. Епископъ есть стражъ Церкви и ея священныхъ законовъ. Онъ есть стражъ, поставленный на стѣнахъ святаго града, строго обязанный день и ночь неусыпно бодрствовать надъ вѣренною ему святыней. Гдѣ же будетъ его бдительность, если онъ не будетъ имѣть трезвенности, которая одна способна сообщить душѣ необходимую для

этого бодрость и силу? Известно, что бл. Августинъ, посѣщая епископскій городъ святаго Амвросія, далъ себѣ зарокъ не принимать нигдѣ пищи, кромѣ у самого епископа. Онъ боялся очевидно, чтобы постоянныя угощенія не нарушили въ немъ трезвости, не развили привычки къ невоздержанію. Если не считать необходимостію каждому епископу принимать на себя столь рѣшительный обѣтъ, то во всякомъ случаѣ необходимо имѣть въ виду подобныя же, весьма нерѣдкіе, случаи къ нарушенію трезвости. Человѣкъ трезвый, который употребляетъ немного времени на принятіе пищи, и котораго не увлекаютъ удовольствія хорошаго стола, имѣетъ больше времени для дѣлъ важныхъ и серьезныхъ, болѣе способенъ бываетъ и къ тому, чтобы исполнять эти дѣла съ возможно большею аккуратностію и внимательностію.

Трезвенность есть, затѣмъ, необходимое условіе честности или, въ этомъ случаѣ, *благоразумія*—добродѣтели, къ которой Апостоль также увѣщаетъ своего ученика. Святые называютъ ее *царицею добродѣтелей*; Духъ Божій называетъ ее *знаніемъ святыхъ*. Какъ бы то ни было, она должна всегда служить принадлежностію всѣхъ тѣхъ, которые призваны къ управленію. Низшій можетъ быть запальчивъ и непостояненъ, но для высшаго необходима сдержанность и благоразуміе. И это въ отношеніи къ Церкви гораздо болѣе справедливо, нежели въ отношеніи къ человѣческимъ обществамъ; сюда именно какъ нельзя болѣе приложимы слова премудраго: „человѣкъ благоразумный сдѣлаетъ больше, нежели человѣкъ сильный“.

Наконецъ, это благоразуміе, которое Апостоль внушаетъ своему ученику, не есть искусство ума человѣческаго открывать заблужденіе людей для того, чтобы господствовать надъ ними, обнаруживать ихъ слабости для того, чтобы извлекать изъ нихъ пользу. Въ этомъ благоразуміи заключается больше евангельской простоты, нежели свѣтской утонченности. Оно имѣетъ свой источникъ главнѣйшимъ образомъ въ прамотѣ сужденія и въ правотѣ совѣсти. Оно

необходимо предполагаетъ глубину нравственности, скромность привычекъ и вообще всѣ тѣ прекрасныя добродѣтели, которыя украшаютъ жизнь, сохраняютъ въ душѣ чувство добра и дѣлаютъ ее всегда благородною, нѣжною и твердою.

Страннолюбиву, учительну. Епископъ есть пастырь. Отсюда, онъ обязанъ охотно принимать къ себѣ тѣхъ, которыхъ Богъ сдѣлалъ ему братьями, которые составляютъ съ нимъ во Христѣ единое стадо и которые въ то же время суть дѣти великой семьи, которой отецъ онъ самъ. Но онъ долженъ остерегаться, принимая странныхъ, впадать въ расточительность и, исполняя обязанность любви, выходить изъ предѣловъ благоразумной умѣренности.

Епископъ есть пастырь, и потому онъ долженъ обладать способностію учить. Ибо что питаетъ стадо Божіе, если не истина? И каковы тѣ пастыри, на которыхъ указалъ Духъ Св. въ средѣ христіанъ, говоря: *они унасутъ васъ разумомъ и ученіемъ?*

Такъ и самъ Павелъ, исчисляя тѣ порядки, на которыхъ зиждется тѣло Церкви, говоритъ, что Богъ поставилъ однихъ *пророками*, другихъ *апостолами*, иныхъ *евангелистами* и иныхъ, наконецъ, *пастырями* и *учителями* вмѣстѣ (Еф. 4, 11) для того, чтобы дать понять, что быть пастыремъ и учителемъ одно и то же; что быть, съ другой стороны, способнымъ учить чадъ Церкви, значитъ то же, что и быть способнымъ управлять Церковью.

3. *Не пьяницъ, не бійщъ, не сварливу, не мшелоимцу, не корыстолубиву, но кротку, не завистливу (точнѣе: миролюбиву), не сребролюбиву:*

Не достаточно ли было для Апостола обозначить однѣ добродѣтели, необходимыя для епископа, не противопоставляя имъ пороковъ, противныхъ, его званію? Извѣстно, что есть такія вещи, которыя могутъ усвоиться не иначе, какъ только подъ различными формами, и исторія Церкви уже самыхъ первыхъ вѣковъ христіанства показываетъ для внимательно изучающихъ ее такіе пороки, которые вызывали прямую необходимость указать на ихъ несовмѣстность съ

обязанностями священства. Такова страсть къ вину, которое волнуется духъ человѣка и помрачаетъ его здравый смыслъ. Таково—буйство, порокъ, столь противоположный кротости Спасителя,—заставляющее человѣка вмѣсто терпѣнія и снисходительности выражать свое недовольство побоями и другими жестокостями, отнимающее у него благоразумную умѣренность, уваженіе къ личности и способность здраво цѣнить вещи. Такова, затѣмъ, страсть къ противорѣчіямъ и спорамъ—печальная склонность, которая мѣшаетъ человѣку видѣть свѣтъ, нарушаетъ его внутреннее спокойствіе, нерѣдко усиливаетъ наше предубѣжденіе къ истинѣ. Таково, наконецъ, корыстолюбіе, которое унижаетъ душу, безславить и порочить священное служеніе, обращая его въ ремесло.

Эти пороки и эти склонности, противныя всѣмъ вообще обязанностямъ епископа, въ особенности противны ему, какъ управителю и какъ судѣ народа Божія. Потому что, въ самомъ дѣлѣ, какой справедливости въ распредѣленіи должностей или въ составленіи приговоровъ можно ожидать отъ человѣка, который невоздержною жизнію портитъ и растлѣваетъ свои способности, который во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ и рѣшеніяхъ является жестокимъ тиранномъ; который, желая обуздать страсти другихъ, не умѣетъ обуздать своихъ собственныхъ; который, вмѣсто того, чтобы являться совѣтникомъ и миротворцемъ недоумѣвающихъ и враждующихъ, самъ поднимаетъ вражды и ссоры и въ своихъ отношеніяхъ къ подчиненнымъ поставляетъ выше всего не ихъ право и законы справедливости, но свой личный интересъ?

4. *Свой домъ добръ правящу, чада имущу въ послушаніи со всякою чистотою (честностію).*

5. *Аще же кто своего дому не умѣетъ правити, како о Церкви Божіей прилежати возможетъ.*

Епископъ есть отецъ христіанскаго семейства. Если онъ былъ главою дома прежде, нежели сталъ главою своей церкви, если онъ имѣлъ дѣтей по плоти прежде, нежели сдѣлался отцемъ чадъ духовныхъ, то въ управленіи своимъ

домомъ и своимъ семействомъ онъ долженъ былъ показать свои способности къ управленію и домомъ Божиимъ. Если онъ не умѣлъ утвердить своихъ плотскихъ дѣтей въ любви къ мудрости, вдохнуть въ нихъ любовь къ обязанностямъ, внушить имъ уваженіе къ истинному, святому и высокому, то какъ онъ можетъ воодушевлять этою любовью къ мудрости и этимъ уваженіемъ членовъ великой семьи духовной?

Доброе отеческое сердце, способное вдохнуть въ дѣтей чувство привязанности и заставить ихъ полюбить свою зависимость; мудрая, исполненная уваженія къ дѣтскому возрасту, заботливость о томъ, чтобы развить въ дѣтяхъ навыкъ къ самоуваженію; наконецъ, нравственная твердость, способная склонить дѣтей и утвердить ихъ въ строгомъ исполненіи обязанностей—вотъ главныя свойства истиннаго отца семейства. Всѣ эти свойства еще болѣе необходимы епископу; истинно отеческая доброта, личный авторитетъ, который слагается изъ уваженія къ самому себѣ и другимъ, суть существенныя и необходимыя условія мудраго управленія Церковью Божіей.

Апостоль не безъ глубокаго основанія сравниваетъ управленіе Церковью съ управленіемъ семействомъ. Поразительная и глубочайшая аналогія существуетъ между епископомъ и отцемъ семейства. По выраженію учителей, отецъ—христіанинъ есть епископъ въ своемъ домѣ, точно такъ же какъ епископъ есть отецъ въ домѣ Божиимъ. И если мы поглубже всмотримся въ епископское служеніе, то увидимъ, что епископу такъ же какъ и отцу семейства свойственны нѣкоторымъ образомъ полнота жизни и плодovitость, общественность и постоянство, а отсюда, право и божественное полномочіе управлять.

Но епископъ не есть только управитель Церкви, онъ, какъ это указываетъ Апостоль, можетъ имѣть собственный домъ для того, чтобы управлять имъ, собственное семейство для того, чтобы первенствовать въ немъ. Этотъ домъ и это семейство должны служить образцомъ для всѣхъ другихъ. Ибо каждый смотритъ на то, что дѣлается въ домѣ

епископа, чтобы взять его или образцемъ для подраженія, или предметомъ для осужденія и порицанія. Мы думаетъ не будемъ дерзостію приложить къ домамъ пастырей душъ то, что нѣкогда сказалъ бл. Іеронимъ въ письмѣ къ одной вдовѣ: „по нравамъ рабовъ судятъ о господахъ“.

6 *Не новокрещенну, да не разгордѣвся въ судѣ впадетъ диаволь.*

Будучи неофитомъ въ дѣлахъ Божіихъ, какъ онъ могъ бы поддерживать слабыхъ, воодушевлять сильныхъ, усовершенствовать несовершенныхъ? Даже дитя, приготовленное на служеніе Богу, почти навѣрное могло бы такого пастыря поставить въ затрудненіе. Чѣмъ менѣе онъ подготовленъ къ своему высокому служенію, тѣмъ больше онъ будетъ мечтать о томъ, что получилъ свою власть по своимъ личнымъ заслугамъ, которыхъ не могли будто бы не замѣтить другіе. Онъ больше будетъ привязываться къ славѣ, нежели къ обязанностямъ. И, ослѣпленный тѣмъ блескомъ, который самъ въ себѣ будетъ воображать, онъ, оставляя въ сторонѣ заботу о Церкви, будетъ упиваться созерцаніемъ собственнаго величія, вознесется гордостію выше сатаны и вмѣстѣ съ нимъ подвергнется тому же и осужденію.

7. *Подобаетъ же ему и свидѣтельство добро имѣти отъ вѣнчаныхъ.*

Наконецъ, епископъ есть естественный защитникъ Церкви. Въ этомъ отношеніи онъ долженъ быть безукоризненъ какъ въ глазахъ членовъ его Церкви, такъ и въ глазахъ людей постороннихъ и чуждыхъ ему. Онъ долженъ быть настолько украшенъ своими добродѣтелями, чтобы и само нечестіе не могло не свидѣтельствовать въ его пользу.

Если онъ не будетъ такимъ, если онъ не будетъ безукоризненнымъ, то враги Церкви, какъ скоро онъ достигнетъ епископства, сразу выставятъ его недостатки въ самомъ преувеличенномъ видѣ и сдѣлаютъ ихъ сильнымъ орудіемъ противъ самой Церкви. Слабые между самими членами Церкви подвергнутся соблазну; мірскіе люди будутъ утвер-

ждаться въ своихъ беззаконіяхъ; раздоры и несогласія разольются повсюду.

Съ другой стороны, молва народная вмѣсто того, чтобы восхвалять его какъ пастыря душъ, будетъ клеветать на него. Недостатки и заблужденія, которые онъ будетъ указывать въ людяхъ, имъ же самимъ соблазненныхъ, естественно останутся во всей своей силѣ. Самъ онъ вмѣсто того, чтобы замѣчать то, что есть глубокаго и справедливаго въ людскихъ сужденіяхъ, направленныхъ противъ него, будетъ твердить только то, что люди несправедливы къ нему. И такимъ образомъ, горячія осужденія однихъ, слабости и недостатки другихъ будутъ больше и больше вводить его въ заблужденіе и дѣлать неисправимымъ.

8. *Діаконамъ такожде.*

Естественно спросить: почему Апостоль не упомянулъ здѣсь о пресвитерахъ и о тѣхъ свойствахъ, которыми они должны обладать? Потому ли, что подъ именемъ епископовъ онъ разумѣлъ вмѣстѣ и пресвитеровъ, или потому, что въ его время не было еще простыхъ пресвитеровъ? Ни первое, ни второе предположеніе не основательны. Апостоль въ этомъ же посланіи говоритъ о пресвитерахъ, ясно отличая ихъ отъ епископа; онъ подчиняетъ пресвитеровъ епископу и преподаетъ этому послѣднему правила поведенія въ отношеніи къ нимъ. Но очень вѣроятно, что первоначально въ Церкви было только очень небольшое число пресвитеровъ. Въ эпоху основанія Церкви епископы вмѣстѣ съ діаконами вполне достаточны были для удовлетворенія всѣмъ ея нуждамъ. Невозможно было слишкомъ увеличивать число пресвитеровъ, чтобы не подавать повода къ раздѣленіямъ. При томъ, нельзя было имѣть много пресвитеровъ въ Церкви, въ которой былъ всего одинъ алтарь, одинъ жертвенникъ, одна крещальня. Пресвитеры священнодѣйствовали вмѣстѣ съ епископомъ и совершали таинство подъ непосредственнымъ его управленіемъ. Затѣмъ мало по малу, когда начали устроиться отдѣльныя Церкви,

многія изъ священнодѣйствій стали совершаться пресвитерами въ отсутствіи епископа, и при томъ особымъ способомъ.

Прибавимъ однако, что все, что говоритъ Апостоль о свойствахъ епископовъ, вполне приложимо и къ пресвитерамъ, особенно къ тѣмъ, которые проходятъ обязанности пастырскаго служенія. И пресвитеры суть также ангелы Божіи въ своихъ приходахъ, суть стражи и управители Церкви; они такъ же пастыри душъ, защитники интересовъ религіи и славы Божіей. Съ этихъ различныхъ сторонъ все то, что говоритъ Апостоль о епископахъ, вполне, повторяемъ, приложимо и къ пресвитерамъ. Отсюда, говоря все это, и мы только въ болѣе полномъ видѣ представляемъ то самое, что говоритъ Апостоль, не прибавляя отъ себя ровно ничего.

Затѣмъ, сказавши о свойствахъ епископовъ и діаконовъ, Апостоль этимъ самымъ прекрасно обозначилъ и свойства пресвитеровъ, указалъ прямо и опредѣленно на то, какимъ долженъ быть пресвитеръ въ томъ положеніи, въ какомъ его обыкновенно представляютъ. Духу Божію не свойственно было, поэтому, умножать безъ прямой необходимости наставленія Апостола.

II.

Свойства и обязанности діаконовъ. Обязанности діаконовъ. Награда вѣрному діакону.

8. *Діакономъ такожде чистымъ (честнымъ), не двоязычнымъ, не вину многу внимающимъ, не скверностяжательнымъ.*

Должность діакона въ первенствующей Церкви обнимала различныя дѣйствія и различныя обязанности. Кромѣ раздаянія народу Евхаристіи и кромѣ обязанности произносить огласительныя поученія, діаконы были обременены

попеченіями о дѣвственницахъ и вдовицахъ, они были постоянными, такъ сказать, выразителями любви Церкви. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они исполняли даже нѣкоторыя изъ обязанностей служенія пастырскаго.

Но, если эти обязанности еще при Апостолахъ требовали отъ діаконовъ тѣхъ качествъ, которыя указываетъ ап. Павелъ, то вообще характеръ служенія и положенія діаконовъ въ церковной іерархіи требуетъ отъ нихъ тѣхъ же качествъ и всегда. Церковь не могла допустить къ служенію евангелію и св. евхаристіи людей порочныхъ, злоязычныхъ, склонныхъ къ пьянству, къ корыстолюбію и мало разборчивыхъ на средства къ пріобрѣтенію.

9. *Имущею таинство вѣры въ чистой совѣсти.*

Что значитъ имѣть таинство вѣры въ чистой совѣсти и прежде всего, что такое таинство вѣры? Вѣра, которая разумѣется въ этихъ наставленіяхъ Апостола, есть совокупность таинствъ, открытыхъ человѣку Богомъ въ видимой природѣ, въ дѣлахъ Божіихъ и наконецъ въ особыхъ путяхъ промысла. Но вслѣдствіе извѣстныхъ отношеній, связывающихъ между собою эти таинства, онѣ образуютъ нѣкоторымъ образомъ одно таинство, составляющее предметъ темнаго и неопредѣленнаго гаданія въ настоящей жизни, имѣющее сдѣлаться предметомъ ясной и непосредственной очевидности въ жизни будущей.

Вѣра въ человѣкѣ есть также таинство. Вѣра въ истины не постижимыя, сверхъестественныя, недовѣдомыя для насъ, поболику мы связаны веригами плоти, поболику наши мысленные взоры покрыты густымъ покровомъ чувственности; вѣра безъ исключенія во все, вопреки любознательности и стремленію къ независимости, столь естественнымъ для человѣческаго ума; вѣра съ непоколебимою твердостью при всемъ нашемъ непостоянствѣ, и съ полною покорностію, вопреки склонности къ противорѣчіямъ,—такая вѣра очевидно не есть явленіе чисто человѣческое и не можетъ быть объясняема по человѣчески. Эта вѣра въ насъ есть глубочайшее таинство, имѣющее открыться *въ день онъ*;

она составляет начало и *предвкушение* нами того божественнаго свѣта, въ которомъ мы нѣкогда узримъ свѣтъ Христовъ.

Тайнство вѣры можетъ существовать и въ нечистой совѣсти. Потому что, если понятіе вѣры христіанской предполагаетъ нѣкоторую благочестивую склонность къ откровенной истинѣ, то не предполагаетъ необходимо надежды, и еще меньше любви. Но тотъ, кто носитъ тайнство вѣры въ нечистой совѣсти, обладаетъ имъ чисто формально, лишень его святой красоты и его жизни. Обыкновенно онъ обладаетъ вѣрою только, такъ сказать, на половину и то въ самомъ грубомъ видѣ. Вотъ почему Апостоль требуетъ, чтобы діаконъ обладалъ и хранилъ тайнство вѣры въ чистой совѣсти.

10. *И сіи убо да искушаются прежде, потомъ же да служатъ, непорочни суще.*

Всякая добродѣтель вступающихъ на служеніе Церкви должна быть строго испытана. Еслибы только судить по началу, еслибы довѣрялись внѣшнему виду, то часто пришлось бы впадать въ большія ошибки. Испытаніе, и при томъ испытаніе сообразное съ величіемъ служенія, которое имѣетъ принять на себя извѣстное лицо, есть необходимое условіе избранія; оно одно обезпечиваетъ *безпорочное* и доброе служеніе.

Слово *непорочни* заслуживаетъ того, чтобы остановиться на немъ. Апостоль не исключаетъ изъ діаконства вообще грѣшниковъ, но онъ хочетъ, чтобы къ нему допускались только такіе изъ грѣшниковъ, которые имѣютъ за собою уже описанные Апостоломъ грѣхи праведниковъ; онъ хочетъ, чтобы они были такими грѣшниками, которые могли бы послѣ испытанія перемѣнить свой грѣховный образъ мыслей, могли бы очиститься и исцѣлиться.

Послѣ столь ясныхъ словъ Апостола и его предписаній относительно діаконства представляется страннымъ мнѣніе тѣхъ, которые говорятъ, что служеніе діаконское не требуетъ особаго, благодатнаго призванія. Еще болѣе странно

то, что нѣкоторые, считаютъ служеніе это чѣмъ-то внѣшнимъ, такъ что будто бы для того, чтобы достойно проходить оное, нѣтъ особенной нужды подвергаться строгимъ испытаніямъ, приготовленіямъ и проч.

11. *Женамъ такожде чистымъ (честнымъ), не клеветивымъ, (не навадницамъ), трезвеннымъ, вѣрнымъ во всемъ.*

Апостоль говоритъ здѣсь не о женахъ вообще. То, что Апостоль помѣстилъ этотъ стихъ между наставленіями, касающимися однихъ діаконѡвъ, ясно показываетъ, что здѣсь дѣло идетъ о такихъ женщинахъ, которыя въ древней Церкви носили названіе діакониссъ. Апостоль не говоритъ о томъ, каковы должны бы быть жены діаконѡвъ, но каковы должны быть тѣ, о которыхъ онъ пишетъ. Слово *такожде*, приложенное здѣсь къ женамъ относительно діаконѡвъ точно такъ же, какъ было раньше приложено къ діаконамъ относительно епископовъ, предполагаетъ сходство и въ отношеніи дѣйствій и обязанностей тѣхъ и другихъ, по крайней мѣрѣ во всякомъ случаѣ указываетъ на нѣкоторый особый родъ священныхъ обязанностей и служенія.

Наконецъ, каждое слово этого стиха указываетъ на свойства, которыя относились въ первенствующей Церкви къ діакониссамъ. Такъ какъ онѣ обязаны были готовить къ крещенію оглашаемыхъ женщинъ и помогать епископу въ священнодѣйствіи, совершаемомъ чрезъ погруженіе, то къ нимъ какъ нельзя больше приложимы были эпитеты *чистоты* и *честности*. Надзирая за женщинами въ собраніяхъ вѣрующихъ и посѣщая ихъ дома, онѣ прежде всего должны были отличатся и служить примѣромъ христіанской любви и *трезвенности*. Поелику же, вообще у женщинъ натуръ слабыхъ и подвижныхъ, тщеславныхъ и ревнивыхъ, самыми обыкновенными пороками служатъ болтливость, злоязычіе и чувственность, то отъ этихъ именно пороковъ и отвращаетъ Апостоль діакониссъ. Но поелику Церковь ввѣряла имъ дѣла благодѣянія, то имъ необходимо было быть *вѣрными во всемъ*, не пользоваться собственностію бѣдныхъ. Пусть помнятъ эти наставленія и современныя

намъ женщины, хотя не допускаемыя теперь къ діаконскому служенію въ томъ смыслѣ, какъ оно было въ вѣкъ Апостола, но участвующія, въ качествѣ членовъ и предсѣдательницъ разныхъ благотворительныхъ обществъ. Скромность, простота и цѣломудріе въ лицѣ, въ обхожденіи и вообще по всей внѣшности ихъ жизни,—вотъ ихъ украшенія! Пусть онѣ удерживаютъ себя отъ злословія, остаются твердыми въ добродѣтели и заботливыми о другихъ. Чѣмъ истиннѣе добродѣтель, чѣмъ она больше проявляетъ сочувствія и снисходительности. И только тотъ способенъ руководить другаго въ путяхъ уристіанскихъ, кто самъ представляетъ собою образецъ живой любви.

Что касается, далѣе, трезвенности, то для женщинъ нашего времени она легче и удободостижимѣе, нежели для женщинъ временъ языческихъ, когда невоздержаніе было явленіемъ чуть ли не общимъ всѣмъ. Но жены-христіанки должны имѣть особую трезвость, ту, которая не только исключаетъ излишества въ пищѣ и питьѣ, но заставляетъ уклоняться отъ всякой переборчивости въ томъ и другомъ, которая устанавливаетъ правильный порядокъ въ употребленіи пищи и, постоянно побуждая къ тому, чтобы не опускать ничего добраго и полезнаго, пріобрѣтаетъ передъ Богомъ безсмертную заслугу, оставаясь при этомъ незамѣтною для глазъ людей.

Наконецъ, вѣрность въ распредѣленіи между бѣдными собираемыхъ благотвореній осуждаетъ не только растраты и прямыя злоупотребленія ими, но самое нерадѣніе, неспособность и неумѣніе сберечь эти священныя сокровища; осуждаетъ самую милостыню, если она дается по необходимости или по вынужденію, а не по сердечному влеченію; въ отношеніи же къ общественнымъ благотворительнымъ суммамъ осуждаетъ неразумное ихъ употребленіе.

12. *Діаконы да бываютъ единныя жены мужы, чада додръ правяще и своя дома.*

Апостоль относительно цѣломудрія и чистоты такъ же строгъ къ діаконамъ, какъ къ епископамъ и пресвитерамъ;

онъ такъ же предписываетъ не допускать къ діаконству вступающихъ во второй бракъ. Церковь, вѣчная самому духу предписаній Апостола, отнесла къ діаконамъ во всей строгости тѣ самыя правила, какія дѣйствовали въ отношеніи къ избираемымъ на епископство.

Общественное служеніе, которое проходили діаконы въ первые вѣка, было такого характера, что для Церкви было гораздо выгоднѣе и надежнѣе избирать діаконѳвъ изъ отцовъ семействъ, умѣвшихъ мудро править своими домами и своими домочадцами, нежели брать ихъ изъ молодыхъ юношей.

13. *Ибо служившіи добръ, степень себѣ добръ сниз-каютъ и многое дерзновеніе въ вѣръ, яже о Христѣ Іисусѣ.*

За доброе исполненіе своихъ обязанностей діаконъ получаетъ двоякую награду: съ одной стороны, онъ получаетъ повышеніе въ степени, а съ другой, пріобрѣтаетъ большое дерзновеніе въ вѣрѣ во Христа Іисуса.

Прежде всего кажется нѣсколько страннымъ то, что Апостоль представляетъ діаконство только какъ бы переходною ступенью къ священству. Но почему же непозволительно желать быть совершителемъ тѣла и крови Христовой, ближайшимъ образомъ служить великой жертвѣ, собственными руками приносить ее Богу? Мы не знаемъ ничего, что бы могло противурѣчить этому. Извѣстно, что въ первые вѣка нѣкоторые священнослужители проводили всю жизнь въ діаконствѣ, но это было почти исключительно въ тѣхъ великихъ церквахъ, въ которыхъ діаконъ стоялъ слишкомъ близко къ самому епископу и назывался его правымъ *глазомъ* и правою *рукою*. Случалось при этомъ, что возвышеніе діакона на степень священства считалось даже выраженіемъ неблагодарности къ нему, но это были, безъ сомнѣнія, исключенія.

Но какъ не великъ даръ священства, дерзновеніе къ вѣрѣ во Христа Іисуса составляетъ еще болѣе драгоценную награду для вѣрнаго діакона. Великое дерзновеніе къ милосердію Божію, которое мы получаемъ чрезъ вѣру, составляетъ самое сладостное утѣшеніе въ жизни и главнѣйшій источ-

никъ силы для души. Проникнутый этимъ дерзновеніемъ, человекъ становится болѣе твердымъ въ отношеніи къ добру и болѣе свободнымъ въ исполненіи обязанностей своего призванія. Благо тѣмъ служителямъ Церкви, которые чрезъ вѣрность въ прохожденіи своего служенія получили эту полную свободу дерзновенія къ Богу и могущество въ отношеніи къ людямъ!

III.

Цѣль Апостола при написаніи этого посланія. Церковь-домъ Божій, столпъ и утвержденіе истины. Тайна явленія Бога во плоти.

14. *Сіе пишу тебѣ, уповаю пріити къ тебѣ скоро.*

Апостолы писали свои посланія только по вызову обстоятельствъ и всегда имѣя въ виду какую-либо полезную цѣль. Они писали мало и много учили, но не потому, что не имѣли уваженія къ письменному слову, а потому, что устное назиданіе было въ то время существенно необходимымъ. Но какъ ни мало писали Апостолы, какихъ утѣшеній, какихъ обильныхъ источниковъ свѣта и благодати были бы мы лишены, если бы они вовсе ничего не писали.

Апостоль надѣется скоро видѣть своего ученика; но имѣя въ виду, что это свиданіе можетъ замедлиться, или отложиться на болѣе дальній срокъ, онъ даетъ ему въ посланіи самыя важныя и самыя необходимыя наставленія. Таковы побужденія къ написанію посланія.

Мы не можемъ надѣяться, какъ Тимоѳей, видѣть здѣсь Апостола среди насъ, но, читая его божественныя посланія, мы какъ бы своими ушами слушаемъ его самого.

15. *Аще еще замедлю, да увѣси, како подобаетъ въ дому Божіи жити, яже есть Церковь Бога жива, столпъ и утвержденіе истины.*

Цѣль Апостола въ посланіи къ Тимоѳею состояла, такимъ образомъ, въ томъ, чтобы наставить его относительно того, какъ онъ долженъ поступать въ домѣ Божіемъ, который есть Церковь живаго Бога. Эти наставленія были на столько важны, что Апостоль не хотѣлъ отлагать ихъ на неопредѣленное время; не хотѣлъ опускать ни одного благопріятнаго случая къ нимъ, поелику, преподавая оныя, онъ дѣлалъ дѣло не свое собственное, но дѣло всей Церкви.

Весьма важно и для простыхъ вѣрующихъ знать то, какъ они должны поступать въ Церкви, которая есть жилище Самаго Бога, щедро расточающее дары благодати и истины; но несравненно важнѣе и необходимѣе знать это епископамъ и пресвитерамъ, которые сами призваны къ раздаванію даровъ благодати, къ ученію истины. Миръ, это домъ Божій, устроенный по Его всемогуществу, украшенный по Его премудрости, вѣчно наполняемый Его присутвіемъ и управляемый Его провидѣніемъ. Церковь есть также домъ Божій, но домъ, построенный на краеугольномъ камнѣ, который есть Иисусъ Христосъ, послужившій величайшимъ знаменіемъ любви Бога къ роду человѣческому; домъ Божій украшенный наставленіями, добродѣтелями и заслугами Спасителя для всѣхъ искупленныхъ Его кровію; живущій внутреннимъ, благодатнымъ присутвіемъ самаго Бога; просвѣщаемый и руководимый Духомъ Святымъ.

Но если Церковь, въ смыслѣ духовномъ, есть домъ Божій, то она въ тоже время есть и видимое жилище Божіе, въ которомъ нужно знать, какъ вести себя, въ которомъ присутствуетъ не только Богъ, но и люди. Будучи домомъ, она, безъ сомнѣнія, имѣетъ власть устанавливать порядокъ, поелику подъ домомъ Божіимъ разумѣется именно домъ управляемый, общество, которымъ руководить власть, въ которомъ царствуетъ строгій порядокъ.

Церковь есть домъ Божій; отсюда, всякій, кто не живетъ, въ ней, не принадлежитъ къ семейству чадъ Божіихъ, поелику нѣтъ двухъ домовъ Божіихъ, нѣтъ двухъ церквей, и Церковь Бога живаго есть та самая, которую Богъ бла-

говори́лъ освяти́тъ своею́ святостію, оживотвори́тъ своею́ жизнію.

Церковь есть также столпъ и утвержде́ніе истины. Но если Церковь есть столпъ истины на землѣ, то это значить, что она непоколебимо вѣрна этой истинѣ. Если она есть основаніе и утвержде́ніе истины, то это значить, что все то, что содержитъ, или выражаетъ истину, заключается въ ней въ самомъ чистомъ и неповрежденномъ видѣ.

16. И исповѣдуемо велия есть благочестія тайна: Богъ явился во плоти, оправдася въ Душѣ, показася Ангеломъ, проповѣданъ бысть во языцехъ, вѣрова сѣ въ мѣртъ, вознесѣся во славу.

Говоря о Церкви, что она есть столпъ и утвержде́ніе истины, Апостоль эту истину называетъ величайшею тайною, тайною, сокрытою въ вѣбахъ предшествовавшихъ, которую призвана открывать людямъ Церковь. Эта тайна благочестія какъ со стороны Бога, благоволившаго явить къ человѣку свою безконечную благодать и милосердіе, такъ и со стороны человѣка, послужившаго первоначальнымъ предметомъ этого *благочестія*, безсмертнымъ основаніемъ самой религіи.

Эта тайна есть явленіе Бога во плоти, тайна воплощенія, составляющая средоточіе всѣхъ другихъ тайнъ: тайнъ небесныхъ, открываемыхъ намъ въ св. Троицѣ, тайнъ земныхъ, заключающихся въ первородномъ грѣхѣ, тайнъ святой Евхаристіи, тайнъ, наконецъ, благодати и славы, которыхъ она служитъ источникомъ и образцомъ.

Эта великая тайна явилась во плоти, ибо *Слово плоть бысть и вселѣся въ ны*. И въ этой плоти, которую она приняла на себя, она засвидѣтельствовала о себѣ святостію жизни, мудростію своего ученія и всемогуществомъ своихъ дѣлъ, и *мы видѣхомъ славу Ею, славу яко едиnorodнаго отъ Отца, исполнь благодати и истины*.

Эта тайна оправдала себя чрезъ Духа. Въ продолженіи всей земной жизни Спасителя Духъ Божій не переставалъ свидѣтельствовать о Немъ Ею чудесами, но очевид-

нѣйшее свидѣтельство Духа Божія долженствовало послѣдовать и на самомъ дѣлѣ послѣдовало, уже послѣ смерти Спасителя и послѣ Его славнаго воскресенія. Тогда Духъ Святый видимо сошелъ на Апостоловъ и на всю Церковь. Тогда Онъ оправдалъ это великое таинство своими чудесными явленіями: переменною, произшедшею въ Апостолахъ, обиліемъ духовнаго свѣта, излитаго на ихъ чувства, чрезвычайнымъ перерожденіемъ нравовъ всего міра. Ибо, какое можетъ быть болѣе вѣрное и болѣе славное оправданіе великой тайны воплощенія, какъ то, которое представило взорамъ всего міра это новое общество, въ которомъ преподавалось во всей ея чистотѣ и полнотѣ божественная истина, въ которомъ процвѣтали невѣдомыя дотолѣ міру величайшія добродѣтели, въ которомъ высочайшій свѣтъ премудрости, драгоцѣннѣйшіе дары благодати сдѣлались общимъ достояніемъ безразлично бѣдныхъ и богатыхъ, невѣждъ и ученыхъ, женщинъ и дѣтей, рабовъ и варваровъ?

Это великое таинство столь глубоко было сокрыто въ Богѣ, что оставалось недовѣдомо самимъ ангеламъ. Но оно было открыто имъ; они узрѣли его во всей его полнотѣ и затѣмъ сдѣлали его предметомъ своего поклоненія и славословія. Ибо, когда Богъ послалъ Сына своего въ міръ, воскресивши Его изъ мертвыхъ, то Онъ сказалъ: „да поклонятся Ему вси ангели“.

И это глубочайшее таинство было проповѣдано народамъ. Народы, которые не знали Бога, или забыли Его, призваны были узнать своего Творца, или „вспомнить о Немъ“ чрезъ проповѣдь объ этомъ таинствѣ. Израиль первый услышалъ эту проповѣдь, но за нимъ и весь міръ долженъ былъ также услышать ее. Доколѣ это таинство не было исполнено, тѣ знаменія и предписанія, которыми оно подготовлялось, могли совершаться въ одномъ народѣ, но послѣ его исполненія проповѣдь должна была разнестись по всему міру, поелику само таинство было исполнено для всѣхъ.

И оно было не только проповѣдано въ мірѣ, но и утверждено, Оно смирило гордость человѣческаго разума, низошло въ души смиренныя и воспріимчивыя и такимъ образомъ водворилось въ мірѣ. Вслѣдствіе обстоятельствъ, сопровождавшихъ его усвоеніе людьми, оно явилось для языческихъ мудрецовъ *безуміемъ*, для іудеевъ—*соблазномъ*; но при всемъ этомъ прославлялось и почиталось всюду, какъ величайшая тайна премудрости и силы Божіей. Принятое людьми въ predetermined время, оно и теперь живетъ въ нихъ; весь образованный міръ дѣлаетъ его и теперь предметомъ и основаніемъ своей вѣры, своихъ надеждъ и стремленій.

Ибо это таинство, совершенное на землѣ, есть въ тоже время таинство небесное. Оно совершилось среди мрака и поношенія, но это кратковременное поношеніе смѣнилось славою, Апостолы, свидѣтели поношенія и униженія Богочеловѣка, имѣли эту славу уже послѣ Его вознесенія на небо. И какъ самъ Іисусъ Христосъ воскресши не умираетъ болѣе, такъ и слава, которую Онъ принялъ, не мимо идетъ, но будетъ вѣчною.

О, великая тайна благочестія и любви Божіей къ намъ! Блаженъ тотъ пастырь Церкви, кому Духъ Божій открылъ ее въ наиболѣе ясныхъ и опредѣленныхъ чертахъ, для кого, поэтому, тайна эта служитъ предметомъ постояннаго поклоненія и славословія вмѣстѣ съ ангелами, составляетъ избраннѣйшій предметъ церковнаго собесѣдованія съ народомъ, непоколебимую основу и насущную пищу для вѣры, единственную и высочайшую цѣль стремленій и надеждъ!

Глава IV.

Блаженный Теодоритъ справедливо замѣчаетъ, что Апостоль, сказавши о таинствѣ воплощенія, и предусматривая, по ясному откровенію Св. Духа, близкое появленіе

ересей, имѣвшихъ нападать на это таинство, переходить къ изображенію самыхъ ересей. Заставить ученика внимательно наблюдать отличительныя свойства этихъ ересей и ихъ заблужденія, чтобы такимъ образомъ успѣшнѣе бороться какъ съ самыми ересями, такъ и предохранять отъ нихъ ввѣренный ему народъ—было, между прочимъ, однимъ изъ побужденій къ написанію настоящаго посланія.

I.

Апостоль предсказываетъ о появленіи ересей. Свойства этихъ ересей. Ихъ заблужденія. Опроверженіе этихъ заблужденій.

1. *Духъ же явственнѣ глаголетъ, яко въ послѣдняя времена отступятъ нѣцыи отъ вѣры, внемлюще духовомъ лестчымъ и ученіямъ бѣсовскимъ.*

Всѣ ереси первыхъ вѣковъ нападали на таинство воплощенія; но собственно тѣ, о которыхъ говоритъ Апостоль, отрицали или дѣйствительность плоти Спасителя, или ея человѣческое происхожденіе и ея славное успеніе.

„Какъ произведеніе злаго начала, по крайней мѣрѣ какъ послѣдствіе грѣха и его плодъ, плоть не можетъ быть спасена, но должна быть всячески умерщвляема въ людяхъ избранныхъ, и если бы Спаситель принялъ на себя дѣйствительную, а не призрачную плоть, то Онъ Самъ себя лишилъ бы той славы, которою обладалъ“. Такое ученіе представляетъ, очевидно, полное извращеніе православнаго ученія о таинствѣ воплощенія и искупленія міра; но Апостоль, зная всѣ хитрости и тонкости лжеучителей, захотѣлъ изобразить ихъ въ наиболѣе яркихъ и выразительныхъ чертахъ.

Онъ обозначаетъ сначала свойства всѣхъ еретиковъ вообще. Они явятся въ послѣднія времена, т. е. когда истина евангельская распространится по всюду и будетъ

процвѣтать. Хотя ихъ будетъ множество, но тѣмъ не менѣе они будутъ только *нѣцыи* по отношенію къ великому множеству истинныхъ чадъ Церкви. Сначала они будутъ желать остаться въ нѣдрахъ Церкви, но потомъ, отдѣлившись отъ вѣры, удалятся и отъ истинной Церкви. Очевидно, осуждая самихъ себя этимъ удаленіемъ отъ Церкви и отступничествомъ, разрывая всякую связь съ апостольскимъ единствомъ, которому одному обѣщанъ Духъ истины и въ которомъ должно пребывать вѣчно, еретики послѣдуютъ духу лжи и будутъ проповѣдывать ученіе демоновъ. Безъ сомнѣнія, какъ самыя заблужденія, такъ въ особенности ихъ демонское происхожденіе, болѣе ясно выражается у однихъ еретиковъ, нежели у другихъ; и можетъ быть нѣтъ ни одной ереси, въ которой бы эта послѣдняя черта была на столько ясна, какъ въ ереси гностической. Но всѣ ереси должны будутъ обнаружиться какъ въ своемъ происхожденіи, такъ и въ томъ горделивомъ духѣ, въ которомъ *нѣсть истины*, который есть *ложь* и *отецъ лжи*.

Духъ Божій совершилъ величайшее благодѣяніе, предсказавши устами Апостола и изобразивши въ общихъ чертахъ состояніе ересей еще въ самое первое время Церкви. Этимъ Онъ значительно уменьшилъ для вѣрующихъ опасность уклоненія въ эти ереси и ихъ заблужденія. Вѣрующіе получили въ этомъ предсказаніи новое сильное доказательство божественности происхожденія своей Церкви, поелику самъ же Духъ, предсказавши ея утвержденіе въ мірѣ, ея побѣды и ея торжество, предсказалъ вмѣстѣ и отступленіе отъ нея враговъ.

Но почему Духъ Божій предсказываетъ *явственнѣе*, какъ говоритъ Апостоль, о тѣхъ ересяхъ, на которыя указывается въ этой главѣ? Потому, что онѣ имѣли возникнуть тотчасъ же послѣ смерти Апостоловъ; что съ этого времени онѣ имѣли въ тысячѣ разнообразныхъ формъ, долго и съ величайшею опасностію для чистоты церкви, заражать христіанское общество. Не трудно, и при поверхностномъ знакомствѣ съ исторіею, видѣть осуществленіе этого пред-

сказанія. Такъ, начало ересей положено было Сатурниномъ, Василидомъ, Маркіономъ, Менандромъ и Симономъ Самарійскимъ; дальнѣйшее развитіе мы видимъ въ Манихействѣ; за тѣмъ въ павликіанахъ; новое возрожденіе—въ средніе вѣка въ Альбигойцахъ, Богомилахъ, людяхъ Божіихъ и др. И въ наше время есть своего рода гностики. Не говоря уже о мормонахъ въ Америкѣ, мы не забыли еще такъ называемыхъ новохристіанъ, поставляющихъ высшею цѣлью своей жизни высшее перерожденіе плоти.

2. *Въ лицемѣріи лжесловесникъ, сожженныхъ своею совѣстію.*

Отличительною чертою этихъ ересей было лицемѣрное и лживое ученіе, склонность скрывать недостатки этого ученія подъ благовидною внѣшностію словъ и выраженій, а иногда подъ видомъ усерднаго исполненія дѣлъ благочестія.

Нѣтъ ничего привлекательнѣе внѣшней стороны ученія нѣкоторыхъ гностиковъ. Стремленіе къ Богу, невидимому и непостижимому, удаленіе отъ вещей чувственныхъ и матеріальныхъ, въ которыхъ, якобы, лежитъ источникъ и корень зла, презрѣніе къ плоти и ея естественнымъ влеченіямъ; съ другой стороны, удаленіе отъ грубыхъ учрежденій законодательства Моисеева, отъ строгостей и жестокостей закона, столь противоположныхъ евангельской кротости—все это очень способно было ввести въ заблужденіе простыхъ, обольстить людей просвѣщенныхъ. Тѣмъ болѣе могло располагать въ пользу еретиковъ то, что они, принимая законъ евангельскій, присвоили себѣ право толковать его по своему собственному произволу, при помощи какихъ то таинственныхъ видѣній и откровеній. Но сколько грубаго печестія и лицемѣрія скрывалось подъ этою благовидною внѣшностію! Подъ видомъ презрѣнія къ плоти еретики, напримѣръ, допускали самыя крайнія излишества угожденія плоти, самую грубую привязанность къ ней. Подъ видомъ того, что человѣкъ, заботящійся о плоти, не можетъ достигнуть чистоты разума, отрѣшеннаго отъ чувственности, считая лучшимъ средствомъ къ отрѣшенію отъ пожеланій плоти, къ уни-

чтоженію ея власти, или къ полному ослабленію ея, чрезмѣрное злоупотребленіе ея отправлениями, еретики, какъ на примѣръ Николаиты, жили въ собственномъ смыслѣ по хотѣніямъ плоти, дѣлали ея члены орудіями самыхъ гнустныхъ и скотскихъ вождѣленій.

Эта первая черта еретиковъ сама собою вызываетъ и вторую. Ничто такъ не убиваетъ совѣсти, какъ лицемѣріе. Привычка измѣнять, въ случаѣ нужды, своимъ убѣжденіямъ, обманывать собственную совѣсть производитъ въ душѣ рану, дѣлаетъ ее нечувствительною для всего, что только есть благороднаго и истиннаго въ ней; эта привычка касается глубочайшихъ основъ, разрушаетъ и самые послѣдніе ростки нравственной жизни.

Всѣ эти ереси, пагубныя для ихъ послѣдователей, пагубны были и для Церкви. Онѣ вводили въ заблужденіе слабыхъ членовъ ея своими постоянными спорами и нападками на ея ученіе, дерзко и безнаказанно злоупотребляли тѣмъ, что было въ ней самаго святого и возвышеннаго. Подъ маскою единенія съ Церковью онѣ скрывали дѣло сатаны. По мѣрѣ возрастанія этого зла, требовались иныя средства къ его уничтоженію, болѣе энергичныя нежели тѣ, которыя были доселѣ употребляемы.

3. Возбранающихъ жениться, удалятися отъ брашенъ, яже Богъ сотвори въ спъденіе со благодареніемъ вѣрнымъ и познавшимъ истину.

Здѣсь указаны двѣ наиболѣе выдающіяся черты еретическаго ученія, встрѣчающіяся во всѣ эпохи: запрещеніе супружества и воздержаніе отъ мяса и вина, что все считалось нечистымъ и вреднымъ для человѣка.

Запрещеніе вступать въ супружество имѣло различныя причины у гностиковъ. У однихъ оно предписывалось съ цѣлью побудить къ совершенному воздержанію, и такимъ образомъ еще на землѣ начать освобожденіе души отъ тѣла; такихъ, впрочемъ, было небольшое число; у другихъ, съ цѣлью основать всеобщій коммунизмъ, который они пред-

ставляли единственнымъ, истиннымъ закономъ природы; у большей части, наконецъ, вслѣдствіе того, что смотрѣли на плоть, какъ на порожденіе злаго начала и ненавидѣли распространеніе рода человѣческаго. Не смотря, впрочемъ, на это, въ своихъ гнустныхъ обрядахъ, они не лишали себя удовольствій, но къ законному пользованію отправленіями чувствъ они примѣшивали такія дикія и бѣшенныя оргіи, которыя ясно обличали глубочайшую развращенность и слѣпоту ихъ душъ.

Нужно быть слишкомъ печально предубѣжденнымъ, противъ православнаго ученія, чтобы смѣшать его съ этими ересями, или по крайней мѣрѣ приблизить къ нимъ. Церковь, отдавая должную дань уваженія совершенному воздержанію отъ супружества, учитъ однако, что бракъ, въ особенности бракъ христіанскій, *честенъ*, что брачное ложе, если имъ законно пользуются, *не скверно*. Оно признаетъ, по примѣру Іисуса Христа, что дѣвство высокая добродѣтель, что воздержаніе отъ извѣстныхъ яствъ необходимо въ извѣстныя времена; но она осуждаетъ тѣхъ, которые думаютъ, что это воздержаніе предписано всѣмъ и всегда, что употребленіе, отсюда, извѣстныхъ яствъ преступно.

Отдавая должную дань уваженія совершенному воздержанію отъ брака, уважая дѣвство и воздержаніе отъ яствъ, Церковь тѣмъ не менѣе не считаетъ всего этого для каждаго обязательнымъ и существеннымъ въ жизни христіанской. Она также уважаетъ и допускаетъ къ своимъ алтарямъ находящихся въ супружескихъ союзахъ, равно какъ и дѣвственниковъ, живущихъ среди міра такъ же, какъ отшельниковъ и подвижниковъ.

И все это потому, что самъ Богъ установилъ бракъ и создалъ все, что можетъ служить поддержкою для нашей жизни. Потому что самъ Іисусъ Христосъ освятилъ брачный союзъ, указавши въ немъ символъ своего таинственнаго единенія съ церковью. Притомъ, удаленіе отъ супружества, если только оно насильственно, нимало не обезпечиваетъ

чистоты чувствъ и твердости въ исполненіи обязанности цѣломудрія.

Впрочемъ, можно воздерживаться отъ брачныхъ узъ или отъ извѣстныхъ яствъ, по какимъ нибудь суевѣріямъ, изъ за гордости или фанатизма, но можно также воздерживаться и изъ чувства смиренномудрія, изъ сознанія того, что со времени господства грѣха въ мірѣ стало недостаточнымъ одно простое воздержаніе, сдѣлалось необходимымъ въ извѣстныхъ случаяхъ и прямое *умерщвленіе плоти*. Но тѣмъ не менѣе и самое умерщвленіе плоти не исключаетъ благодарности за благодѣянія Божіи. И такъ, употреблять съ чувствомъ благодарности все созданное Богомъ для поддержанія нашей жизни есть прямое дѣло религіи и справедливости; дѣло вѣрующихъ, тѣхъ, которые познали истину, или которые призваны познать ее; дѣло, наконецъ, тѣхъ въ особенности, которые призваны свидѣтельствовать эту истину предъ людьми.

4. *Зане всякое созданіе Божіе добро, и ничтоже от-метно, съ благодареніемъ приемено.*

Все сотворенное Богомъ есть добро, поелику кромѣ добра ничто не могло выйти изъ рукъ того, кто Самъ есть совершеннѣйшая святость, и вся тварь носить на себѣ печать божественной благодати, премудрости и силы.

Когда Богъ сотворилъ всѣ вещи, то Онъ восхотѣлъ, чтобы онѣ какъ сами въ себѣ, такъ и въ своихъ отношеніяхъ были *добры злы*. И дѣйствительно, все сущее вышло изъ рукъ Творца въ полномъ совершенствѣ. Грѣхъ, вошедши въ міръ, помрачилъ, но не уничтожилъ это совершенство, уменьшилъ, но не окончательно разрушилъ первоначальную доброту тварей. Все—добро въ мірѣ: матерія добра, дѣятельность ея составляетъ величайшее благодѣяніе Божіе; за все это слѣдуетъ благодарить и славословить Творца. И все, что составляетъ уже нѣкотораго рода прибавку, естественное условіе существованія и дѣятельности, также есть добро. Таково первое основаніе того, почему

позволительно употреблять въ пищу все, что можетъ служить къ поддержанію нашей жизни.

Апостоль указываетъ и другое основаніе. Все что только можетъ быть отнесено къ Богу по своему происхожденію, или по своей высшей цѣли, всякое, значитъ, и пользованіе чѣмъ бы то ни было, если только оно сопровождается благодарностію къ Богу, есть свято. Вотъ великое правило Апостола, неизмѣримо великое по своимъ послѣдствіямъ! Но изъ этого правила естественно вытекаетъ другое, обратное: все, что не можетъ быть отнесено къ Богу, который есть совершеннѣйшая святость и премудрость, все это, напротивъ, зло.

б. Освящается бо словомъ Божиимъ и молитвою.

Апостоль, обращаясь къ какому нибудь предмету и говоря о немъ, не пренебрегаетъ ни одною стороною его. Онъ дѣлаетъ здѣсь, между прочимъ, намекъ на первое грѣхопаденіе и его послѣдствія. Ибо, еслибы твари также святы были и теперь, какъ были святы въ день творенія, то не было бы нужды и въ новомъ освященіи.

Но вся тварь потерпѣла пораженіе отъ прародительскаго грѣха. Со времени паденія человѣка, та власть надъ міромъ, которая дотолѣ принадлежала ему, перешла въ руки діавола. И въ этомъ заключается самое глубокое основаніе всѣхъ благословеній и проклятій, которыя по мѣрѣ надобности дѣлаетъ церковь. Вотъ почему мы должны пользоваться тварями, только освящая ихъ словомъ Божиимъ, благодареніемъ и молитвою. Но мы можемъ, тѣмъ не менѣе, дѣлать это съ полною увѣренностію; ибо твари приготовлены и предназначены для насъ по благоволенію Творца, освобождены отъ рабства тлѣнію и смерти пречистою кровію Спасителя, освящены, наконецъ, благодатнымъ дѣйствіемъ на нихъ Святаго Духа.

Такъ, вѣрующій можетъ безъ всякихъ сомнѣній и колебаній употреблять въ пищу все полезное для поддержки жизни; но подъ условіемъ смотрѣть на все это какъ на благодѣяніе Божіе, употреблять съ чувствомъ покорности

къ Иисусу Христу, который своими заслугами предоставилъ намъ эти блага, освящать, наконецъ, усердною молитвою.

II.

Ученіе истинныхъ служителей Христовыхъ. Питаніе словами вѣры. Отверженіе басней. Упражненіе въ благочестіи и предпочтеніе сего служенія служенію плоти.

6. Сія вся сказуя братіи, добръ будещи служитель Иисуса Христа, питаемъ словеса вѣры, и добрымъ ученіемъ, ему же послѣдовалъ еси.

Всякая догматическая истина приводитъ къ практическимъ слѣдствіямъ,—таковъ отличительный характеръ вѣроученія христіанскаго.

Служитель Иисуса Христа не долженъ учить вѣрующихъ только тѣмъ истинамъ, которыя отличаютъ христіанъ отъ еретиковъ, но и предлагать своимъ слушателямъ истины практическія, которыя управляютъ общественною жизнію людей, и которыя научаютъ насъ освящать наши обыденныя, повседневныя занятія и обязанности. Таково условіе добраго служенія Христу.

Но, чтобы хорошо проходить это служеніе, служитель церкви долженъ питать себя словами вѣры и добраго ученія, которое онъ получилъ отъ самого Христа. Но что значитъ питаться словами вѣры и добраго ученія? Значитъ ли это учиться, или слушать наставленія? Значитъ ли это просвѣщать свой умъ, очищать воображеніе, изошрять память? Это значитъ, прежде всего, питать свое сердце. Питаться добрымъ ученіемъ, это значитъ быть близкимъ къ нему, родственнымъ съ нимъ, жить въ немъ; это, значитъ, обладать тѣмъ животворнымъ ученіемъ, которое церковь раздаетъ своимъ дѣтямъ по мѣрѣ ихъ силъ и ихъ нуждъ.

Тимоѳей не просто принялъ здравое ученіе, но и усердно *послѣдовалъ ему*. Счастливъ тотъ служитель Іисуса Христа, къ которому можетъ относиться подобное свидѣтельство! И какое счастье быть служителемъ Іисуса Христа! Какое утѣшеніе, какой источникъ надеждъ представляетъ это служеніе! *Идѣже есмь Азъ, говоритъ Спаситель, ты и слуга мой будетъ* (Іоан. 12, 26).

7. *Скверныхъ же и бабіихъ басней отрицайся: обучаи же себе ко благочестію.*

Ученія еретиковъ, на которыя Апостоль хочетъ указать здѣсь, были исполнены басней: іудаизмъ заключаетъ въ себѣ безчисленное множество этихъ басней и теперь, также какъ и прежде. Апостоль весьма мѣтко охарактеризовалъ всѣ эти басни, сравнивши ихъ съ сказками, которыми старухи забавляютъ маленькихъ дѣтей.

Вообще, всякое ученіе, которое исходитъ отъ чловека, и которое не сохраняется Богомъ, неизбѣжно переходитъ въ суевѣріе, становится безъосновательнымъ и безполезнымъ, при всей своей занимательности. Ученіе же церкви представляетъ мало занимательнаго, но много практическаго. Оно осуждаетъ пустыя и неумѣстныя изысканія. Оно не прикрываетъ именемъ благочестія всего того, что съ дѣтскою довѣрчивостію принимается народными массами, но напротивъ, оно уничтожаетъ все враждебное благочестію и желаетъ того, чтобы люди приблизились къ нему и служили ему въ его наиболѣе чистомъ и не извращенномъ видѣ.

Такова всегдашняя обязанность и добраго служителя Іисуса Христа. Онъ долженъ понять то, что твердое благочестіе создается не на развалинахъ, и что истинный духъ вѣры состоитъ не въ томъ, чтобы принимать все безъ различія, вѣрить всему безъ всякаго основанія и испытанія. Онъ, затѣмъ, долженъ знать и то, что недостаточно имѣть одно ясное понятіе о благочестіи, что необходимо на столько же упражняться въ немъ, сколько и знать его.

Сколько, быть можетъ, есть пастырей душъ, которые не довольно внимательны къ этимъ наставленіямъ Апостола, которые полагаютъ сущность благочестія въ однихъ внѣшнихъ обрядахъ. Быть можетъ есть еще и такіе, которые прямо предубѣждены противъ благочестія, которые допускаютъ всякаго рода крайности и злоупотребленія и, если не уклоняются вовсе, то по крайней мѣрѣ прилагаютъ очень мало заботъ къ тому, чтобы руководить по пути жизни вѣренныя имъ души! Сколько, быть можетъ, есть учителей невѣдущихъ и холодныхъ къ дѣлу Божію, которые берутся поить народъ молокомъ, но не способны еще кормить его твердою пищею; которые уважаютъ благочестіе въ другихъ и стараются о томъ, чтобы оно было въ нихъ, но пренебрегаютъ этимъ драгоценнымъ даромъ для самихъ себя, преподаютъ другимъ мудрыя совѣты, которымъ сами не въ состояніи слѣдовать, считаютъ себя кажется свободными отъ исполненія дѣлъ благочестія потому, что сами призваны возбуждать къ нимъ и распространять, такимъ образомъ, царство благочестія на землѣ! А между тѣмъ, кто, если не священникъ, долженъ особенно преуспѣвать въ вѣрѣ и другихъ христіанскихъ добродѣтеляхъ? кто, какъ не тотъ, чья прямая обязанность просвѣщать души и кто ежедневно прославляетъ у алтара величайшую тайну благочестія?

8. Тѣлесное бо обученіе в малъ есть полезно: а благочестіе на все полезно есть, обѣтованіе имѣюще живота нынѣшняго и грядущаго.

Апостоль, сказавши объ упражненіи въ дѣлахъ благочестія, и желая лучше выяснить свою мысль объ этомъ, сравниваетъ это упражненіе съ упражненіями тѣлесными.

По свойству нашей природы, все, что содержится въ насъ, развивается не иначе, какъ только чрезъ упражненіе. Такъ развивается тѣло и его отдѣльные члены; такъ развивается разумъ и другія естественныя способности нашей души; тоже самое бываетъ съ ея силами и способностями высшими, духовными, дарованными человѣку не-

посредственнымъ дѣйствиємъ Святаго Духа. Всѣ онѣ точно также развиваются и поддерживаются только исключительно при этомъ условіи. Тѣмъ болѣе благочестіе, эта животворная и дѣятельная способность исполнять все то, что относится къ служенію Богу,—благочестіе, говоримъ, пріобрѣтается и усовершенствуется главнымъ образомъ чрезъ употребленіе.

III.

Апостоль возбуждаетъ вниманіе къ своимъ наставленіямъ. Внушаетъ уповать на Іисуса Христа, Спасителя всѣхъ, въ особенности вѣрующихъ. Учитъ, подавая добрый примѣръ, внушать уваженіе къ себѣ другихъ.

9. *Вѣрно слово и всякаго пріятія достойно.*

На первый взглядъ нѣсколько страннымъ представляется то, что Апостоль столь часто прерываетъ свою рѣчь для того, чтобы возбудить вниманіе къ такимъ истинамъ, которыя представляются намъ самыми простыми и элементарными. Но если мы обратимъ вниманіе на характеръ времени, въ которое писалъ Апостоль, на тѣ опасности, какими окружена была въ малой Азіи въ то время истинная вѣра, на множество лжеучителей, ихъ дерзость, довѣріе къ нимъ народа, то мы будемъ судить иначе.

Но что говорить? И мы сами нуждаемся въ частомъ повтореніи этихъ простыхъ и элементарныхъ истинъ для того, чтобы служить Богу въ чистотѣ вѣры и чтобы не ослабѣвать въ дѣлахъ благочестія.

При томъ, когда говорится что нибудь справедливое, преподаются истины общедоступныя, то недостаточно отвѣтить на нихъ только полусогласіемъ, необходимо обнять ихъ полнымъ довѣріемъ и убѣжденіемъ.

10. *На сіе бо и труждаемся и поношаеми есмы, яко уповахомъ на Бога жива иже есть Спаситель всѣмъ человекомъ, паче же вѣрнымъ.*

Безъ глубокаго убѣжденія въ истинахъ вѣры, въ особенности, въ истинѣ искупленія, совершеннаго Іисусомъ Христомъ, безъ живого упованія, которое достигается только благочестіемъ, какъ могли Апостолы выносить тѣ тяжкія страданія и поношенія, которымъ часто подвергались? Эта глубокая вѣра и это живое упованіе составляютъ и для всѣхъ людей самое лучшее средство и самое сильное по-нужденіе къ благодушному перенесенію житейскихъ испы-таній и побѣдоносной борьбѣ съ ними. Уповать на Бога, который видитъ и судитъ всѣ наши дѣйствія, видитъ и судитъ ихъ какъ Спаситель, а не какъ грозный Судія, который всячески желаетъ нашего спасенія, и который, при томъ, въ состояніи исполнить все, чего желаетъ,—не есть ли это глубочайшее утѣшеніе для души, источникъ ея силы и бодрости?

Богъ есть Спаситель всѣхъ, а наипаче вѣрующихъ. Это двѣ истины, равно извѣстныя и одинаково важныя въ ученіи о благодати. Не признавать первой, значитъ произ-вольно полагать предѣлъ божественной благодати и мило-сердію, произвольно судить о степени заслуги Іисуса Христа, о силѣ и дѣйственности искупленія, совершеннаго Имъ. Оспаривать вторую, значитъ опускать изъ виду ту высо-чайшую свободу Творца, по которой Онъ, въ силу своей совершеннѣйшей независимости, распредѣляетъ между тва-рями свои дары какъ добрый домовладыка, а не какъ не-вѣдущій рабъ. Благодать Божія, которая *возводитъ солнце свое на злыя и блایя, и дождитъ на праведныя и непра-ведныя*, составляетъ прекрасное доказательство первой изъ этихъ истинъ; неравенство естественныхъ способностей и положеній, очевидная и въ мірѣ нравственномъ, также какъ и въ физическомъ, доказываетъ вторую. Безъ увѣренности въ первой, кто изъ людей не впалъ бы въ отчаяніе и кто изъ служителей евангелія рѣшился бы презрѣть всѣ опас-ности для обращенія невѣрныхъ? Безъ признанія второй, кто изъ вѣрующихъ не остался бы виновнымъ въ неблаго-дарности?

Но можетъ статья, что нашъ разумъ не знаетъ какъ примирить эти двѣ истины; можетъ быть онъ спрашиваетъ: почему нѣтъ строгой равномерности въ раздаянїи благодатныхъ даровъ искупленія, совершеннаго для всего міра? И можетъ быть на эти вопросы онъ не находитъ отвѣта, который бы успокоилъ его? Неизбѣжно, послѣ этихъ сомнѣній, онъ будетъ смущенъ и скажетъ въ тихомолку: „почему мнѣ, почему одному больше, нежели другому“? Но всѣ эти „какъ“ и „почему“ должны храниться нами для будущей жизни. Теперь же намъ вполне достаточно знать то, что Богъ есть Спаситель всѣхъ, дабы никто не терялъ надежды на Него, и что—Онъ есть въ особенности Спаситель вѣрующихъ, дабы мы умѣли цѣнить то, что получили отъ Него.

11. *Завѣщавай сія и учи.*

Возвѣщать эти истины, раскрывать ихъ, наставлять въ нихъ народъ—вотъ главнѣйшая задача епископства, первѣйшая обязанность епископа. И по отношенію къ пресвитерамъ это составляетъ важнѣйшую задачу и вообще самую насущную обязанность для всѣхъ пастырей душъ.

Тѣ и другіе изъ нихъ учать и учать со властію. Ихъ слово просвѣщаетъ и въ то же время служитъ какъ бы заповѣдію. Но если божественныя истины должны быть возвѣщаемы со властію, чтобы возбудить уваженіе къ нимъ народа, то въ то же время необходимо возвѣщать ихъ и съ простотою, чтобы всѣ могли понять ихъ; необходимо учить съ неустаннымъ терпѣніемъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не будутъ всѣми усвоены; учить съ любовію, дабы и слушающіе полюбили эти истины и улаждались ими.

Если съ умѣніемъ учать народъ уважать и любить божественную истину, то онъ слушаетъ своихъ учителей настолько, насколько это необходимо для его спасенія; но чтобы заставить людей уважать божественную истину, слѣдуетъ самимъ учащимъ уважать какъ ее, такъ равно и тѣхъ, кому она преподается; чтобы, затѣмъ, заставить полюбить

истину, необходимо самимъ учащимъ показать примѣръ любви къ ней.

Никтоже о юности твоей да нерадитъ: но образъ буди вѣрнымъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою.

Въ силу той власти, которою обладаетъ служитель живаго Бога, онъ не долженъ допускать ни въ комъ неуваженія къ себѣ, поелику неуваженіе къ нему не далеко отъ того, чтобы перейти на презрѣніе и къ его служенію. Возрастъ, природныя способности, въ этомъ случаѣ, представляютъ мало важности; важна священная власть, важенъ священный характеръ, который присущъ ему, и который народъ долженъ уважать въ служителѣ Христа. Но уважать священное достоинство служителя Христова значитъ тоже, что и уважать Его Самого, поелику не возрастъ, но недостатки и пороки возраста заслуживаютъ часто презрѣнія.

Если бы пресвитеръ былъ и молодъ, то онъ не долженъ забывать истиннаго смысла того имени, которое онъ носитъ на себѣ; онъ не долженъ забывать того, что занимаетъ подлѣ епископа мѣсто одного изъ тѣхъ старцевъ, которые даны Богомъ въ помощь еще Моисею; онъ долженъ знать, наконецъ, что если бы его возрастъ и препятствовалъ ему законно проходить священство, то мудрая жизнь, испытанная твердость въ добродѣтели предоставляютъ ему полное право на это.

Наконецъ, тотъ, кто способенъ быть образцомъ для всѣхъ, не можетъ назваться молодымъ. Но какъ трудно для молодаго человѣка сдѣлаться такимъ образцомъ, какого требуетъ Апостоль! Впрочемъ, если бы кто изъ пастырей замѣтилъ, что онъ отстоитъ слишкомъ далеко отъ этого образца, то пусть, онъ знаетъ, что можетъ стать ближе къ нему своимъ искреннимъ смиреніемъ.

Строгая разборчивость въ словѣ, достоинство и важность въ отношеніяхъ съ другими, теплота любви, твердость вѣры, чистота нравственная—вотъ тѣ свойства, которыхъ Апостоль требуетъ отъ Тимоѳея, не взирая на его молодость;

вотъ чего требуетъ и сама Церковь отъ молодыхъ епископовъ и пресвитеровъ, призванныхъ къ исполненію возвышеннѣйшихъ обязанностей служенія слову, къ посѣщеніямъ больныхъ и бѣдныхъ, къ увѣщаніямъ грѣшниковъ, къ управленію душами на пути къ Богу.

Обыкновенно въ первенствующей Церкви возводились на степени епископскія, и даже пресвитерскія лица, достигшія зрѣлаго возраста. Но если въ числѣ ищущихъ священства являлись люди, хотя молодые, но тѣмъ не менѣе опытные, прочно утвердившіеся въ христіанскихъ истинахъ и добродѣтеляхъ, то изъ уваженія къ нимъ дѣлались исключенія изъ этого правила. Тимоѳеѣ представлялъ собою не единственный примѣръ въ этомъ родѣ. Въ посланіи Игнатія Богоносца читаемъ, что епископъ церкви Магnezіанской былъ молодъ. Святый старецъ даетъ такое прекрасное наставленіе пресвитерамъ этой церкви: „не судите дерзко о его (епископа) возрастѣ, но будьте исполнены уваженія къ нему за его мудрость; и не только къ нему, но въ лицѣ его къ Самому Іисусу Христу, епископу всѣхъ“... и пр.

Наконецъ, нужно сказать и то, что имена *старѣйшина*, *пресвитеръ* и другія, которыми именовались въ Церкви епископы и священники не указывали на ихъ возрастъ, но были символическими названіями ихъ обязанностей и служеній, а также указывали на тѣ добродѣтели, которыми они должны были отличаться, и воторыхъ должны были подавать примѣръ другимъ.

IV.

Апостоль увѣщаваетъ читать, наставлять, учить. Внушаетъ не пренебрегать даромъ благодати. Размышлять объ истинахъ божественныхъ. Быть внимательнымъ къ самому себѣ.

Дондеже прииду, внемли чтенію, утѣшенію, ученію.
Апостоль указываетъ въ нѣсколькихъ словахъ на три главнѣйшія обязанности пастыря душъ. Онъ долженъ

учиться самъ, научать другихъ и упрочивать плоды своихъ наставленій приличными увѣщаніями.

Внемли чтенію: чтеніе, или изученіе для пресвитера не составляетъ занятія второстепенной важности, оно составляетъ самую существенную его обязанность; это не какое-либо занятіе случайное, но дѣло всей его жизни. Вмѣстѣ съ молитвою оно должно занимать если не всю, то по крайней мѣрѣ большую часть его времени. И такъ должно усердно прилежать къ чтенію для того, чтобы сдѣлать истинно полезнымъ и благотворнымъ пастырское служеніе.

При чтеніи долженъ быть *порядокъ*, которому необходимо слѣдовать, *усердіе*, съ какимъ слѣдуетъ прилежать къ нему; и наконецъ *цѣль*, которую оно должно предполагать.

Учиться безъ всякой системы и *порядка* недостойно вообще серьезнаго человѣка и совершенно бесполезно; это значить изъ серьезнаго занятія дѣлать препровожденіе времени, изъ полезнѣйшей обязанности дѣло случая и фантазіи. Ничего не изучить серьезно тотъ, кто не имѣетъ твердаго порядка въ своихъ занятіяхъ.

Учиться безъ *усердія* и охоты къ дѣлу, это тоже, что и вовсе не учиться; это значить одною рукою разрушать то, что создано другою, ибо написано: „нерадивый въ работѣ своей—братъ расточителю“ (Притч. 18, 9). Но это усердіе и ревность къ чтенію не должны быть тою пылкою любознательностію, которая бросается на все и ни во что глубоко не вникаетъ; какъ и вездѣ, крайность тутъ неумѣстна. Всякое неумѣренное занятіе ослабляетъ духъ, вредно отражается на способности правильнаго сужденія и наноситъ обыкновенно довольно сильный ударъ благочестію. Эта ревность должна, затѣмъ, постоянно воодушевляться Духомъ Божіимъ. *Письмо убиваетъ, а духъ животворитъ* (2 Кор. 3, 6); *разумъ кичитъ, а любви созидаетъ* (1 Кор. 8, 1), говоритъ Апостоль. Будемъ любить знаніе, но предпочтеніе отдадимъ любви; и если мы хотимъ преуспѣвать въ дѣлахъ божественныхъ, мы не должны за-

бываютъ слѣдующихъ словъ бл. Августина: „наученные Спасителемъ смиренію сердца посредствомъ размышленія и молитвы и получаютъ больше пользы, нежели посредствомъ чтенія и слушанія“. И это говоритъ не отшельникъ какой-либо, не мистикъ, а епископъ, который самъ былъ однимъ изъ наиболѣе яркихъ свѣтилъ Церкви.

Наконецъ учиться безъ *цѣли*, и при томъ цѣли, достойной Бога нашего высшаго призванія, значитъ напрасно тратить время; или, что тоже, значитъ пріобрѣтать знаніе, если не бесполезное для другихъ, то во всякомъ случаѣ вредное для насъ самихъ. Три рода людей подвергаются этой опасности. Одни пріобрѣтаютъ знаніе для знанія, изъ за пустаго любопытства; другіе для того, чтобы хвалиться имъ предъ другими, руководясь очевидно, суетнымъ тщеславіемъ; третьи, наконецъ, съ цѣлью продавать свое знаніе, мѣнять его на богатства и почести. Всѣ эти люди наносятъ вредъ какъ знанію, такъ и самимъ себѣ чрезъ это знаніе. Но есть люди, которые ищутъ знанія для собственнаго назиданія, это наиболѣе благоразумные. Есть такіе, которые ищутъ знанія для того, чтобы утверждать на землѣ царство истины и прославлять Бога,—это-праведники. Есть, наконецъ, такіе, которые свое знаніе обращаютъ къ назиданію ближнихъ, это-люди любви.

Пастырь Церкви, по слову Апостола, долженъ *утѣшать* и наставлять другихъ. Онъ учится самъ преимущественно для того, чтобы умѣть наставлять и учить другихъ,—другими словами, для того, чтобы проповѣдывать, поелику проповѣдь по словамъ Апостола и состоитъ именно *въ наставленіи въ здоровомъ ученіи*. Тѣмъ не менѣе, проповѣдь должна больше наставлять, утѣшать и назидать, нежели учить, и съ этой точки зрѣнія мы и будемъ смотрѣть на пастырскую обязанность учительства.

Правила евангельской проповѣди, равно какъ и образецъ для нея представлены во второй главѣ перваго посланія къ Солунянамъ. Здѣсь можно видѣть, на что преи-

мущественно долженъ обращать вниманіе проповѣдникъ, что должно уполномочивать проповѣдника на его служеніе, чего онъ долженъ избѣгать въ проповѣди, какія чувства должны воодушевлять его, какими добродѣтелями проповѣдникъ долженъ поддерживать авторитетъ проповѣди, каковъ, наконецъ, долженъ быть способъ проповѣданія. И главное, къ чему долженъ быть особенно внимателенъ проповѣдникъ, это истина вѣры, чистота нравственная, всегдашняя евангельская простота (ст. 3). Высшее полномочіе, или то, что должно побуждать къ проповѣди слова, составляетъ божественное призваніе, служащее истиннымъ основаніемъ авторитета и свободы проповѣдническаго служенія (ст. 4). Главное, чего долженъ избѣгать проповѣдникъ, это—ласкательство, которое послабляетъ пороку, и ослабляетъ евангельскую строгость чрезъ безразсудную мягкость и снисходительность; это, затѣмъ, корыстолюбіе, которое унижаетъ служеніе; исканіе славы—другаго вида корысть, которая низводитъ дѣло Божіе на степенъ дѣла человѣческаго (ст. 5. 6). Чувства, которыми долженъ быть проникнутъ проповѣдникъ, суть: дѣтская простота, кротость кормилицы, нѣжность матери, затѣмъ, самоотверженіе, готовое предать свою жизнь, пролить свою кровь ради тѣхъ, кому возвѣщается проповѣдь (ст. 7. 8). Главныя добродѣтели, которыми слѣдуетъ поддерживать авторитетъ проповѣди и самаго проповѣдника, суть благоговѣніе ко всѣмъ опредѣленіямъ и намѣреніемъ Божіимъ, неподкупная справедливость, которая не терпитъ неправды не только въ дѣлахъ, но и въ намѣреніяхъ, безукоризненность поведенія, которая не допускаетъ никакого упрека (ст. 10). Наконецъ, способъ, какого долженъ держаться проповѣдникъ, состоитъ въ томъ, чтобы учить со властію отца, но впрочемъ такого, въ языкѣ котораго нѣтъ ничего жесткаго или повелительнаго, который больше наставляетъ, возбуждаетъ и увѣщаетъ, нежели заставляетъ, который, въ случаѣ нужды, умоляетъ, но никогда не угрожаетъ, который не унижаетъ своихъ слушателей, но напротивъ возвышаетъ ихъ въ ихъ

же собственныхъ глазахъ, увѣщавая ихъ поступать достойно Бога и той славы, въ которую Онъ призвалъ ихъ (ст. 11. 12).

Когда пастырь Церкви подобнымъ образомъ проходитъ служеніе слову, то невозможно, чтобы люди принимали его слово, какъ слово человѣческое, чтобы они не услышали въ немъ голоса Божія, и чтобы оно не подѣйствовало благотворно на ихъ души (ст. 13). Но если необходимо соединить всѣ эти условія для того, чтобы достойно проходить служеніе слова, то кто дерзнетъ сказать, что все это исполнено имъ? Кто станетъ удивляться тому, что такъ мало плода приноситъ множество проповѣдей, которыя мы слышимъ? Кто не пожелаетъ въ наше время больше, чѣмъ когда-либо, чтобы тѣ, кому ввѣрено раздаяніе слова Божія, были какъ можно внимательнѣе къ наставленію Апостола: *а еже прочее ищется въ строителяхъ, да вѣренъ кто обращается* (1 Кор. 4, 2).

14. *Не неради о своемъ дарованіи, живущемъ въ тебѣ, еже дано тебѣ бысть пророчествомъ съ возложеніемъ рукъ священничества.*

Для того, чтобы подобнымъ образомъ проходить столь великое и святое служеніе, слѣдуетъ не пренебрегать, но постоянно возбуждать въ себѣ даръ благодати, полученный чрезъ возложеніе рукъ при постановленіи; ибо какъ бы ни преизобиловала эта благодать, она всегда хладѣетъ, если пренебрегать ею, если ее не поддерживать и не укрѣплять.

Нерадѣть о благодати священства значить или вовсе не думать о ней, или думать мало; значить не предохранять ее отъ того, что можетъ быть враждебно ей, не принимать никакихъ средствъ къ соблюденію ея въ насъ.

Ни особенное благодатное призваніе, ни даже призваніе чудесное, каково было призваніе Тимоѳея, не предохраняють отъ потери благодати, полученной чрезъ рукоположеніе. По наиболѣе общему и, мы думаемъ, наиболѣе исторически основательному мнѣнію, именно къ Тимоѳею относятся угрозы Спасителя, заключающіяся въ Апокалип-

сисѣ: *вѣмъ твоя дѣла, и трудъ твой, и терпѣніе твое, и яко не можеша носити злыхъ, и искусилъ еси малолющіяся быти апостолы, и не суть: и обрѣлъ еси ихъ ложныхъ: и понесъ еси, и терпѣніе имаша, и за имя мое потрудился еси, и не изнемогъ еси. Но имамъ на тя, яко любовь твою первую оставилъ еси. Помяни убо, откуда спалъ еси, и покайся, и первая дѣла сотвори: аще же ни, гряди тебѣ скоро, и двину свѣтильникъ твой отъ мѣста своего, аще не покаешия* (Апок. 2, 2—5).

Но и не будучи призваннымъ къ служенію такимъ чрезвычайнымъ способомъ чрезъ особое пророчество, — какимъ былъ призванъ Тимоѳей, можно и должно имѣть твердую увѣренность и вѣрное обезпеченіе въ истинности божественнаго призванія. Сомнѣваться въ этой истинности значило бы не признавать права Церкви и ея пастырей, не признавать того, что Церковь *вдохновляется* и постоянно *руководится* Духомъ Святымъ. Призваніе къ пастырскому служенію, которое дѣлаетъ Иисусъ Христосъ чрезъ своихъ Апостоловъ и ихъ преемниковъ, въ теченіе вѣковъ также божественно какъ и то, которое непосредственно сдѣлано Имъ Самимъ. Хотя оно производится съ меньшею очевидностію и, такъ сказать, торжественностію, но тѣмъ не менѣе совершается тою же властію. И если кто былъ надлежаще подготовленъ къ испытанію, если на этомъ испытаніи показалъ свое знаніе, свою вѣру и чистое сердце; если, затѣмъ, избранъ и посвященъ, то нѣтъ нужды сомнѣваться въ истинности его божественнаго призванія.

Говоря, далѣе, о возложеніи рукъ *священничества*, Апостоль этому внѣшнему дѣйствию приписываетъ свойство дарованія благодати, которая пребываетъ въ душѣ Тимоѳея. Это дарованіе Апостоль не ставитъ въ зависимость ни отъ личныхъ заслугъ рукополагаемаго, ни отъ заслугъ поставляющаго его епископа, но оно исходитъ изъ самаго таинства, съ которымъ связано. И такимъ образомъ, это внѣшнее дѣйствіе, сопровождаемое словомъ молитвы, истинно и дѣй-

ствительно низводитъ благодать священства, того самаго, которое установлено въ новомъ завѣтѣ, какъ особое таинство.

15. *Въ сихъ поучайся, въ сихъ пребывай, да преспѣяніе твое явлено будетъ во всѣхъ.*

Самое лучшее средство къ тому, чтобы извлекать пользу изъ апостольскихъ наставленій состоятъ во внимательномъ размышленіи объ этихъ наставленіяхъ и неуклонномъ слѣдованіи имъ. Дѣлая это, каждый пресвитеръ будетъ быстро преуспѣвать въ добродѣтели и укрѣпляться въ добрѣ.

Относительно перваго изъ этихъ средствъ нерѣдко впадаютъ въ противоположныя крайности. Нѣкоторые считаютъ прилежное и постоянное размышленіе существенно необходимымъ для спасенія и для всякаго вѣрующаго. И это не ошибка. Другіе же, напротивъ, считаютъ его или практически безразличнымъ, или и вовсе бесполезнымъ. Но это ошибка, и притомъ пагубная. Въ Свящ. Писаніи размышленіе и поученіе въ законѣ Божіемъ не только совѣтуется, но и прямо предписывается, и вѣрность въ исполненіи этой обязанности считается однимъ изъ самыхъ существенныхъ свойствъ истинной праведности.

Эта послѣдняя обязанность налагается церковью на пастыря очевидно съ такою же строгостію, какъ и на простыхъ вѣрующихъ. Говоримъ съ такою же, поелику мы знаемъ, что на пастыря возложены обязанности болѣе священныя: онъ призванъ къ добродѣтелямъ болѣе возвышеннымъ, онъ облеченъ болѣе обильною благодатію, которую долженъ хранить въ себѣ и согрѣвать. И самъ Павелъ, сказавши своему ученику: *въ сихъ поучайся*, не ограничился этимъ, но прибавилъ: *въ сихъ пребывай*. Пусть эти истины и эти обязанности всегда будутъ присущи твоему сердцу.

Безъ вниманія къ этому благочестивому занятію нельзя ожидать дѣйствительнаго преуспѣянія въ добрѣ, тѣмъ болѣе такого, какое требуется отъ пастыря Церкви. Поэтому пастырь не долженъ удаляться отъ негъ и плодовъ его не долженъ скрывать отъ другихъ. Цѣль его, такимъ образомъ, двоякая: утвержденіе и преуспѣяніе въ добродѣтели самаго

себя, а отсюда назиданіе и народа; поелику пастырь исполняетъ свои обязанности не только для Бога и для себя самаго, но и для своей паствы. Все, чему онъ научается, о чемъ онъ размышляетъ, плоды его изученія, его размышленій предназначаются для вѣрующихъ, души которыхъ ввѣрены ему. Всѣ пути, которыми онъ идетъ къ нравственному совершенству, должны быть хорошо извѣстны ему, поелику ничто такъ сильно не возбуждаетъ душъ слѣдовать по этому пути, какъ примѣръ пастыря, который идетъ впереди всѣхъ.

Счастливы имѣющіе такихъ пастырей, — пастырей, которые, по мѣрѣ своего преуспѣянія въ жизни, преуспѣваютъ въ знаніи и любви, пріобрѣтаютъ больше и больше привязанности къ труду, молитвѣ и уединенію, становятся болѣе и болѣе исполнительными въ своихъ обязанностяхъ и показываютъ другимъ эти свои успѣхи не изъ тщеславія, но изъ желанія подать собою возможно лучшій примѣръ для подражанія.

16. *Внимай себѣ и ученію: и пребывай въ нихъ, сія бо творя, и самъ спасешия и слушающіи тебе.*

Другой не менѣе важный предметъ размышленій пастыря и его постояннаго вниманія составляетъ онъ самъ лично. Быть внимательнымъ къ самому себѣ и къ своей совѣсти, къ своимъ нуждамъ, къ необходимымъ предосторожностямъ и средствамъ, ведущимъ къ преуспѣянію въ добрѣ — дѣло великой мудрости христіанской и одна изъ важнѣйшихъ обязанностей для того, кто обремененъ заботами о другихъ.

Опытъ доказываетъ, что не трудно, особенно пастырю, совершенно забыть о себѣ среди заботъ о своемъ служеніи. А это забвеніе представляетъ, между тѣмъ, величайшую опасность для пастыря, для добраго пастыря. Ревность увлекаетъ его, внѣшнія занятія постоянно разсѣваютъ его и не даютъ ему времени сосредоточиться на себѣ самомъ; онъ пренебрегаетъ собственнымъ самоусовершенствованіемъ, питаетъ ложную надежду на то, что благодать, соединенная съ дѣлами любви, возмѣститъ въ немъ то, что должно быть

получаемо имъ только чрезъ поученіе въ законѣ Божіемъ и въ духѣ молитвы. Такимъ образомъ, онъ становится мало по малу менѣе воспріимчивымъ къ благочестію, пріобрѣтаетъ холодность къ дѣламъ Божіимъ, нечувствительность и грубость сердца.

Въ своей прощальной рѣчи къ епископамъ ефесскимъ, Апостоль объединяетъ всѣ эти обязанности епископа въ слѣдующихъ словахъ: *внимайте себѣ и всему стаду*. И въ этихъ словахъ заключается все необходимое для пастыря. Желая, затѣмъ, возбудить вниманіе Тимоѳея къ обязанности учительства, онъ повторяетъ это выраженіе въ нѣсколькихъ стихахъ. И этимъ онъ показываетъ, что по отношенію къ народу учительство есть первая и самая необходимая обязанность пастыря. Преподавать дѣтямъ основы спасительскаго ученія, излагать народу это ученіе во всей его широтѣ, внушать его старцамъ и даже лежащимъ на смертномъ одрѣ, проповѣдывать его всюду: съ кафедръ, въ церквахъ, при постоянныхъ и случайныхъ посѣщеніяхъ, даже при встрѣчахъ—все это составляетъ основную обязанность пастыря. Въ своемъ мѣстѣ Апостоль укажетъ пастырямъ и лучшей способъ назиданія отдѣльно каждаго класса людей; здѣсь же онъ говоритъ только: *внимай.... учи*.

Но для того, чтобы быть вѣрнымъ въ исполненіи обязанности учительства, недостаточно только исполнять ее, необходимо еще исполнять ее хорошо. А для того, чтобы исполнять хорошо, необходимо обстоятельно знать порядокъ и способъ изложенія ученія; необходима, кромѣ того, естественность, простота и гибкость языка, способнаго примѣниться ко всякаго рода слушателямъ; необходима горячая ревность по вѣрѣ, способная заинтересовать людей и проникнуть въ ихъ души. У кого нѣтъ всѣхъ этихъ достоинствъ, тотъ учитъ мало, и притомъ ложно; онъ или удаляетъ истину отъ человѣческихъ душъ, или вовсе отвращаетъ отъ нея. Напротивъ, тѣ пастыри, которые отличаются постоянною, неусыпною внимательностію къ самимъ себѣ и къ назиданію другихъ, которые обладаютъ неустаннымъ прилежаніемъ,

по истинѣ достойно исполняютъ свое служеніе, приносятъ великую пользу себѣ самимъ и своимъ ближнимъ. *Внимай себѣ и ученію.*

Здѣсь, въ этой внимательности, заключается истинное спасеніе и для пастыря и для стада. Ибо, если спасеніе со стороны Бога дается по благодати, то со стороны пастыря оно представляетъ заботу, трудъ. Богъ спасаетъ пастырей, но и они сами, можно сказать, спасаются. Богъ спасаетъ ихъ братьевъ и они служатъ Ему какъ бы помощниками въ этомъ дѣлѣ спасенія. Пастыри—это орудія и органы, но орудія дѣятельныя, органы личные по отношенію къ великому дѣлу божественной благодати. Они исполняютъ вмѣстѣ съ нею возвышеннѣйшее и святѣйшее дѣло, за которое получаютъ достойную награду.

Глава V.

Преподавши нѣкоторыя частныя наставленія относительно способа прохожденія служенія слову, Апостоль переходитъ теперь къ болѣе общимъ разсужденіемъ о церковномъ управленіи и устройствѣ.

I.

Наставленія лицамъ различныхъ возрастовъ. Почитаніе истинныхъ вдовицъ. Обязанности этихъ послѣднихъ. Ихъ радости.

1. *Старцу не твори пакости, но утѣшай якоже отца: юноши якоже братію.*

Апостоль указываетъ способъ, которымъ пастырь долженъ руководиться въ своемъ священномъ служеніи. Онъ начинается съ того возраста, когда человѣкъ имѣетъ наи-

меньше надеждъ, и когда ему ничего не остается ждать, кромѣ смерти. Поелику этотъ возрастъ представляетъ послѣдній предѣлъ жизни человѣка, точно также какъ и послѣдній предѣлъ христіанскихъ надеждъ, то трудно сомнѣваться, чтобы въ это время слово спасенія было отвергнуто человѣкомъ, и не было внимательно выслушано и глубоко воспринято имъ.

Не рѣдкость встрѣчать у стариковъ эгоизмъ; обыкновенное свойство этого возраста составляетъ недовѣрчивость, вытекающая какъ изъ чувства собственнаго превосходства, такъ и изъ сознанія своей слабости. Всякое грубое слово оскорбляетъ старика; малѣйшій упрекъ представляется ему неуваженіемъ его возраста. Напротивъ, почтительное обхожденіе съ нимъ, просьбы, обращенныя къ нему съ сыновнею любовію, всегда открываютъ его душу. Отсюда, учитель церкви долженъ наставлять стариковъ какъ отцевъ, которые никогда не забываютъ своихъ отцовскихъ правъ, но которыхъ вѣчное спасеніе для него должно быть очень дорого; и,—осмѣлимся прибавить къ словамъ Апостола,— не устраняя, въ случаѣ нужды угрозъ страхомъ суда Божія, но всегда открывая ихъ души къ довѣрію.

Въ отношеніи къ юношамъ и людямъ зрѣлаго возраста рѣчь можетъ быть болѣе твердою, истину можно открывать прямѣе и опредѣленнѣе, обращеніе можетъ быть менѣе сдержано. Но языкъ пастыря и въ отношеніи къ этимъ послѣднимъ не долженъ быть языкомъ начальника, или лица посторонняго, онъ долженъ быть языкомъ брата, т. е. рѣчь пастыря, не унижая его священнаго служенія, должна дышать братскимъ чувствомъ, въ которомъ долженъ господствовать духъ кротости и любви.

2. Старшныя якоже матери: юныя якоже сестры, со всякою чистотою.

Съ женщинами и дѣвцами, пришедшими въ зрѣлый возрастъ, также не должно обходиться сурово, хотя бы онѣ были и мало свѣдущими, и хотя бы подвержены были

многимъ заблужденіямъ. Если ихъ утомляетъ продолжительность и частыя повторенія пастырскихъ назиданій, если онѣ проявляютъ нетерпѣливость, то не должно отталкивать ихъ за это отъ себя съ презрѣніемъ. Часто за этими обыкновенными недостатками у женщинъ, какого бы онѣ ни были возраста, скрываются черты, заслуживающія полного уваженія. За тѣми заблужденіями, въ которыя впадаетъ ихъ воля и ихъ умъ, встрѣчаются у нихъ нерѣдко и самыя прочныя добродѣтели. Часто, не смотря на недостатки, это бываютъ натуры благородныя и честныя; ихъ благочестіе глубоко искренне, хотя и не просвѣщенное. Отсюда, слѣдуетъ уважать ихъ какъ матерей; и обращать вниманіе на ихъ заблужденія больше, нежели на ихъ добродѣтели значило бы проявлять въ себѣ недостатокъ теплаго христіанскаго чувства, значило бы имѣть мало разборчивости и евангельской мудрости, показывать больше снисходительности къ пороку, нежели къ простымъ слабостямъ и странностямъ человѣческой натуры.

Въ отношеніи къ молодымъ женщинамъ и дѣвицамъ Апостоль внушаетъ также осторожность ради слабости ихъ пола. Но и слабость мужчины не менѣе велика и потому не слѣдуетъ гордиться. Въ настоящемъ случаѣ, въ отношеніи къ нимъ не запрещается языкъ нѣжнаго чувства любви, но подѣ условіемъ, чтобы эта любовь была чисто братскою, въ которой благодать и христіанское благоразуміе воздвигаютъ нерушимую стѣну чистоты и непорочности, какую природа воздвигаетъ между родными братьями и сестрами. Но какъ не трудно обмануться въ этомъ случаѣ!

Предвидя здѣсь злоупотребленія и желая предупредить ихъ, Апостоль въ концѣ втораго стиха многозначительно замѣчаетъ: *со всякою чистотою*, иначе, чистотою словъ, чистотою взглядовъ, чистотою обращенія, а также чистотою воображенія и сердца. Необходима, такимъ образомъ, чистота во внѣшнемъ видѣ, во взглядѣ и языкѣ, поелику очень часто внѣшностію обуславливается внутреннее.

3. *Вдовицы чти сущыя истинныя вдовицы.*

Пастырь долженъ почитать вдовиць, и поелику онъ есть отецъ несчастныхъ, опора безпомощныхъ, и поелику вѣра открываетъ ему подъ обыкновеннымъ вдовствомъ образъ вдовства Церкви, лишенной видимаго присутствія Своего Жениха. Если вдовицы отличаются бѣдностію, онъ долженъ особенно усердно помогать имъ и заботиться о нихъ, поелику онъ не можетъ не видѣть, какъ велики опасности и какъ мало защиты, особенно у молодыхъ вдовиць противъ внѣшнихъ напастей и искушеній, если бѣдность открываетъ дорогу къ нимъ.

Но это почтеніе и готовность къ помощи должны сопровождаться строгою разборчивостію. Церковь не терпитъ скупости. Она меньше страшится сдѣлать мало полезное употребленіе изъ своихъ благъ, нежели оставить вовсе безъ помощи дѣйствительную нужду. Она не строго соразмѣряетъ величину пособія съ размѣрами нужды въ немъ. Она не забываетъ также и того, что ея блага составляютъ собственность бѣдныхъ, что она призвана только распредѣлять эти блага, а не произвольно распоряжаться ими. Но если ея материнская любовь заставляетъ ее облегчать какое бы то ни было страданіе, не оставлять безъ утѣшенія нищихъ, несчастныхъ и горюющихъ, то ея мудрость не должна допускать ее увлекаться внѣшностію и потворствовать тунеядству, а ея священное достоинство не должно позволять ей относиться съ почтеніемъ, выражать содѣйствіе и помощь такимъ вдовицамъ, которыя не умѣютъ вести себя достойно своего званія.

4. *Аще же кая вдовица чада или внуцата иматъ, да учатся прежде свой домъ благочестиво устроить, и взаемъ воздаяти родителемъ: сіе бо есть благоугодное предъ Богомъ.*

Вдова, имѣющая дѣтей или внуковъ, хотя и лишилась своей защиты и поддержки въ мужѣ, не свободна отъ всѣхъ обязанностей въ отношеніи къ дѣтямъ. Первая обязанность ея должна состоять въ томъ, чтобы мудро управляя своимъ

семействомъ, научить этому же самому и своихъ сыновей, если у нихъ есть семейства. Вторая обязанность—не забывать какъ самой, такъ и дѣтей своихъ научить не забывать тѣхъ, отъ кого они получили жизнь. Эти два дѣла наиболѣе угодны Богу и составляютъ, такимъ образомъ, двѣ самыя существенныя обязанности истиннаго благочестія.

Церковь, руководя души на пути къ Богу не налагаетъ на нихъ одной только какой—либо обязанности,—она освящаетъ всѣ обязанности человѣческой жизни. Она не разрываетъ семейныхъ узъ, но напротивъ, укрѣпляетъ ихъ, не ослабляетъ духа семейности, но напротивъ, утверждаетъ его на болѣе прочныхъ основахъ.

5. А сущая истинная вдовица и уединенна, уповаетъ на Бога и пребываетъ въ моленіихъ день и ночь:

Кому, въ самомъ дѣлѣ, всего естественнѣе обратить всѣ свои надежды на Бога, какъ не той истинной вдовицѣ, у которой нѣтъ обязанностей ни въ отношеніи къ родителямъ, ни въ отношеніи къ дѣтямъ, которая осталась совершенно одинокою, лишеною всякаго покровительства и защиты? Всѣ поддержки со стороны людей, какъ бы ни были онѣ сильны, не достаточны для души христіанской—одинъ Богъ доволенъ для нея. Чѣмъ эта душа безсильнѣе борется съ внѣшними напастями, тѣмъ болѣе она должна полагаться на защиту провидѣнія, тѣмъ больше упованія и довѣрія она должна питать къ нему.

Упованіе есть душа молитвы, точно такъ же какъ смиреніе; самая же молитва должна составлять всегдашнюю обязанность вдовицы. Молитвы души убогой и всѣми оставленной, души, притомъ, сознающей свою слабость и свою безпомощность, охотно принимаются Богомъ. Молиться, просить день и ночь—самое лучшее средство какъ для того, чтобы благоразумно воспользоваться тою свободой, какую обыкновенно представляетъ состояніе вдовства, такъ и къ тому, чтобы загладить недостатки и послѣдствія, которыя обыкновенно остаются у вдовицъ отъ времени супружества.

Всякая христіанская душа есть вдовица Христа, и чѣмъ больше она чувствуетъ это свое вдовство, тѣмъ она скорѣе можетъ быть названа христіанскою. Но много ли такихъ душъ, которыя съ Апостоломъ сказали бы: *вѣдаяще, яко живуще въ тѣлѣ отходимъ отъ Господа.... дерзаемъ и благоволимъ паче отгити отъ тѣла, и внити къ Господу. Тѣмъ же и потщимся аще входяще, аще отходяще, благоугодни ему быти* (2 Кор. 5, 6. 8. 9)?

6. *Питающаяся же пространно, жива умерла.*

7. *И сія завѣщавай, да непорочни будутъ.*

Жить среди наслажденій противно христіанскому призванію, поелику жизнь христіанская должна быть постояннымъ подвигомъ. Но еще болѣе противно это вдовицамъ. Теряя мужа, вдовица теряетъ всю свою радость, и потому строгіе законы о воздержаніи, обращенные къ ней, имѣютъ цѣлью напомнить ей, что для нея не должны существовать удовольствія и радости, даже позволительныя для другихъ. Такъ понимали обязанности вдовства святые, такъ было еще и въ ветхомъ завѣтѣ. Іудиѣ, оставшись, еще молодая, вдовою и обладая огромнымъ богатствомъ, „устроила въ своемъ домѣ, уединенную горницу, заключилась въ ней съ своими прислужницами и, нося на персяхъ власяницу, постилась во всѣ дни, исключая праздника дома Израилева“ (Іуд. 8, 4—6).

Если вдова-христіанка забываетъ эти наставленія и эти примѣры, если она пользуется своею свободою только для того, чтобы предаваться развлеченіямъ и удовольствіямъ, то она перестаетъ жить въ очахъ Божіихъ; кромѣ того, она навлекаетъ на себя справедливыя подозрѣнія и упреки со стороны самихъ людей.

8. *Аще же кто о своихъ, паче же о присныхъ (домашнихъ) не помышляетъ, въры отвергся есть, и невѣрнаго горшій есть.*

Жизнь среди наслажденій несовмѣстима съ заботами о своемъ домѣ, съ мудрымъ управленіемъ, и еще болѣе съ духовнымъ воспитаніемъ своихъ чадъ. Нужна строгая бди-

тельность и особое призваніе для того, чтобы какъ слѣдуетъ выполнять всѣ эти обязанности.

Нерѣдко встрѣчаются и между людьми благочестивыми такіе, которые допускаютъ большія погрѣшности въ этомъ отношеніи; люди, готовые на все, расположенные ко всему, исключая управленія своимъ домомъ; усердно заботящіеся о высшихъ интересахъ религіи, готовые на всякія благородныя предпріятія, но при этомъ холодные и равнодушные ко всему, что относится къ временнымъ и вѣчнымъ интересамъ лицъ наиболѣе близкихъ къ нимъ—ихъ домо-чадцевъ и рабовъ.

А между тѣмъ судъ объ этомъ Апостола слишкомъ точенъ и въ тоже время слишкомъ строгъ. Пренебрегать обязанностями своего рода отступничество, — отступничество отъ тѣхъ чувствъ, которыя естественно возбуждаются въ нашей душѣ вѣрою, отступничество отъ тѣхъ священ-ныхъ обязанностей, которыя она сама налагаетъ на насъ. Это значитъ быть невѣрующимъ, поелику это значитъ презирать установленный самимъ провидѣніемъ законъ природы; это значитъ, оставаясь въ нѣдрахъ Церкви, отличительный характеръ которой составляетъ любовь, и любовь дѣятельная, позволять господствовать въ своемъ сердцѣ и въ своей жизни грубому эгоизму, презирать интересы тѣхъ, которые для насъ ближе всего; другими словами, значитъ допускать холодность и нечувствительность язычниковъ.

II.

Вдовицы, допускаемыя къ служенію Церкви. Условія, какія онѣ должны соединять въ себѣ для того, чтобы быть допущенными. Условія, недопускающія къ принятію. Отличительные недостатки вдовицъ. Обязанности вѣрующихъ въ отношеніи къ вдовицамъ.

9. *Вдовица же да причитается неменши мѣтъ шестидесятихъ, бывши единому мужу жена.*

Между вдовицами, въ первые вѣка христіанства, были такія, которыя избирались для служенія при церкви, со-

ставляли особый чинъ и принимали особое посвященіе на свое служеніе. Избраніе ихъ представлялось Апостолу на столько важнымъ, что онъ счелъ нужнымъ подчинить его особымъ правиламъ, обозначить отдѣльно каждое изъ тѣхъ условій, которыя вдовица должна соединять въ себѣ для того, чтобы получить чинъ избранія.

Первое условіе составляетъ возрастъ. Тотъ возрастъ, когда женщина не затруднится посвятить свою жизнь по-сильному труду, когда она наименьше представляетъ опасности со стороны своей невоздержности, Апостоль признаетъ наиболѣе удобнымъ для избранія. И дѣйствительно, Церковь, избирая шестидесятилѣтнихъ вдовицъ, дѣлала это не боясь поощрить лѣность, или навлечь на себя клевету и безчестіе, благодаря невоздержности избранныхъ.

Второе условіе—быть одинъ разъ въ замужествѣ. Апостоль не осуждаетъ обычая вступать во второй разъ въ бракъ. Мы увидимъ ниже, что онъ даже склоняетъ къ этому нѣкоторыхъ вдовицъ, но онъ не оказываетъ уже къ второбрачнымъ такой благосклонности. Вступленіе во второй бракъ даетъ поводъ думать, какъ мы уже раньше сказали, о недостаткѣ воздержанія и вдовица, вступавшая во второй бракъ, естественно можетъ возбуждать со стороны церкви опасеніе на счетъ проявленія въ ней этого недостатка и самаго порока и по достиженіи ею зрѣлаго возраста.

10. *Въ дѣлахъ добрыхъ свидѣтельствуема, аще чада воспитала есть, аще святыхъ нозъ умы, аще странныя пріятъ, аще скорбнымъ (скорбныхъ снабдѣ) утѣшеніе бысть, аще всякому дѣлу благу поспѣдовала есть.*

Третье, наконецъ, условіе—это благопріятное мнѣніе отъ другихъ, заслуженное безпорочнымъ поведеніемъ и добрыми дѣлами. Все, что содержится въ нѣдрахъ церкви, все, что принадлежитъ къ ней, должно быть безпорочно. Она оказываетъ свое особенное покровительство, возводитъ на высшую степень, допускаетъ къ священному служенію только тѣхъ, которые получили доброе свидѣтельство отъ всѣхъ знающихъ ихъ за свои заслуги, за свою благочести-

вую жизнь. Она не уступаетъ просьбамъ, не руководится чувствомъ благосклонности и если никогда не отказывается въ помощи истинно нуждающимся, то, съ другой стороны, предлагаетъ честь служенія своего алтаря только тѣмъ, которые сдѣлались достойными этой чести чрезъ свои добрыя дѣла.

Первое дѣло, за которое вдовица можетъ получить добрую извѣстность, есть воспитаніе дѣтей. Доброе воспитаніе дѣтей составляетъ, въ самомъ дѣлѣ, первѣйшую обязанность материнской любви. Но жена-христіанка не ограничиваетъ свою любовь членами своей семьи. Она заставляетъ уважать свой домъ чрезъ усердное страннопріимство въ немъ; она прославляетъ Бога за полученныя отъ Него блага своею щедростію въ разданіи этихъ благъ своимъ ближнимъ. Ласковая и привѣтливая со всѣми, она въ особенности внимательна къ вѣрующимъ; съ глубокимъ чувствомъ повергается она къ ногамъ святыхъ и съ радостію исполняетъ въ отношеніи къ нимъ даже низшія обязанности. Скорби ближнихъ не отталкиваютъ, но привлекаютъ ее. Пусть эти скорби будутъ заслужены, пусть онѣ будутъ послѣдствіями заблужденій, она никогда не укоряетъ тѣхъ, которые подвергаются имъ, она всегда является къ нимъ доброю, заботливою. Однимъ словомъ, ни одно изъ проявленій чувства любви, ни одно изъ дѣлъ, въ которыхъ воплощается это чувство, не остается чуждымъ ей.

Замѣчательно, что Апостоль съ особенною силою настаиваетъ здѣсь на томъ, чтобы вдовицы получали доброе свидѣтельство отъ дѣлъ любви благочестія, а не отъ чувствъ и словъ. Это, безъ сомнѣнія, потому, что любовь и благочестіе наиболѣе достойны любви самой Церкви, и что тѣ, которые отличаются этими добродѣтелями, оказываются болѣе способными къ совершенію дѣлъ, нежели тѣ, которые дѣлаютъ добрыя дѣла, но лишены самихъ добродѣтелей. Быть можетъ, далѣе, потому, что женщина какъ ни склонна по природѣ къ благочестію, очень часто не заходитъ въ своемъ благочестіи далѣе воображенія, чувствъ и словъ.

11. *Юныхъ же вдовицъ отрицайся: егда бо разсвиртъплютъ (противу Христа) о Христѣ, посягати хотятъ.*

Узнавши качество и достоинства тѣхъ вдовицъ, которыхъ епископъ можетъ допускать къ служенію Церкви, Апостоль говоритъ теперь о тѣхъ вдовицахъ, которыхъ слѣдовало удалять отъ этого служенія, и которыя не могли проходить это служеніе, не подвергая опасности чистоту своего званія.

Не слѣдуетъ, прежде всего, принимать вдовицъ молодыхъ еще. Ибо мы знаемъ, что трудно молодымъ отказываться отъ привычки къ чувственнымъ удовольствіямъ; естественное непостоянство юности легко склоняетъ воображеніе и сердце къ такимъ влеченіямъ и наслажденіямъ, къ которымъ долженъ быть нечувствительнымъ каждый, посвятившій себя на служеніе Богу и Церкви. Опытъ показалъ еще во время жизни Апостола, что молодая вдовица, принимавшя на себя твердый обѣдъ довольствоваться внутренними радостями и духовными наслажденіями въ сладостномъ единеніи со Христомъ, не смотря на всю горячность своихъ стремленій, по своей ли вѣтренности, или по слабости своей натуры, снова обращали свои взоры къ чувственнымъ и грубымъ, матеріальнымъ наслажденіемъ своего времени.

12. *Имущія вѣры, яко первыя вѣры отвергошася.*

Очевидно, что вдовицы посвящали себя дѣвству во Христѣ и обязанность хранить это дѣвство была настолько важна, что нарушеніе ея Апостоль прямо считаетъ нарушеніемъ вѣры, прежде данной, нарушеніемъ, заслуживающимъ самага строгаго осужденія.

Выраженіе Апостола въ этомъ стихѣ на столько сильно, что невольно возбуждаетъ страхъ. Необходимо, чтобы пастыри душъ были строго внимательны къ тѣмъ, которые склонны, въ пылу благочестивой ревности, давать обѣтъ дѣвства, и не ограничиваясь однимъ, присоединять къ нему еще другіе, болѣе трудные. Если не слѣдуетъ отчаяваться въ спасеніи кого-бы то ни было изъ лицъ, даже не испол-

нившихъ даннаго обѣта, то во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ скрывать отъ нихъ той опасности, которой они подвергають себя, отступая отъ обѣта, или, какъ говоритъ Апостоль, отъ вѣры, въ которой дали клятву Самому Христу; они не заслуживаютъ наказанія отъ другихъ, они сами себя предають этому наказанію, они, можно сказать, носятъ его въ себѣ самихъ.

И это наказаніе навлекають на себя не только дѣвы, обрученныя Христу, но и вдовицы. Вообще же, послѣ того какъ данъ обѣтъ дѣвства и постояннаго воздержанія, не только вступленіе въ бракъ, но и самое желаніе, расположеніе къ супружеству, по Апостолу, строго преступно.

И такъ, души, посвященныя Богу, не обращаютъ своихъ мыслей и своихъ взоровъ къ міру. Никакая связь для нихъ здѣсь не только не позволительна, но и невозможна; и эта невозможность отказаться отъ вѣры, обѣщанной Самому Христу, въ которой онѣ сами себя утвердили, есть самое могучее средство противъ непостоянства, самое недоступное, самое сильное орудіе для успѣшной борьбы съ страстями и похотями. Однимъ словомъ, это драгоценнѣйшій залогъ спокойствія для любящей души составляетъ самое дѣйствительное условіе своего счастья.

13. Купно же и праздны учатся обходить дома: не точію же праздны, но и блядивы и оплазивы (любопытны) глаголющія, яже не подобаетъ.

Въ первенствующей Церкви не было монастырей, въ которыхъ бы находили пріютъ и строгія правила для жизни женщины, посвящающія себя Богу. Отсюда, нерѣдко случалось, что вдовицы молодыя, будучи предоставлены самимъ себѣ, сильно злоупотребляли своею свободою, предавались праздности, любопытству, болтливости и вообще недостаткамъ, столь свойственнымъ ихъ возрасту и полу и столь пагубнымъ для благочестія.

Когда женщина бываетъ свободна отъ необходимости трудиться, и когда она не обременена заботами о семьѣ, то она мало бываетъ расположена къ спокойствію и уеди-

ненію. Любопытство, желаніе поговорить одолѣвають ее, заставляютъ ее выходить, располагаютъ къ безчисленнымъ визитамъ, ко всякаго рода знакомствамъ и связямъ, часто бесполезнымъ и даже положительно вреднымъ. Невозможно говорить много, говорить долго безъ того, чтобы не вдаться въ крайность, въ пустословіе, которое нерѣдко наноситъ сильный ущербъ чувству христіанской любви. Невозможно ходить изъ дома въ домъ безъ того, чтобы не передавать однимъ оскорбительнаго и непріятнаго для другихъ; новости о какомъ нибудь счастливомъ приключеніи, подробностей о какомъ либо семействѣ, чьихъ либо глубокихъ и важныхъ секретовъ, совѣщаній и вообще такихъ мыслей, воспоминаній, чувствъ, и впечатлѣній, которыя не свойственны тому, кто далъ обѣтъ совершеннаго воздержанія.

Подобныя занятія всегда въ извѣстной степени нарушаютъ благочестіе въ душѣ, возбуждаютъ, такъ сказать, вкусъ къ удовольствіямъ міра, ослабляютъ лучшія силы воли и мало по малу готовятъ совершенное паденіе.

Какъ вѣрна дѣйствительности эта картина, нарисованная рукою Павла, и какъ она достойна того, чтобы всматриваться въ нее и изучать ее! Недостатки, на которые указалъ Апостоль, не встрѣчаются ли на каждомъ шагу между женщинами? И не часто ли намъ приходится видѣть, что женщина обладаетъ этими недостатками и оставаясь благочестивою, когда ея благочестіе не твердо и не глубоко прочувствовано. Вообще, не трудно исполнять дѣла благочестія; но трудно знать, что между этими дѣлами и вообще занятіями человѣка, есть такія, которыя считаются наиболѣе высокими, и которыя, несмотря на это, если только къ нимъ не прилагаютъ строгой бдительности, способны благопріятствовать лѣности и усыпленію какъ души, такъ и тѣла. Нерѣдко, напримѣръ, любознательность, если ее хотятъ направить на предметы возвышенные, заставить ее дѣйствовать съ меньшею дерзостію, чѣмъ какъ это обыкновенно бываетъ, ослабѣваетъ и вовсе прекращается. И затѣмъ, лицемѣрное негодованіе на соблазны міра, разсужденія о

тѣхъ удовольствіяхъ, какія доставляютъ различныя торжества, церемоніи и quasi-благочестивыя собранія, удовлетворяющія одному тщеславію—все это представляетъ неистощимую матерію для любознательности и суетныхъ разглагольствій. И если эти разглагольствія не совсѣмъ уничтожаютъ чистоту души, то во всякомъ случаѣ дѣлаютъ ее менѣе спокойною, менѣе смиренною, меньше снисходительною къ ближнему, нежели къ самой себѣ и, вслѣдствіе этого, болѣе ничтожною въ очахъ Божіихъ

Только душа, глубоко проникнутая благочестіемъ, находитъ средства противъ этихъ печальныхъ заблужденій и недостатковъ; только эта душа способна понимать то, что эти средства заключаются единственно въ привязанности къ труду, спокойствію и уединенію.

15. Хошу убо юнымъ вдовицамъ посягати, чада раждати, домъ строити, ни едины же винны даяти противному хулы ради.

Насъ удивляетъ здѣсь неволью глубокая практичность и мудрая умѣренность наставленій Апостола. Второй бракъ не имѣлъ въ Церкви такого уваженія, какъ первый, но онъ, тѣмъ не менѣе, никогда и не осуждался Церковью. Когда это было необходимо, она умѣла предпочесть меньшее зло, и нѣкоторымъ лицамъ, для ихъ же спасенія и для назиданія другихъ, прямо заповѣдывала вступать лучше во второй бракъ, нежели оставаться въ дѣвствѣ, не безопасномъ для ихъ натуръ. Главными условіями для вдовицъ, вступавшихъ во второй бракъ, она поставляла то, что вообще служить наилучшими чертами супружества,—это исполненіе обязанностей матери семейства и заботъ мудрой жены.

Но какъ бы ни было мудро и возвышенно это наставленіе Апостола, оно не можетъ быть отнесено ко всѣмъ временамъ жизни Церкви. Съ того времени, какъ учреждены монастыри, составлены правила, глубоко соотвѣтствующія характеру и наклонностямъ женщинъ, посвящающихъ себя Богу, Церковь стала располагать уже всѣми средствами

къ тому, чтобы обезпечить молодыхъ дѣвственницъ, удовлетворить всѣмъ ихъ стремленіямъ и предохранить ихъ отъ тѣхъ печальныхъ заблужденій и недостатковъ, на которые указываетъ Апостоль. Монастыри, будучи домами благочестія и любви, суть въ тоже время дома труда, безмолвія и спокойствія. Это самыя прочныя пристанища для немощи и въ тоже время святилища высочайшихъ добродѣтелей.

Впрочемъ, склоняя души къ святой жизни въ уединеніи и безмолвіи, не слѣдуетъ слишкомъ много полагаться на святость жилищъ, на спокойствіе и безмятежность, которыя царствуютъ въ нихъ. Извѣстно, что истинное спокойствіе доставляютъ душѣ не святость жилища, въ которомъ она обитаетъ, но особое призваніе Божіе. Лучше быть совершеннымъ въ менѣе совершенномъ.

Несовершенства и слабости душъ, посвященныхъ Богу, касаются не ихъ только, но и чести самой Церкви. Если эти души доходятъ, затѣмъ, до открытыхъ соблазновъ, то онѣ даютъ поводъ врагамъ ея къ нареканіямъ и укоризнамъ, тѣмъ болѣе оскорбительнымъ, чѣмъ онѣ представляются болѣе заслуженными.

15. Се бо нѣкія развратишася въ слѣдъ сатаны.

Апостоль говоритъ это по опыту. Онъ учитъ насъ собственнымъ премѣромъ тому, что опытъ есть наилучшій руководитель для пастыря душъ при рѣшеніи дѣлъ сомнительныхъ и трудныхъ. Бываетъ такое время, когда слабые и непостоянные оказываются менѣе способными, нежели въ другое время, подчиниться суровымъ и неизмѣннымъ обѣтамъ. Однако это не должно слишкомъ смущать добраго пастыря. Во всѣ времена, при различныхъ состояніяхъ общества, при всѣхъ опасностяхъ и преградахъ, какія оно представляло, всегда было и будетъ все необходимое для удовлетворенія духовныхъ потребностей и этихъ душъ и для славы Церкви.

Хотя извѣстно, что вообще нѣтъ никакой середины между Христомъ и сатаною, и что душа, избравшая Христа своимъ женихомъ, неизбежно идетъ вслѣдъ сатаны, если

не заглаживаетъ отпаденія отъ своей первой вѣры искреннимъ покаяніемъ, но тѣмъ не менѣе можно полагать, что Апостоль хотеть указать здѣсь въ частности на какихъ либо молодыхъ вдовицъ своего времени, которыя позволяли себѣ увлекаться въ крайнія и пагубныя излишества даже до того, что впадали въ ересь. Исторія гностическихъ сектъ представляетъ множество ясныхъ и очевидныхъ примѣровъ этого, и опытъ всѣхъ вѣковъ доказываетъ, что тѣ, которые открыто нарушали священные обѣты, никогда не останавливались на одномъ этомъ. Изъ учениковъ Христа они становились рабами сатаны и затѣмъ дѣлались его сообщниками и сподвижниками. Паденіе страшное, заставляющее дрожать при одной мысли о немъ! Но что особенно должно приводить насъ въ трепеть, возбуждать въ насъ глубокое раздумье, такъ это то, что путь къ этому паденію, къ этому позору, очень простъ—это праздность, частыя и безнужныя посѣщенія, пустое любопытство, бесполезныя и нескромныя разговоры и пересуды.

16. *Аще кто въренъ, или върна, имать вдовицы, да доволитъ ихъ, и да не тяготится Церковь, да сущихъ истинныхъ вдовицъ удоволитъ.*

Въ концѣ своихъ наставленій касательно вдовицъ Апостоль считаетъ умѣстнымъ преподать вѣрующимъ наставленіе объ ихъ обязанностяхъ въ отношеніи къ вдовицамъ, въ особенности тѣмъ, которыхъ они держатъ у себя въ домахъ или въ сиду родственныхъ связей, или въ силу прежней дружбы и пріязни. Они, по Апостолу, должны сами помогать имъ. Передавать такихъ вдовицъ на попеченіе церкви значило бы съ ихъ стороны не только противорѣчить чувству любви, но даже и чувству справедливости; поелику это значило бы отнять у церкви средства и возможность вспомошествовать тѣмъ, которыя суть *истинныя вдовицы*, которыя лишены всякой опоры и помощи.

Это наставленіе Апостола, обращенное къ церкви, вполне приложимо ко всѣмъ благотворительнымъ учрежденіямъ, домамъ благочестія и любви. Каждое изъ этихъ

учрежденій питаетъ столько бѣдныхъ, сколько можетъ. Каждое основано не для того, чтобы отрывать людей отъ семейныхъ обязанностей, но для того, чтобы вспомоствовать человѣческой немощи.

Вводитъ въ эти дома путемъ хитрости, или протекціи, такихъ бѣдныхъ, которые не лишены какой либо помощи, значить лишать насущнаго куска хлѣба дѣйствительно бѣдныхъ. Это такая явная несправедливость, которая ведетъ къ строгому возмездію предъ судомъ Божиимъ, и которая ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть терпима въ царствѣ любви и нелицепріятія.

III.

Отношеніе епископа къ пресвитерамъ. Содержаніе пресвитеровъ. Судъ надъ ними
Постановленіе. Совѣты и правила, которымъ они должны слѣдовать.

17. Прилежащии же добръ пресвитеры сугубья чести да сподобляются: наче же труждающіеся въ словъ и ученіи.

Изложивши правила поведенія епископа въ отношеніи къ вдовицамъ, Апостолъ переходитъ къ привиламъ, которымъ епископъ долженъ слѣдовать въ своихъ отношеніяхъ къ пресвитерамъ. Рѣчь идетъ здѣсь о пресвитерахъ отличныхъ прежде всего отъ епископа, — о пресвитерахъ, посвященныхъ на проповѣдь слова и ученія, — что предполагаетъ и такихъ, которые не исполняли этого. Рѣчь идетъ о пресвитерахъ, которые состояли подъ надзоромъ епископа, поелику епископъ долженъ былъ заботиться объ ихъ пропитаніи и управлять ими; оподчиненныхъ епископу, поелику онъ долженъ былъ защищать ихъ отъ обвиненій, а также, по мѣрѣ вины, судить ихъ; о такихъ, наконецъ, которые должны были принимать постановленіе отъ епископа чрезъ возложеніе рукъ.

Такимъ образомъ, въ этомъ посланіи, а слѣдовательно еще до смерти Апостоловъ Петра и Павла, представляется уже полный составъ церковной іерархіи, слагавшійся изъ

епископа, пресвитеровъ и діаконовъ. Изъ этого же посланія видно, что пресвитеры исполняли различныя обязанности: одни засѣдали на церковныхъ собраніяхъ, другіе учили народъ, Первая изъ этихъ обязанностей никогда не поручалась діаконамъ: эти послѣдніе называются всегда *служителями* и ихъ обязанности обозначаются вездѣ словомъ *служеніе*. Послѣ права предсѣдательствовать на церковныхъ собраніяхъ, отличительнымъ правомъ пресвитеровъ было право совершать таинство евхаристіи. Обязанность проповѣди и учительства, которую проходили нѣкоторые изъ пресвитеровъ, дѣлали ихъ постоянными сотрудниками самаго епископа.

Содержаніе пресвитеровъ во времена Апостольскія состояло въ добровольныхъ приношеніяхъ вѣрующихъ, которыя епископъ обязанъ былъ распредѣлять между ними сообразно съ важностію и трудностию обязанности каждаго изъ нихъ. Поелику обязанность учить народъ была самою важною, и при томъ самою трудною обязанностию въ перво-христіанской Церкви, то Апостоль хотеть, чтобы епископъ тѣхъ пресвитеровъ, которые усердны къ этой обязанности, предпочиталъ другимъ. Замѣчательно, что Апостоль, жившій самъ, какъ извѣстно, трудами рукъ своихъ, наставлявшій и ученика своего Тимофея довольствоваться самымъ необходимымъ, наставляетъ того-же ученика заботиться о благоприличномъ содержаніи служителей Церкви, учить его распредѣлять между ними вещественныя блага, смотря по важности обязанности каждаго и смотря потому, насколько вѣрно онъ исполняетъ свою обязанность. Это показываетъ, что для людей живущихъ въ обществѣ недостаточно только того, что существенно необходимо, что убогая жизнь, взятая сама по себѣ, мало придаетъ значенія служителямъ алтаря въ глазахъ народа, и что золотая середина между изобиліемъ и убожествомъ представляетъ положеніе, наиболѣе благопріятное для свободнаго выполненія всѣхъ постороннихъ обязанностей.

18. *Глаголетъ бо писаніе: вола молотяща не обратиши: и достоинъ дѣлатель мзды своея.* Сказавши объ обя-

занности вѣрующихъ снабжать служителей алтаря добровольными приношеніями, Апостоль не хочетъ, чтобы, они считали эту обязанность обязанностію чести, или чтобы они думали, что онъ налагаетъ ее отъ себя. Онъ основываетъ ее, поэтому, на свидѣтельствахъ Писанія, на свидѣтельствѣ Моисея и Самаго Христа. Если пресвитеръ въ церкви есть воля на гумнѣ Спасителя, обязанный терпѣливо исполнять свое дѣло—отдѣлять зерно отъ соломы, то не слѣдуетъ заграждать ему рта, не слѣдуетъ отнимать у него питанія, необходимаго для него при его трудѣ. Въ посланіи къ Коринтянамъ Апостоль говоритъ: *еда о волхъ радитъ Богъ? Или насъ ради всяко глаголетъ? насъ бо ради написася, яко о надеждѣ долженъ есть орай орати и молотай съ надеждою своего упованія причащатися* (1 Кор. 9, 9—10). И такъ, обязанность содержать пастырей не есть условная обязанность, но прямое дѣло справедливости. „Достоинъ дѣлатель мзды своя“, т. е. вознагражденіе за свой трудъ. Въ существѣ дѣла это не составляетъ достаточнаго возмездія за то, что пастырь дѣлаетъ для народа, потому что нѣтъ никакого соотношенія между тѣмъ духовнымъ служеніемъ, которое исполняетъ пресвитеръ и вознагражденіе не составляетъ въ отношеніи къ пресвитеру милостыни, точно такъ же, какъ не есть оно въ собственномъ слыслѣ и вознагражденіе; оно законная и вполне заслуженная плата за исполненіе обязанностей трудныхъ и въ то же время полезныхъ для другихъ. Вторая половина этого стиха, взятая, какъ говоритъ Апостоль, изъ писаній, представляетъ буквальное заимствованіе изъ Евангелія Луки (10, 7). Напрасно ищутъ этотъ текстъ въ Ветхомъ Завѣтѣ. Евангеліе Луки существовало уже въ то время, когда было писано посланіе къ Тимофею, и эта книга вполне заслуживала носить и на самомъ дѣлѣ носила названіе „писаній“, такъ же какъ и книга Второзаконія, поцитованная Апостоломъ въ этомъ же стихѣ. Можно также предполагать, что Апостоль сдѣлалъ свое заимствованіе изъ книги Второзаконія и Евангелія Луки, что онъ словомъ *писанія*

указываетъ на книги Ветхаго и Новаго завѣта, и что онъ хотѣлъ этимъ доказать, что эти два завѣта и эти два писанія составляютъ одно цѣлое, одно великое дѣло Святаго Духа.

19. На пресвитера хулы не приѣмми, развѣ при двою или тріехъ свидѣтеляхъ.

Это одно изъ самыхъ основныхъ правилъ церковнаго судопроизводства, относящееся, впрочемъ къ суду не однихъ пресвитеровъ, и при томъ не новое. Еще по закону Моисея требовалось употреблять на судѣ не меньше двухъ или трехъ свидѣтелей. Иисусъ Христосъ буквально повторилъ это предписаніе для того, чтобы доказать справедливость своего суда надъ грѣшницей и утвердить достоинство своего служенія. Апостоль, выставляя на видъ это предписаніе, хотѣлъ дать понять, что оно должно быть строго соблюдаемо преимущественно въ судѣ надъ пресвитерами.

Если церковь въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, или въ отношеніи къ такимъ преступленіямъ, которыя очень трудно могли быть доказаны, и допускала иногда уклоненія отъ буквальнаго смысла этого предписанія, то она никогда не допускала ограничиваться однимъ свидѣтельствомъ; въ крайнемъ случаѣ необходимо было, чтобы всѣ улики и доказательства до такой степени сильно подкрѣпляли справедливость этого свидѣтельства, чтобы оно вполне соответствовало по своей силѣ двумъ свидѣтельствамъ единоголоснымъ между собою.

Замѣтимъ, что Апостоль предписываетъ не только не произносить осужденія, но и не принимать обвиненія на пресвитера, не открывать противъ него дѣйствія суда безъ соблюденія этого условія. Очевидно, этого требовало важное значеніе, усвояемое пресвитеру и его священному званію. Оно требовало, чтобы пресвитеръ подвергался, въ случаѣ обвиненія, самымъ разумнымъ и тщательнымъ изслѣдованіямъ, чтобы, при всей вѣроятности вины, судъ не начиналъ своего процесса, не постановлялъ рѣшенія на пре-

свитера до тѣхъ поръ, пока не будутъ представлены самыя точныя и неопровержимыя свидѣтельства и улики.

Нельзя не замѣтить, что строгое соблюденіе этихъ предписаній Апостола, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, можетъ представлять большія неудобства. Но тѣмъ не менѣе въ общемъ епископы скорѣе должны руководиться внушеніями, преподанными Самимъ Духомъ Святымъ, нежели слѣдовать внушеніямъ и совѣтамъ мудрости чисто человѣческой.

Церковь, принимая близко къ сердцу интересы клира, не можетъ не оказывать особаго покровительства пресвитеру, особой почести священству. И какой прекрасный урокъ даетъ она этимъ всѣмъ вѣрующимъ! Она научаетъ ихъ уважать и цѣнить добрую славу служителей алтаря, не судить ихъ поступки поверхностно и не внимательно, не довѣрять легко той лживой молвѣ, которая распространялась бы на ихъ счетъ.

20. Сопротивляющихся же предъ всеми обличай, да и прочіи страхъ имутъ.

Большая часть толковниковъ держится того мнѣнія, что Апостоль говоритъ здѣсь не о пресвитерахъ уже, а вообще о вѣрующихъ, или мірянахъ, хотя и не видно основанія такому мнѣнію. Кажется гораздо естественнѣе предположить, что этимъ Апостоль указываетъ общее правило поведенія въ отношеніи къ явнымъ грѣшникамъ, сопровождавшимъ свой грѣхъ публичнымъ соблазномъ,—безразлично, были ли это міряне, или лица духовныя. Выговоръ, или даже открытое обличеніе были необходимы въ отношеніи къ тѣмъ или другимъ изъ нихъ, для того, чтобы отмстить за поцранныя права закона, устранить открытый соблазнъ и сдержать страхомъ и угрозою тѣхъ, которые не достаточно сдержаны любовію къ долгу.

Но нужно согласиться, что, касается ли дѣло мірянина, или клирика, правило это указываетъ на одну изъ самыхъ трудныхъ обязанностей епископа. Это, между прочимъ, и побудило блаженнаго Августина такъ выразиться

объ этомъ апостольскомъ правилѣ: „что касается меня, то я увѣренъ, что каждый день погрѣшаю въ этомъ отноше- ній (противъ этого правила), и что я не знаю ни когда, ни какимъ способомъ я долженъ исполнять это предписа- ніе“ (Ad. Paulin. Ер. СХР, п. 3).

Очевидно, затѣмъ, что дѣло здѣсь идетъ о тяжелыхъ преступленіяхъ и о грѣшникахъ, совершавшихъ эти пре- ступленія публично, потому что христіанская справедли- вость и мудрость не позволяла бы наказывать публичнымъ выговоромъ, или открытымъ обличеніемъ за преступленіе не важное, и при томъ неизвѣстное. И какая польза, какое назиданіе было бы отъ этого вѣрующимъ?

Какъ бы ни были совершенны люди, но между ними всегда найдутся такіе, которые нуждаются въ страхѣ внѣш- нихъ наказаній, побуждающихъ къ исполненію ихъ обязан- ностей. Но мудрый пастырь долженъ опасаться, чтобы внушая страхъ однимъ, не подвергнуть соблазну, или уязвить другихъ, чтобы не заставить слабыя души уклониться въ лицемѣріе, не нарушить въ лучшихъ людяхъ святое спокой- ствіе духа—непремѣнное условіе истинно христіанской ревности.

Вообще, въ наставленіяхъ и обличеніяхъ, обращенныхъ къ народу, пастырь долженъ избѣгать указанія на личности. Предавая ихъ посрамленію, котораго они никогда не забудутъ, этимъ мы не обратимъ къ добру, а только раздражимъ. Оскорбленная гордость побудитъ дерзко дѣлать то, что прежде позволялось съ нѣкоторою робостію. Нужно желать, чтобы всѣ любили истину, а не боялись ея. Наставленіе Апостола прямо относится къ открытымъ соблазнамъ, но остается все таки очень труднымъ опредѣлить, докуда въ этомъ случаѣ должна доходить ревность пастыря и гдѣ она должна оста- навливаться.

21. *Засвидѣтельствую предъ Богомъ и Господомъ Иису- сомъ Христомъ, и избранными (его) Ангелы, да сія сохраниши безъ лицемѣрія, ничесоже творя по уклоненію.*

Правила и наставленія, преподанныя Апостоломъ своему ученику, были настолько важны, что онъ, желая побудить его къ строгому соблюденію ихъ, призываетъ во свидѣтели Бога, Иисуса Христа и Его Ангеловъ. Они требуютъ отъ исполнителя такой мудрости и благоразумія, что онъ увѣщаетъ его соблюдать ихъ, отрѣшившись отъ всѣхъ предубѣжденій, освободивши себя изъ подъ власти предрасудковъ, и въ особенности строго слѣдуя началамъ совершеннаго нелицепріятія.

При распредѣленіи церковныхъ должностей и отличій онъ долженъ руководиться началами строжайшей справедливости; не поддаваться въ обращеніи съ вѣрующими и въ управленіи ихъ душами тѣмъ пагубнымъ и столь общимъ предрасудкамъ, которые однихъ ведутъ къ забвенію священныхъ правилъ и предписаній, а въ другихъ вселяютъ недостойное христіанина отчаяніе; быть постоянно готовымъ къ борьбѣ со всякаго рода предубѣжденіями; въ особенности не довѣряться своимъ природнымъ склонностямъ; поддерживать постоянно въ строгомъ равновѣсіи съ одной стороны интересы вѣрующихъ, а съ другой, авторитетъ и достоинство священства, права справедливости и не менѣе священныя обязанности архипастырской любви. Все это очевидно не по силамъ человѣческой мудрости, но тѣмъ не менѣе добрый служитель можетъ успѣвать въ немъ настолько, чтобы никогда не забывать присутствія около себя живаго Бога, не забывать цѣны пречистой крови Спасителя и благъ Церкви, ревнителями и покровителями которыхъ избраны сами ангелы.

22. *Руки скоро не возлагай ни на когоже, ниже приобщайся чужимъ грѣхомъ.*

Въ этихъ немногихъ словахъ обозначены Апостоломъ всѣ тѣ обязанности, которыя епископъ долженъ исполнять въ отношеніи къ ищущимъ священства и указано одно изъ самыхъ важныхъ побужденій, которымъ они должны руководиться при этомъ.

Въ этихъ словахъ Апостола, можно видѣть первоначальный зародышъ тѣхъ учрежденій, которыя современемъ основаны были для приготовленія лицъ, возводимыхъ на церковныя должности, и основаніе тѣхъ продолжительныхъ испытаній, которымъ современемъ стали они подвергаться. Но особенно ясно Апостоль указываетъ здѣсь на то, что епископъ, который поспѣшно, безъ строгаго испытанія возлагаетъ руки на ищущаго священства, принимаетъ на себя вину и въ тѣхъ грѣхахъ, которыми обладаетъ лицо, поставленное имъ, и во всѣхъ тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя повлекутъ за собою эти грѣхи.

Себе чиста соблюдай:

23. *Къ тому не пей воды, но мало вина приими, стомаха ради твоего и частыхъ твоихъ недуговъ.*

Апостоль не можетъ говорить долго своему ученику о его обязанностяхъ къ другимъ, не обратившись къ обязанностямъ его собственнымъ. И поелику чистота и цѣломудріе суть главнѣйшія изъ обязанностей пастыря въ отношеніи къ самому себѣ, то Апостоль въ другой разъ напоминаетъ Тимошею, снова убѣждая его хранить себя во всякой чистотѣ.

Тимошей, вѣрно соблюдая уроки своего учителя, твердо хранилъ и собственную чистоту. Вотъ почему Апостоль не предлагаетъ ему того средства, какое предлагалъ другимъ, — супружества.

По видимому Тимошей по любви къ цѣломудрію и зная слова ап. Павла: *не упивайтесь виномъ, въ немъ же есть блудъ*, поставилъ себѣ не пить вина, а одну воду. Но это была крайность, которая при слабости его желудка и по причинѣ вообще болѣзненности, могла служить для него препятствіемъ къ исполненію обязанностей его служенія. Апостоль устраняетъ эту крайность, совѣтуя ему пить не много вина. Какая мудрая осторожность въ словахъ Апостола!

24. *Нѣкихъ же человекъ грѣси предъявлени суть, предваряюще на судъ: нѣкимъ же и послѣдствуютъ.*

25. *Тако же и добрия дѣла предъявлена суть и сущая инако утаитися не могутъ.*

Слова эти на первый взглядъ представляются очень темными и не понятно, какъ они вяжутся съ рѣчью Апостола. Но если отнести ихъ къ тому, что говорилось о возложеніи рукъ прежде наставленій касательно личныхъ обязанностей Тимофея, то вся темнота ихъ быстро разсѣвается и въ нихъ съ новою силою выступаетъ на видъ вся глубина мудрости Апостола. Очевидно, что для того, чтобы епископъ могъ съ спокойною совѣстію возлагать руки на служителей церкви и не брать на себя отвѣтственности за грѣхи другихъ, онъ долженъ умѣть отличать людей достойныхъ къ принятію священнаго сана отъ недостойныхъ. Существуетъ два рода грѣшниковъ: одни—грѣшники явные, преступленія которыхъ на столько очевидны, что легко предусмотрѣть даже послѣдствія, къ которымъ они поведутъ; другіе—грѣшники тайные, которыхъ беззаконія и проступки можно открыть только при самомъ строгомъ испытаніи. Точно также существуетъ и два рода праведниковъ: одни изъ нихъ такіе, праведность которыхъ всюду проливаетъ свѣтъ, поражаетъ и улаживаетъ взоры всѣхъ; другіе, напротивъ, подвизаются въ тишинѣ и неизвѣстности. Относительно праведниковъ и грѣшниковъ перваго рода нѣтъ нужды освѣдомляться и развѣдывать, поелику на челѣ первыхъ лежитъ ясная печать избранія, а на челѣ послѣднихъ печать отверженія. Другой родъ праведниковъ и грѣшниковъ, изъ которыхъ первые скрываютъ свои добродѣтели, и вторые таятъ свои пороки, требуетъ иного отношенія со стороны епископа: различить тѣхъ и другихъ возможно для него не иначе, какъ посредствомъ строгаго и точнаго познанія и испытанія.

Такой великій урокъ преподаетъ Апостоль своему ученику, а чрезъ него и всѣмъ епископамъ.

Если они, возлагая свои руки, не желаютъ заслужить упрека въ послѣшности, не желаютъ навлечь на себя отвѣтственность за грѣхи и недостатки рукополагаемыхъ, то

они должны заключать о внутреннемъ отъ внѣшняго, открывать тайны совѣсти посредствомъ внѣшнихъ дѣйствій. Если есть добродѣтели и пороки, которые сами себя заявляютъ, то существуютъ съ другой стороны и такіе, которые скрываются въ тайнѣ, но которые открыть насколько трудно, настолько же и важно. Наружность способна обольстить собою легкое и поверхностное испытаніе, — ввести въ заблужденіе. Лицемѣріе умѣетъ скрывать величайшіе пороки, а искреннее смиренномудріе можетъ препятствовать обнаружиться самымъ свѣтлымъ и возвышеннымъ добродѣтелямъ. Но время и строгая внимательность все обнаруживаютъ; и при помощи испытаній и изслѣдованій, руководимыхъ Самимъ Духомъ Божіимъ, необходимо тщательно распознавать недостатки однихъ подъ маскою лицемѣрія, которою ихъ прикрываютъ, достоинства и заслуги другихъ подъ покровомъ христіанской кротости и смиренія.

Глава VI.

Послѣ общихъ наставленій епископамъ, Апостоль переходитъ къ изложенію наставленій частныхъ, изъ которыхъ одни относятся къ рабамъ, другія касаются обращенія съ лжеучителями, третьи, наконецъ, говорятъ о богатыхъ. Апостоль заканчиваетъ эту главу указаніемъ въ нѣсколькихъ словахъ на главную мысль всего посланія.

I.

Обязанности рабовъ въ отношеніи къ господамъ. Лжеучители. Словопренія. Польза отъ благочестія.

1. *Елимы суть подъ игомъ раби, своихъ господъ всякія чести да сподобляють, да имя Божіе не хулится и ученіе.*

Между врагами христіанства, которые нападаютъ на его ученіе и на отношеніе къ вопросу о рабствѣ, одни

упрекають его въ томъ, что въ немъ нѣтъ прямаго запрещенія рабства; другіе, напротивъ, претендуютъ на него за то, что оно предоставляетъ свободу рабамъ, поступающимъ на служеніе Церкви, замѣчая при этомъ, что это и было главною причиною быстрого успѣха евангельской проповѣди въ мірѣ. Но то и другое одинаково не основательно.

Христіанство, дѣйствительно, не объявляло освобожденія рабства, но это-то, между прочимъ, и составляетъ одно изъ существенныхъ отличій христіанства отъ ессейства, которое считало рабство извращеніемъ естественнаго закона природы, и это-то и служитъ блестящимъ доказательствомъ вышечеловѣческой мудрости Основателя нашей религіи. Иисусъ Христосъ благоволилъ пересоздать міръ, не разрушая въ немъ ничего, создать новое общество, не выходя изъ границъ уваженія къ основамъ и учрежденіямъ общества древняго. Онъ поставилъ себѣ цѣлью пересоздать законъ путемъ нравственнаго перерожденія его исполнителей и утвердить новую общественную жизнь продолжительнымъ, но неотразимо сильнымъ и твердымъ вліяніемъ Своего ученія. Поэтому Онъ прямо и не запрещалъ рабства. Онъ не призывалъ рабовъ къ свободѣ и гражданской равноправности съ ихъ господами; но предупредилъ и вполне обезпечилъ въ будущемъ совершенное освобожденіе рабовъ Своимъ ученіемъ о единствѣ всѣхъ насъ и племенъ, о всеобщности искупленія и о равенствѣ всѣхъ людей передъ Богомъ. Невозможно было, чтобы господа, проникнутые этими высокими идеями равенства и братства, исполняя вмѣстѣ съ своими рабами, и въ одномъ ряду съ ними, священнѣйшіе обряды богослуженія, мало по малу не измѣняли и своихъ чувствъ въ отношеніи къ нимъ, не облегчали бы ихъ состоянія, а затѣмъ и вовсе не отпустили бы ихъ на свободу.

Но, внушая эти новыя чувства, располагая къ этому новому обращенію господъ съ рабами, христіанство и самимъ рабамъ указываетъ лучшее средство къ тому, чтобы заслужить свое освобожденіе. Кромѣ личныхъ добродѣтелей, къ которымъ оно побуждаетъ каждаго изъ рабовъ, оно научаетъ

ихъ вообще поступать сообразно съ цѣлями и планами Христа, о чемъ, между прочимъ, говорить и Апостоль.

Итакъ Апостоль напоминаетъ своему ученику, что рабы должны чистосердечно признавать своихъ господъ, хоть бы они были и язычники, достойными всякой чести и уваженія, а слѣдовательно, должны и повиноваться имъ; и все это не по лицемѣрью, не изъ за интересовъ человѣческихъ, но во славу Иисуса Христа и Его религіи, которою они должны по справедливости гордиться.

2. Имущи же вѣрныхъ господій да не нерадятъ о нихъ, понеже братія суть: но паче да работаютъ, зане вѣрни суть и возлюбленн, иже благодать воспріемлющи.

Рабы господъ—христіанъ также не должны отвергать власти ихъ надъ собою, но напротивъ, пользуясь равенствомъ съ ними передъ Богомъ и передъ закономъ Церкви, они должны быть еще послушнѣе, должны служить еще усерднѣе. Братское равенство не исключаетъ правъ господина; оно, напротивъ, дѣлаетъ эти права еще болѣе священными. Отсюда Апостоль желаетъ, чтобы въ исполненіи обязанностей и въ усердіи къ нимъ рабы господъ—христіанъ были проникнуты тѣмъ самымъ чувствомъ любви и уваженія, какое царствуетъ между членами одной семьи, которые живутъ единствомъ вѣры и благодати, которые всегда готовы спѣшить на помощь другъ другу тѣмъ съ большею ревностію и самоотверженіемъ, чѣмъ болѣе довѣрія и уваженія существуетъ между ними, какъ между братьями *по Бозь*.

Все, что говоритъ Апостоль по отношенію къ рабамъ, можно приложить въ настоящее время къ свободнымъ служителямъ. Ничто такъ сильно не побуждаетъ людей уважать христіанскую религію, какъ то, когда они видятъ, что сами христіане глубоко уважаютъ права и учрежденія, установленныя и существующія въ человѣческихъ обществахъ. Ничто, напротивъ, не внушаетъ имъ больше недовѣрія, какъ это, чисто теоретическое противодѣйствіе, которое нѣкоторые умы, жалкіе и ограниченныя, хотятъ выставить

противъ сверхъ-естественныхъ и натуральныхъ правъ и полномочій. Точно также и въ кругу отдѣльной семьи ничто такъ не способно возбудить подозрѣнія людей, подорвать нравственный авторитетъ ея членовъ, какъ взаимная гордость, раздражительность и недостатокъ ревности въ исполненіи обязанностей какъ всѣми членами, такъ и тѣми изъ нихъ, которые несутъ на себѣ какія-либо частныя службы.

Сія учи, и моли.

Эти мудрыя наставленія Апостола не могли быть сразу поняты всѣми. Они, съ одной стороны, были слишкомъ возвышенны по отношенію къ понятіямъ чисто человѣческимъ, а съ другой, слишкомъ мало сообразны съ естественными склонностями человѣческой природы. Уважать чистосердечно, и при томъ изъ за высшихъ религіозныхъ побужденій, тѣхъ, которые исповѣдуютъ ученіе, враждебное самой религіи; признавая равенство всѣхъ передъ Богомъ, сознавая и свое собственное равенство, и при этомъ служить и подчиняться съ чувствомъ всецѣлой зависимости, и въ то же время съ искреннею вѣрностію и преданностію—все это возможно только подъ условіемъ самыхъ свѣтлыхъ убѣжденій, самыхъ возвышенныхъ началъ христіанства, наиболѣе твердыхъ и глубокихъ чувствъ смиреномудрія и евангельской любви. Вотъ почему Апостоль вмѣняетъ въ обязанность своему ученику настойчиво внушать эти наставленія вѣрующимъ и увѣщавать ихъ сообразоваться съ ними въ своемъ поведеніи.

3. Аще ли кто инако учитъ, и не приступаетъ къ здоровымъ словесемъ Господа нашего Иисуса Христа, и ученію, еже по благовѣрію.

Было, впрочемъ, у Апостола и другое побужденіе настаивать на внимательномъ исполненіи его ученикомъ этой обязанности. Онъ не могъ не замѣтить, что его наставленія не были приняты всѣми, что его здоровое ученіе благочестія не было прочно усвоено всѣми. Вотъ почему Апостоль употребляетъ здѣсь столь сильныя обороты рѣчи и обра-

щается даже къ открытому протесту противъ тѣхъ, которые извращали бы его ученіе.

Здравыми словесами Іисуса Христа Апостоль называетъ здѣсь тѣ истины, которыя Онъ постоянно возвѣщаль и словомъ и примѣромъ, которыя однѣ составляютъ истинное ученіе благочестія, которое почитаетъ единого, истиннаго Бога, уважаетъ все сотворенное и установленное Имъ и воздаетъ должное всѣмъ вмѣстѣ и каждому отдѣльно.

Нѣтъ другаго ученія, которое бы проповѣдалъ Іисусъ Христосъ и Его Апостолы.

Чтобы подвергнуть себя тѣмъ осужденіямъ, которыя Апостоль изрекаетъ въ этомъ стихѣ и заслужить то страшное названіе, которое онъ здѣсь употребляетъ, нѣтъ надобности открыто возставать противъ власти Іисуса Христа; достаточно учить не тому, чему учить Онъ, достаточно уклониться отъ какой-нибудь частности Его ученія и не соглашаться съ нимъ въ своемъ сердцѣ.

4. *Разордѣвся, ничтоже вѣдый, но недугуя о стязаніихъ и словопреніихъ.*

Человѣкъ, проповѣдующій *иное* ученіе, гордъ, поелику предпочитаетъ свои измышленія тому, что говоритъ Спаситель; онъ ничего не знаетъ, поелику въ дѣлахъ божественныхъ искать другаго какого-либо знанія, кромѣ того, которому научилъ насъ Сынъ Божій, значить тоже, что и ничего не знать, поелику одинъ Богъ можетъ сообщать намъ знаніе о своихъ дѣлахъ. Но если человѣкъ ничего не знаетъ, то онъ естественно вдается въ многословіе и разногласіе; онъ поднимаетъ бездну самыхъ пустыхъ вопросовъ, истощается въ доводахъ и доказательствахъ, вмѣсто истины питается одними словами, и вмѣсто спокойнаго одобренія того, что онъ признаетъ вѣрнымъ, поднимаетъ громкіе крики.

Гордость и невѣжество суть, такимъ образомъ, наиболѣе частыя причины нашихъ заблужденій. Но и между ними преимущество принадлежитъ гордости, поелику она мѣшаетъ намъ сознаться въ незнаніи того, чего мы

и не можемъ знать, подчиниться авторитету въ тѣхъ случаяхъ, когда нашъ разумъ оказывается совершенно безсильнымъ открыть истину.

Отъ него же бываетъ зависть, рвеніе, хулы, нещеванія лукава,

5. *Бесѣды злыя растлѣнныхъ чловѣковъ умоу, и лишенныхъ истины.*

Неизбѣжными слѣдствіями уклоненія отъ единого, истиннаго ученія бываютъ: 1) завистливое соперничество; потому что тамъ, гдѣ не признаютъ единого, истиннаго Учителя, тамъ, очевидно, каждый стремится быть учителемъ; 2) распри; это не простые споры, которые не исключаютъ еще взаимной любви между спорящими, но споры, дышущіе ненавистію и приводящіе нерѣдко къ соблазнамъ; 3) злорѣчія и хулы на Провидѣніе и на Церковь, исходящія какъ отъ самихъ спорящихъ, такъ и отъ нечестивыхъ свидѣтелей этихъ споровъ, которые становятся сильнымъ орудіемъ противъ истины; 4) оскорбительныя подозрѣнія касательно намѣреній и самой искренности истинныхъ христіанъ; наконецъ 5) злорѣчіе, производящее глубокіе распри и раздоры.

Нещующихъ приобрѣтеніе быти благочестіе.

Испорченность духа имѣетъ различныя степени и происходитъ отъ различныхъ причинъ. Она происходитъ отъ гордости, но еще больше, быть можетъ, отъ жадности. Апостоль показываетъ намъ, что обыкновенную причину раздоровъ, которые онъ описываетъ, составляетъ та испорченность духа, по которой люди смотрятъ на истину съ точки зрѣнія своего личнаго интереса, ищутъ въ религиозныхъ вопросахъ и установленіяхъ не дѣйствительной пользы для людей, но случая къ наживѣ и обогащенію.

Кто не скажетъ, что Апостоль, говоря это, имѣлъ въ виду именно нашъ вѣкъ, тотъ вѣкъ, когда такъ много встрѣчается жадности и такъ мало убѣжденій; когда все—и исторія, и литература, и философія, даже и вопросы религиозные, въ большинствѣ случаевъ составляютъ средство къ

обогащенію, отрасль промышленности? Да, духъ человѣчскій одинъ и тотъ же во всѣ времена; и въ эпоху самаго высшаго развитія цивилизаціи грубый расчетъ, матеріальный интересъ всегда берутъ перевѣсъ тамъ, гдѣ нѣтъ преобладанія на сторонѣ чувствъ истинно христіанскихъ. Истина не много значитъ, серебро—все: *сребра со смиреніемъ послушаютъ всяческая*, говоритъ премудрый (Екл. 10, 19), а за нимъ и вся жизнь...

Святые отцы, по поводу этихъ словъ Апостола, высказываютъ сужденія, собственно относящіяся къ клиру. Торговать своимъ досугомъ, своими познаніями—постыдное дѣло для священника; извлекать прибыль изъ благочестія, изъ священныхъ предметовъ—самое ужасное святотатство. Этотъ послѣдній порокъ въ настоящее время, благодареніе Богу, весьма рѣдокъ между служителями Церкви. Но нѣтъ ли между ними и теперь такихъ, которые, не подвергаясь подобной крайности, видятъ въ своемъ служеніи средство къ наживѣ, къ обогащенію себя, или своей семьи, извлекаютъ, такимъ образомъ, прибыль изъ святыхъ дѣлъ благочестія.

.II

Благочестіе—величайшее приобрѣтеніе. Ненадежность благъ настоящей жизни. Должно довольствоваться необходимымъ. Печальныя послѣдствія жажды богатства.

6. *Есть же снисканіе велие благочестіе съ довольствомъ.*

Какой смыслъ мы ни сообщимъ этому стиху, въ немъ заключается во всякомъ случаѣ самое первое основаніе къ тому, чтобы воздерживаться отъ жажды богатства или лучше отъ того грѣха, къ осужденію котораго приступаетъ Апостоль; благочестіе, говоритъ онъ, вмѣстѣ съ довольствомъ составляетъ лучшее богатство для того, кто успѣетъ пользоваться имъ.

Это послѣднее богатство въ особенности нужно имѣть священнику. Какъ ни желательно, чтобы священникъ не испытывалъ бѣдности, не потому только, что она плохой совѣтникъ и величайшая опасность жизни, но и потому, что она мало совмѣстима съ достоинствомъ священства; но тѣмъ не менѣе необходимо, чтобы священникъ умѣлъ довольствоваться малымъ. Тотъ всегда бываетъ богатъ, кто желаетъ немногаго; и при той мудрой умѣренности, которая заставляеть человека довольствоваться скромнымъ но обезпеченнымъ состояніемъ, сердце человека бываетъ болѣе довольно, нежели среди роскоши и изобилія, и исполненіе его обязанностей бываетъ болѣе свободно и болѣе плодотворно.

7. Ничто же бо внесохомъ въ міръ сей, явь, яко ниже изнести что можемъ.

Второе основаніе, которое Апостоль выставляетъ противъ чрезмѣрной жажды богатства, въ особенности противъ злоупотребленія богатствомъ, состоитъ въ томъ, что земныя блага не составляютъ нашей полной собственности.

Не нужно много мудрости для того, чтобы понять это. Мы ничего также и не унесемъ съ собою изъ міра. То, чѣмъ мы въ настоящей жизни пользуемся, какъ средствомъ къ существованію, не принадлежитъ намъ; при томъ, оно есть нѣчто постороннее для нашей жизни. И такъ, безразсудно дѣлать его высшею цѣлью и задачей нашей жизни.

Какъ ни проста эта мысль Апостола, но она имѣетъ великое приложеніе къ нравственной жизни. Іовъ утѣшалъ себя этою мыслию, когда получалъ извѣстіе о потерѣ своихъ богатствъ: „нагъ я вышелъ, говоритъ онъ, изъ чрева матери моей, нагимъ и отйду въ нѣдра земли“ (Іов. I. 21). Соломонъ пользовался ею для того, чтобы не уживаться гордостію среди роскоши и богатствъ, и для доказательства, что и въ началѣ міра и въ концѣ его всѣ состоянія человѣческія равны. Апостоль дѣлаетъ изъ нея практической выводъ, исполненный простоты и мудрости.

8. *Имѣюще же пищу и одѣяніе сими довольни будемъ.*

Въ двухъ словахъ Апостоль указываетъ на все существенно необходимое для нашей жизни: пищу, которая поддерживаетъ ее, одежду, которая защищаетъ отъ зноя и непогоды.

Въ этомъ отношеніи съ самыхъ временъ апостольскихъ существовало въ Церкви всегда два рода людей; одни, какъ сами Апостолы, не имѣли постояннаго жилища, перемѣнныхъ одеждъ, жили какъ должники у своего заимодавца и получали все, что имѣли въ каждое мгновеніе своей жизни. такъ сказать, изъ рукъ самаго Провидѣнія; другіе, какъ на примѣръ епископы и многіе изъ вѣрующихъ, о которыхъ говорятъ Апостолы Павелъ и Іаковъ. обладали жилищами, въ которыхъ могли давать пріютъ странникамъ, имѣли трапезу, которую раздѣляли съ богатыми и бѣдными, одежды, приличныя ихъ званію и положенію; послѣдніе, обладая всѣмъ этимъ, пользовались своими благами единственно по волѣ Провидѣнія, и среди спокойнаго и беззаботнаго труда, всегда считали себя обязанными благословлять Творца за все, что получили отъ Него; если богатство текло къ нимъ, никогда не прилагали къ нему сердца. Тѣ и другіе изъ этихъ двухъ родовъ людей были истинные христіане. Послѣдніе, употребляя такимъ способомъ свои блага, могли достигать евангельскаго совершенства, хотя впрочемъ первыя достигали его болѣе легко и болѣе вѣрнымъ путемъ. И для тѣхъ и для другихъ существенное основаніе евангельской нищеты составляетъ то, чтобы умѣть довольствоваться самымъ необходимымъ, не имѣть ничего излишняго; а если и имѣть, то щедро раздавать его; въ особенности же стараться о томъ, чтобы не создавать себѣ мнимыхъ нуждъ.

Легко сказать все это; но кто научить насъ тому, какъ въ жизни исполнять всѣ эти повидимому простые уроки? Ты Одинъ, Господи, отдаешь должное богатымъ, заставляешь ихъ чувствовать въ своемъ сердцѣ, среди полнаго довольства, Твое всемогущее присутствіе. Но при всемъ этомъ очень трудно отрѣшиться отъ столь естественнаго

стремленія искать опоры и поддержки для нашей жизни въ томъ, что насъ окружаетъ, обезпечивать себя земными удобствами и выгодами не только на день или на два, но на возможно болѣе продолжительное время, хотя и несомнѣнно, что это стремленіе, какими бы ни сопровождалось усиліями, останется совершенно напраснымъ трудомъ.

9. *А хотящій богатится впадаетъ въ напасти, и въ похоти многи несмысленны и вреждающія, яже погружаютъ чловѣка во всеубительство и погибель.*

Третье основаніе: это напасти и сѣти, сокрытыя въ стремленіи къ обладанію богатствомъ.

Остановимъ вниманіе на каждомъ изъ этихъ словъ Апостола, тѣмъ болѣе, что все это очень полезно имѣть въ виду духовенству въ настоящемъ его положеніи. Если мы не богаты, то желаемъ быть богатыми. Но вотъ, по словамъ Апостола, каковы послѣдствія желанія богатства. Оно подчиняетъ всякаго, кто увлекается этимъ желаніемъ власти діавола, который называется „богомъ вѣка сего“, дѣлаетъ его безсильнымъ противъ его искушеній, отнимаетъ у него способность уклоняться отъ вражескихъ сѣтей. Успѣшно вести борьбу съ діаволомъ, разоблачать его злые навѣты, разсѣвать его козни можетъ только тотъ, кто не ждетъ ничего отъ міра, и кто можетъ сказать о немъ вмѣстѣ съ Спасителемъ: „онъ не имѣетъ никакой власти надъ мною“, нѣтъ ничего въ моемъ сердцѣ, что находилось бы во власти міра. Напротивъ, когда сердце открыто для желанія земныхъ благъ, то все является для насъ сѣтью врага—чловѣка, побуждающаго насъ пріобрѣтать безъ мѣры и потребности, употреблять пріобрѣтенныя блага болѣе и болѣе незаконными способами. Житейскія нужды всякаго рода, приличная обстановка, нужды семейныя, неизвѣстность будущаго—все это составляетъ весьма благовидные предлоги къ пріобрѣтенію. Подъ этими благовидными предлогами лица духовныя нерѣдко не ограничиваются средствами пріобрѣтенія, дозволенными въ церковныхъ канонахъ; они дѣлаютъ для себя эти пріобрѣтенія настоящимъ кумиромъ.

Стремленіе къ богатству влечетъ за собою еще и другія послѣдствія; ибо кромѣ того, что это стремленіе само въ себѣ ненасытно, обыкновенно оно направляется не къ тому только, чтобы обладать богатствомъ, но чтобы тѣшить имъ свое тщеславіе, находить въ немъ удовлетвореніе роскоши и блеску, великолѣпной и дорого стоящей обстановкѣ. Если люди, зараженные этимъ стремленіемъ, не позволяютъ себѣ открыто желаній еще болѣе преступныхъ, то нечувствительно эти желанія сами собою подкрадываются къ нимъ; поелику обладаніе богатствами естественно дѣлаетъ удовлетвореніе болѣе и болѣе легкимъ, открывая, такимъ образомъ, широкій просторъ для новыхъ желаній.

10. *Корень бо всѣмъ злымъ сребролюбіе есть: егоже нѣцыи желаютъ заблудшии отъ вѣры, и себе привоздшии болѣзнемъ многимъ.*

Эти слова Апостола представляютъ глубочайшую истину. Принимать слово *сребролюбіе* нужно здѣсь въ самомъ широкомъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ жадной и безграничной привязанности тварей къ чувственнымъ благамъ, считая эту привязанность прямымъ слѣдствіемъ первороднаго грѣха и неистощимымъ источникомъ всѣхъ преступленій и всѣхъ золъ жизни. Въ такомъ смыслѣ понималъ это слово и бл. Августинъ, когда говоритъ: „Священное Писаніе учитъ одной любви, а осуждаетъ одно сребролюбіе“.

Но такую же глубокую истину представляютъ слова Апостола и въ томъ случаѣ, если мы примемъ слово *сребролюбіе* въ смыслѣ болѣе ограниченномъ, какъ страсть къ золоту, къ богатствамъ. Въ самомъ дѣлѣ, не служитъ ли эта страсть для того, кто ею обладаетъ, причиною самаго крайняго безчестія? Не жертвуетъ ли онъ для нея своею честію, своими убѣжденіями, почти всѣми самыми благородными порывами совѣсти? Не допускаетъ ли онъ, руководимый этою страстію, въ отношеніи къ ближнему ложь, надувательство, несправедливости, безчестное торгашество и самыя смертоубійства? Не составляетъ ли она очень часто причину раздоровъ и вѣчнаго разлада внутри семействъ? и

не она ли возбуждаетъ въ жизни общественной недовольства и затаенную ненависть со стороны низшаго класса, цѣлое море разрушительныхъ мнѣній, надеждъ и стремленій?

Съ другой стороны, страсть къ золоту ослѣпляетъ духъ, ожесточаетъ сердце, развиваетъ въ самой сильной степени эгоистическіе инстинкты, представляетъ все существующее такъ, какъ оно кажется и чувствуется по своей наружности, заставляетъ человѣка быть нечувствительнымъ къ истинамъ высшимъ, нравственнымъ; вооружаетъ его наконецъ, противъ порядка установленнаго самимъ Провидѣніемъ. Удивительно ли, послѣ этого, что человѣкъ, подверженный этой страсти, если не совсѣмъ теряетъ вѣру, то по крайней мѣрѣ сильно извращаетъ ее?

Вмѣстѣ съ этими преступленіями и съ этою слѣпотою ума страсть къ богатству вноситъ въ душу тяжелыя непріятности и печали. Желаніе имѣть никогда не удовлетворяется; сребролюбіе, это такая бездна, которая никогда не скажетъ: „довольно уже“; досада, связанная съ чувствомъ зависти при видѣ у другаго большаго богатства, чѣмъ самимъ обладаемъ, безпокойный страхъ потерять то, что добыто, потерпѣть уронъ, или разореніе—вотъ нѣкоторыя изъ тѣхъ скорбей, о которыхъ говоритъ здѣсь Апостоль. Но есть и другія, о которыхъ онъ выше упоминаетъ: чрезмѣрное желаніе богатствъ наталкиваетъ человѣка на разныя случайныя предпріятія, часто очень сомнительнаго достоинства, которыя губятъ его добрую славу, отнимаютъ спокойствіе и благополучіе и влекутъ душу къ осужденію.

Обратимъ вниманіе здѣсь на великую мудрость Апостола. Онъ вслѣдъ за симъ будетъ преподавать наставленія богатымъ касательно ихъ обязанностей; наставленія же, которыя только что предложилъ, онъ обращаетъ ко всѣмъ, и преимущественно къ бѣднымъ, потому-что если для богатыхъ искушенія въ богатствахъ представляются со стороны чрезмѣрной привязанности къ нимъ, то для бѣдныхъ опасность богатствъ скрывается въ желаніи и неудержимомъ влеченіи къ нимъ. Такимъ образомъ, для тѣхъ и другихъ

пагубно не обладаніе земными благами, но та жадность, то сребролюбіе, которое осуждаетъ Апостоль, и которое онъ по справедливости называетъ корнемъ всѣхъ золь.

III.

Священникъ—человѣкъ Божій. Его добродѣтели. Его исповѣданіе. Его образецъ.
Его надежды.

11. Ты же, о человѣче Божій, сихъ бѣгай.

Вотъ и еще разъ священникъ называется человѣкомъ Божіимъ. Христіанинъ не есть просто человѣкъ; онъ произошелъ *ни отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескія, но родился отъ Бога*. Онъ долженъ имѣть такія мысли, чувства и стремленія, которыя возвышали бы его надъ простыми людьми. Это, между прочимъ, и заставило Апостола сказать къ Коринѣянамъ: *не плотстїи ли есте* (1 Кор. 3. 4). Но священникъ еще меньше можетъ быть названъ просто человѣкомъ. По мнѣнію блаженнаго Иеронима, это, между прочимъ, хотѣлъ дать понять Апостоламъ Спаситель, когда сначала спросилъ: *кого мя глаголютъ человѣцы быти, сына человѣческаго?* А потомъ прибавилъ: *вы же кого мя глаголете быти* (Мѡ. 16 13. 15)?

Если же священникъ есть человѣкъ Божій, человѣкъ, посвященный Богу, избравшій Его одного своимъ драгоценнымъ достояніемъ, то онъ всецѣло долженъ жить духомъ Божіимъ и его благодатію. Отсюда, онъ долженъ всячески избѣгать жадности и сребролюбія. Ненавистное вообще, чувство это въ особенности ненавистно въ священникѣ. Оно составляетъ величайшій позоръ и безчестіе для служителя Божія. Суровый въ отношеніи къ бѣднымъ; питающій ихъ только тѣми „прекрасными рѣчами“, которыя осуждаетъ Апостоль, низводящій священное служеніе на степень самыхъ низшихъ обязанностей жизни, жадный къ вознаграж-

деніямъ, подобно жрецамъ народа еврейскаго, — священникъ, преданный сребролюбію, тотчасъ подвергается всеобщему презрѣнію.

Человѣкъ Божій, сьвященникъ есть вмѣстѣ и человѣкъ справедливости, который съ охотою отдаетъ каждому должное, человѣкъ благочестія, который поставляетъ все существующее въ зависимость отъ Бога и къ Нему одному обращаетъ свои помыслы и свои надежды; человѣкъ вѣры, который всегда смотритъ на вещи съ точки зрѣнія ихъ высшаго, неземнаго интереса; человѣкъ любви, который во всемъ ищетъ интересовъ болѣе широкихъ, нежели его собственные; человѣкъ терпѣнія, который спокойно сноситъ все то зло, которымъ бываетъ окруженъ въ жизни; человѣкъ спокойствія и кротости, который облегчаетъ скорби ближнихъ ласковыми словами и утѣшеніями любви высокой и благородной. Всѣ эти дѣйствія, всѣ эти добродѣтели радикально противоположны чувству сребролюбія и составляютъ самое дѣйствительное средство противъ него.

12. *Подвизайся добрымъ подвигомъ вѣры, емлися за вѣчную жизнь, въ нюже и званъ былъ еси, и исповѣдалъ еси доброе исповѣданіе предъ многими свидѣтелями.*

Три предмета заслуживаютъ особеннаго вниманія въ этомъ стихѣ.

Вѣра есть великая побѣда Божія надъ міромъ, надъ его заблужденіями, прельщеніями, и угрозами. Подвизаться добрымъ подвигомъ вѣры, значитъ, подвизаться на основаніи вѣры, съ оружіемъ вѣры и въ интересахъ вѣры; иначе, съ тѣми познаніями, съ тою твердостію въ истинѣ и съ тѣми средствами, которыя доставляются одною вѣрою.

Кто подвизается такимъ образомъ, тотъ твердо обезпечиваетъ побѣду какъ самому себѣ, такъ и своему дѣлу. Онъ не только заслуживаетъ вѣчную жизнь, онъ пріобрѣтаетъ ее, овладѣваетъ ею. Онъ не обладаетъ этою жизнію въ ея неполнотѣ, только какъ бы въ ея зародышѣ, онъ обладаетъ ею такъ, какъ бы она жила въ немъ самомъ, онъ „имѣетъ жизнь вѣчную, въ немъ пребывающую“, по

слову Апостола (1 Иоан. 3, 15). Онъ обладаетъ ею и твердо стоитъ въ ней; она составляетъ для него вѣнецъ, котораго никто не сниметъ съ него, его радость, которой никто не похититъ у него; она есть тотъ величественный престолъ, на которомъ возсѣдитъ Самъ Иисусъ Христосъ, и на которомъ, по нашему твердому упованію и по Его непреложнымъ обѣтованіямъ, нѣкогда возсядемъ и мы вмѣстѣ съ Нимъ.

Первый шагъ, первое движеніе на пути къ жизни вѣчной совершаетъ самъ Богъ, поелику душа сама по себѣ не способна не только достигать ее, но и стремиться къ ней, если Самъ Богъ не привлекаетъ ее и не возвышаетъ. Каждый шагъ на этомъ священномъ пути обозначается какимъ-либо священнымъ обязательствомъ, сдѣланнымъ въ присутствіи многихъ свидѣтелей. Въ крещеніи это обязательство выражается въ формѣ исповѣданія вѣры и закона Христова, даваемого предъ священою купелью; въ призваніи къ священству—въ присягѣ, а у посвящающихъ себя жизни монашеской—въ обѣщаніи, даваемомъ у подножія алтаря, и состоящемъ въ обѣтѣ совершенной чистоты и цѣломудрія; наконецъ, при возведеніи въ епископское достоинство это обязательство выражается въ торжественномъ и всенародномъ исповѣданіи вѣры, великихъ добродѣтелей, которыя должны украшать преемника Апостоловъ и Самаго Христа.

Это троякое исповѣданіе производится открыто и всенародно, поелику въ Церкви ничто не должно скрываться въ тайнѣ. Нѣтъ въ ней ни тайнаго освященія, ни секретныхъ обрядовъ. Все это совершается открыто и на глазахъ своего народа; поелику все совершается какъ для Бога, такъ равно и для народа, и поелику открытое и всенародное возложеніе на себя извѣстныхъ обѣтовъ само по себѣ служитъ весьма сильнымъ побужденіемъ къ исполненію этихъ обѣтовъ, къ вѣрному и неуклонному слѣдованію имъ.

13. *Завѣщаваю ти предъ Богомъ оживляющимъ всяческая, и Христомъ Иисусомъ свидѣтельствовавшимъ при Понтийстѣмъ Пилатѣ доброе исповѣданіе.*

Апостоль сильно настаиваетъ. Онъ убѣждаетъ своего ученика именемъ Бога, Который есть источникъ всякой жизни, именемъ Иисуса Христа, Который предъ Понтиемъ Пилатомъ представилъ величайшее свидѣтельство, совершилъ славное исповѣданіе. Съ одной стороны представлена Апостоломъ, такимъ образомъ, верховная власть, а съ другой, прекрасный и весьма трогательный примѣръ.

Что можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, величественнѣе, назидательнѣе и трогательнѣе того исповѣданія, которое Иисусъ Христосъ представилъ всему міру предъ лицомъ Пилата? Исповѣданіе это было проникнуто такимъ смиреніемъ, что Спаситель говоритъ только то, о чемъ его спрашиваютъ, и говоря это, ограничивается самымъ необходимымъ; было на столько мужественнымъ, что Онъ объявляетъ открыто о своемъ царскомъ достоинствѣ, которое осуждали, какъ величайшее преступленіе, и которое враги Христа хотѣли выставить какъ прямое противодѣйствіе власти Кесаря; столь мудрое, что Онъ, открыто провозгласивши свое царское достоинство, представляетъ его въ такомъ сверхъестественномъ видѣ, что устраняетъ этимъ всякій страхъ со стороны царей земныхъ, охраняетъ общественную власть, напоминая о ея божественномъ происхожденіи; столь любвеобильное, наконецъ, что, видя около себя малодушную боязнь, скрываетъ и смягчаетъ виновность ея, уподобляя ее болѣе тяжкому преступленію—вѣроломству своихъ судей и своего предателя.

Это дивное исповѣданіе представляетъ совершеннѣйшій образецъ для исповѣданія мучениковъ и должно служить вѣчнымъ идеаломъ, достойнымъ глубокаго благоговѣнія и безпрестаннаго изученія со стороны тѣхъ, которымъ предоставлена честь исповѣданія истинъ вѣры, въ особенности же тѣхъ, которые, по своему положенію, призваны учить другихъ этимъ истинамъ и защищать ихъ словомъ и писаніями.

14. *Соблюсти тебѣ заповѣдь не скверну, и не зазору, даже до явленія Господа нашего Іисуса Христа.*

Эта власть Божія и этотъ примѣръ Іисуса Христа составляютъ для пастыря Церкви самыя сильныя побужденія къ тому, чтобы поставить свою жизнь сообразно съ званіемъ христіанина и священника, и затѣмъ твердо стоять въ этой жизни даже до конца.

Законъ христіанскій и правила священныя утверждаются на одномъ словѣ: *заповѣдь*. Для преемника и ученика самихъ Апостоловъ не достаточно только принять заповѣдь, необходимо соблюсти ее: соблюсти чисто по отношенію къ заповѣди, безукоризненно по отношенію къ людямъ; и это должно продолжаться не одно мгновеніе, не короткое время, но даже до явленія Господа нашего Іисуса Христа.

Это явленіе Господа нашего Іисуса Христа исполняется двумя способами. Однимъ—личнымъ и тайнственнымъ, который имѣетъ мѣсто во всѣ дни, часы и даже минуты; другимъ—торжественнымъ и всенароднымъ, имѣющимъ совершиться только однажды, и при томъ въ тотъ день, который будетъ послѣднимъ днемъ для всего человѣчества. Основываясь на томъ, что наставленія Апостола относятся ко всѣмъ вѣрующимъ и ко всѣмъ временамъ, можно полагать, что Апостоль, говоря о явленіи Господа нашего Іисуса Христа, имѣетъ въ виду напомнить людямъ тѣ наказанія и награды, которыхъ они должны ждать въ то время. Но почему Апостоль говоритъ о явленіи Іисуса Христа, если гораздо проще и прямѣе было бы сказать о терпѣннн и твердости даже до смерти? Потому, очевидно, что останавливаться на мысли о смерти, значитъ съ земной точки зрѣнія смотрѣть на предѣлъ нашего земнаго странствія; но смотрѣть на предѣлъ нашей жизни, какъ на день явленія Іисуса Христа, значитъ смотрѣть съ точки зрѣнія вѣры. Для христіанина это самый лучший способъ размышленія. Его послѣдній день есть для него день искупленія и надежды. Если онъ долженъ безъ страха созерцать наступленіе этого великаго дня, то и надежда не должна покидать его. Это будетъ день,

когда онъ въ первый разъ сподобится предстать предъ лице, своего Судии и Спасителя, который принесетъ „съ собою его награду“. „Кто любилъ Иисуса Христа, и кто любитъ Его, тотъ долженъ желать Его явленія“, говоритъ бл. Августинъ.

15. *Еже во своя времена явитъ блаженный и единый сильный, Царь царствующихъ и Господь господствующихъ.*

16. *Единъ имъй безсмертіе, и во свѣтъ живой непреступнѣмъ, еоже никтоже видѣлъ есть отъ чловѣкъ, ниже видѣти можетъ: емуже честь и держава вѣчная. Аминь.*

Апостоль приходитъ въ восхищеніе отъ одной мысли объ этомъ славномъ явленіи Иисуса Христа и онъ совершенно правъ. Ибо это будетъ время, когда слава Божія явится во всемъ своемъ величій, когда пути Провидѣнія явятся во всей своей правотѣ, когда всѣ униженія, какимъ подвергался Христосъ и Его Церковь, будутъ съ избыткомъ вознаграждены, когда, по слову пророка, вознесется Господь единъ (Ис. 2, 11).

Дабы показать величіе этого явленія и славу этого дня, Апостоль въ нѣсколькихъ словахъ открываетъ величіе Самого Бога, который имѣетъ явиться въ міръ въ предопредѣленное Имъ время. Онъ одинъ истинно *блаженъ*, поелику не нуждается ни въ чемъ, что внѣ Его, но въ Себѣ Самомъ находитъ полноту всего. Онъ есть Богъ *сильный*, поелику для осуществленія своихъ намѣреній не нуждается ни въ матеріалѣ, ни въ постороннихъ орудіяхъ, и поелику для того, чтобы сдѣлать то, что Ему угодно, Онъ не нуждается ни въ чьей помощи. Онъ есть высочайшій Царь и Господь, которому подчинены всѣ другіе цари и правители и которые по отношенію къ Нему представляются только слабыми, далекими отъ дѣйствительнаго сходства, подобіями. Онъ—Богъ безсмертный по своей природѣ, обладающій безсмертіемъ какъ въ собственномъ смыслѣ, такъ и въ смыслѣ совершенной неизмѣняемости. Онъ отдѣляется по своей сущности отъ всего, что не свойственно Ему, обитаетъ не во *мракѣ*, гдѣ Онъ скрываетъ Себя, но во свѣтѣ столь чистомъ

и столь живомъ, что онъ совершенно недоступенъ для глазъ людей, что на него, равно какъ и на живущаго въ немъ, не способно взирать ни одно сотворенное око. Вслѣдствіе этого, наконецъ, Онъ существенно не видимъ, такъ что никто изъ людей никогда не видѣлъ Его и видѣть не можетъ.

Но при всемъ этомъ, всякое разумное существо знаетъ Бога, такъ сказать, чувствуетъ Его; и когда оно бываетъ способно углубляться въ предвѣчную истину и созерцать ее, то оно непременно видитъ Его, хотя только *яко зеркаломъ въ гаданіи*. Но видѣть Бога открыто, въ Его существѣ, столь невозможно для всякой твари, а тѣмъ болѣе для нашего ограниченнаго разума, что когда намъ говорятъ объ этомъ открытомъ видѣніи Бога, то въ насъ рождается только самое неопредѣленное представленіе о томъ, что такое это видѣніе. Если же нашъ разумъ не въ состояніи опредѣлить даже того, возможно ли это непосредственное видѣніе, то какъ онъ далекъ отъ того, чтобы самому сподобиться этого видѣнія, или достигнуть его собственными усиліями?

Этому блаженному, всемогущему, великому вѣчному, безконечно вознесенному надъ всѣмъ, что не есть Онъ Самъ, Богу, принадлежитъ слава и держава во вѣки вѣковъ. Такимъ образомъ, одно изъ первѣйшихъ дѣйствій вѣры состоитъ въ стремленіи познать Бога; а одно изъ самыхъ чистѣйшихъ движеній любви состоитъ въ томъ, чтобы сорадоваться Его блаженству.

IV.

Обязанности богатыхъ. Не гордиться своими богатствами и не возлагать на нихъ надежды. Дѣлать добро. Обеспечивать себѣ истинное сокровище.

17. *Богатымъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ запрещай не высоко мудрствовать, ниже уповать на богатство погибающее, но на Бога жива, дающаго намъ вся обильно въ наслажденіе.*

Апостоль снова обращается къ наставленіямъ относительно обладанія и пользованія благами жизни. Онъ уже достаточно говорилъ о тѣхъ опасностяхъ, какія представляетъ сребролюбіе, для того, чтобы предостеречь отъ него своего ученика. Но одного этого было еще недостаточно для того, чтобы побудить его исполнять обязанность настыря и учителя собственно по отношенію къ богатымъ. Это уже не совѣты, которые апостольскій ученикъ долженъ былъ обращать къ вѣрующимъ, это прямыя заповѣди, къ исполненію которыхъ онъ долженъ былъ всячески побуждать ихъ.

Въ этихъ заповѣдяхъ ничто не прибавлено, ничто и не забыто; вотъ онѣ:

Первая запрещаетъ надмеваться гордостію—явленіе столь обычное при обладаніи богатствами.

Вторая запрещаетъ возлагать на нихъ свое упованіе, поелику обладаніе богатствами не прочно и не надежно; поелику мы можемъ лишиться ихъ вопреки собственному желанію, и поелику рано или поздно во всякомъ случаѣ должны будемъ разстаться съ ними. Не то бываетъ, когда мы уповаемъ на Бога живаго. Уповать на помощь Божію, значить быть истинно богатымъ; поелику щедрая рука Промысла даетъ намъ не только то, что намъ существенно необходимо, но надѣляетъ насъ всѣми благами, и при томъ въ изобиліи для того, чтобы мы, съ чувствомъ сердечной благодарности, пользовались ими и наслаждались. Этотъ божественный Промыслъ никогда не допускаетъ терпѣть недостатокъ тому, кто не искушаетъ его, но твердо уповаетъ на его всемогущую десницу.

Полагаться единственно на свои богатства, считать ихъ самою твердою опорою въ жизни, забывать, обладая ими, что насъ держитъ въ своей десницѣ само Провидѣніе и мечтать о томъ, что для сохраненія ихъ нѣтъ нужды обращаться къ его покровительству—все это составляетъ прямое нечестіе для христіанина. Но съ другой стороны, значило бы отвергать тѣ благодѣянія, которыми Богъ обста-

вилъ нашу жизнь, значило бы смотрѣть на человѣчество, какъ на нѣчто отверженное и презрѣнное среди міра— лишать его права пользоваться и наслаждаться тѣми временными благами, которыя само же Провидѣніе въ изобиліи разсѣиваетъ для него по землѣ.

18. *Благое дѣлати, богатитися въ дѣлахъ добрыхъ, благодатливымъ быти, общительнымъ.*

Третья заповѣдь повелѣваетъ богатымъ прилежать къ добру, или просто, дѣлать добро; ибо часто случается, что тотъ, кто достигаетъ самъ высшей степени земнаго благополучія, забываетъ о злополучіи другихъ, и, какъ тотъ неразумный богачъ, изображенный въ Евангеліи, онъ говоритъ себѣ: *душе, имаша многа блага: почивай, яждь, пей и веселись* (Лук. 12. 12. 9).

Четвертая заповѣдь научаетъ богатыхъ помышлять о томъ, что есть другія богатства, существуютъ высшія блага, которыя также защищаютъ и украшаютъ нашу внѣшнюю жизнь, научаетъ ихъ вѣрить тому, что истинныя богатства суть богатства души, суть добродѣтели, которыя украшаютъ ее, заслуги, которыя она пріобрѣтаетъ чрезъ добрыя дѣла, которыя облагороживаютъ человека и даютъ возможность, по выраженію Самаго Іисуса Христа, „богатѣть въ Бога“ (Лук. 12, 21).

Пятая заповѣдь внушаетъ богатымъ щедрость. Она научаетъ не давать безъ всякаго разбора, подвергаясь опасности поощрить порокъ чрезъ свое слѣпое великодушіе, но и не провѣрять съ суровою подозрительностію нужды бѣдныхъ, не соразмѣрять съ строгою, противною братской любви, точностію своей помощи съ степенью нужды въ этой помощи; меньше бояться передать, нежели не добавить; благодѣтельствовать не по вынужденію, но, напротивъ, предупредить всякую просьбу, охотно спѣша на помощь нуждѣ и горю.

Шестая заповѣдь предписываетъ отдѣлять часть богатствъ въ пользу бѣдныхъ, быть общительными, охотно

дѣлить свои блага съ бѣдными, поелику, по закону Божию, часть этихъ благъ предназначена и для нихъ.

Двухъ крайностей слѣдуетъ избѣгать по отношенію къ этой заповѣди. Извѣстно, что нѣкоторые, злоупотребляя выраженіемъ Апостола, доказываютъ, что имущество богатыхъ составляетъ общую принадлежность какъ ихъ, такъ равно и бѣдныхъ, и что пользоваться одному кому-либо своимъ богатствомъ просто несправедливо. Другіе, напротивъ, увѣряютъ, что богатый есть полный господинъ надъ своими благами, и что, строго судя, онъ не обязанъ ни какой доли изъ нихъ удѣлять своей братіи. Истина, какъ обыкновенно бываетъ, заключается въ срединѣ между этими двумя крайностями: блага богатыхъ составляютъ ихъ полную собственность; но при употребленіи этихъ благъ они всегда должны имѣть въ виду бѣдныхъ. Они должны удовлетворять крайней нуждѣ ближняго по чувству справедливости, и съ другой стороны, отдѣлять избытки свои въ пользу вообще бѣдныхъ по чувству любви. Но извѣстно, что то, что составляетъ чувство любви въ отношеніи къ ближнему, служитъ простымъ чувствомъ справедливости въ отношеніи къ Богу. Отсюда, пользоваться своими благами и распоряжаться ими вопреки порядку, установленному Самимъ Богомъ, было бы слишкомъ несправедливо со стороны тѣхъ, которые суть, хотя и законные владѣтели своихъ благъ, но тѣмъ не менѣе владѣтели временные и непрочные, состоящіе подъ верховнымъ управленіемъ одного верховнаго Распорядителя.

19. *Сокровищующе себѣ основаніе добро въ будущее, да примутъ вѣчную жизнь.*

Такимъ способомъ, какъ сейчасъ описалъ Апостоль, собираются истинныя сокровища, тѣ сокровища, которыхъ, по слову Спасителя, *ни червь, ни тля тлѣтъ, ни татіе подкапываютъ и крадутъ* (Мѡ. 6, 20).

Есть сокровища для жизни настоящей, есть сокровища и для жизни будущей; но особенно замѣчательно здѣсь у Апостола то, что сокровища жизни настоящей, сами по себѣ

тлѣнныя и скоропреходящія, если только они обращаются людьми на доброе употребленіе, могутъ составить самыя прочныя основы для жизни будущей, послужить залогомъ блаженной вѣчности.

Какъ мудро это ученіе Апостола! Какъ оно достойно религіи, долженствующей служить достояніемъ всѣхъ классовъ людей, долженствующей удовлетворить потребностямъ всѣхъ временъ и народовъ! Апостоль не осуждаетъ богатствъ; онъ не исключаетъ богатыхъ изъ царства Божія, не отнимаетъ у богатыхъ и возможности достиженія христіанскаго совершенства, какъ это дѣлали потомъ гностики и другіе еретики, на которыхъ онъ самъ указываетъ. Апостоль указываетъ только тѣ чувства, съ которыми богатые должны обладать своими богатствами, то употребленіе, которое они должны дѣлать изъ нихъ; и этимъ какъ нельзя лучше содѣйствуетъ удовлетворенію нуждъ бѣдныхъ, сохраняя въ тоже время достоинство этихъ послѣднихъ. Пробуждая въ богатыхъ эти чувства, заставляя ихъ пользоваться своими благами такъ, какъ онъ имъ внушаетъ, Апостоль опирается при этомъ единственно на сужденія о божественномъ міроуправленіи и о жизни будущей—на томъ, что всего ближе и естественнѣе для служителя Евангелія. Но какъ эти чувства были бы благодѣтельны для общества! Если бы всѣ богатые были одушевлены ими, если бы они дѣлали изъ своихъ богатствъ такое употребленіе, какое внушаетъ имъ Апостоль, то куда дѣвалась бы та глубокая ненависть, которую почти всегда питаютъ къ богатымъ бѣдняки и угнетенные! Какъ рѣдко слышался бы отъ нихъ несправедливый ропоть, и хула на божественное Провидѣніе! Какъ мало нашли бы для себя благопріятной почвы въ обществахъ всѣ эти жалкіе проекты соціальныхъ реформъ, сопровождаемыхъ нерѣдко открытыми революціями! Съ какимъ спокойствіемъ обладали бы своими благами сами богатые! и какое неоцѣненное сокровище мира и радости они доставили бы себѣ на все время своей настоящей жизни! Да, изъ всѣхъ радостей жизни самая чистая и самая животвор-

ная есть та радость, которую мы вкушаемъ въ простомъ, скромномъ и благородномъ выполненіи дѣлъ любви.

20. *О Тимоѳее, преданіе сохрани, уклоняясь скверныхъ суесловіи (нововведеній) и прекословіи лжеименнаго разума.*

Послѣ столь многихъ и столь прекрасныхъ наставленій, Апостоль дѣлаеть выводъ изъ всего сказаннаго и снова возбуждаетъ вниманіе ученика. Этотъ выводъ касается всего содержанія посланія, и въ особенности его догматическаго ученія.

О Тимоѳее, преданіе сохрани. Ученіе церкви и заключаетъ въ себѣ это преданіе. Одинъ изъ церковныхъ писателей V-го вѣка, такъ перефразировалъ эти слова Апостола: „*преданіе сохрани*, т. е. не то, что ты открылъ, но то, что тебѣ ввѣрено; то что ты получилъ отъ другихъ, а не то, что самому тебѣ нужно бы измышлять; то, чего нѣтъ въ собственномъ его умѣ, но что пріобрѣтается отъ предшественниковъ; что не должно быть обращено въ какую либо частную принадлежность, но что должно быть передаваемо изъ рукъ въ руки всѣмъ и каждому; то, по отношенію къ чему ты долженъ стать не производителемъ, но хранителемъ, не только учителемъ, но и усерднымъ послѣдователемъ своихъ предшественниковъ; не только человекомъ, который указываетъ путь, но и такимъ, который побуждаетъ слѣдовать руководителямъ, бывшимъ до него“.

Для вѣрнаго храненія этого преданія недостаточно только не допускать нововведеній въ ученіи, необходимо избѣгать пустословія въ выраженіи священныхъ истинъ. „Философы, говоритъ блаженный Августинъ, имѣли полную свободу въ языкѣ и они не боялись, говоря о вещахъ трудныхъ для пониманія, оскорблять религіозный слухъ; но для насъ говорить сообразно съ опредѣленными правилами составляетъ насущную необходимость, поелику мы боимся того, чтобы свобода языка не породила нечестивыхъ мнѣній“. Какъ есть здоровое ученіе, такъ и здравый языкъ, наиболѣе способный къ выраженію этого ученія. Это, впрочемъ, не значитъ того, что для выраженія древняго ученія

нельзя употреблять новыхъ словъ. Ибо какъ бы оно ни было совершенно по своему происхожденію, необходимо употреблять обычныя слововыраженія, свойственныя тому или другому времени, или, чтобы лучше выяснить самое ученіе, или чтобы этимъ самымъ обнаружить недостатки и заблужденія нововводителей и остановить развитіе ереси. Въ этомъ смыслѣ, нововведенія въ выраженіи ученія не только не опасны, но даже весьма здравы и полезны. Такія нововведенія всегда допускала и сама Церковь. И что всегда болѣе замѣчательно здѣсь, такъ это то, что вводя въ употребленіе новыя слова, Церковь не изобрѣтала ихъ въ то же время: они пораждались самымъ ученіемъ, они производились какъ бы сами собою и входили въ языкъ церковныхъ писателей прежде, чѣмъ были торжественно освящены для употребленія всею Церковью.

21. *О немъ же нѣкимъ хвалящемся о вѣрѣ погрѣшима.*

Есть знаніе истинное и знаніе ложное, знаніе кромѣ того, *лжеименное*, которое прикрывается ложнымъ именемъ. Знаніе истинное есть то, которое сообразуется съ вѣрою и благочестіемъ. Первымъ признакомъ знанія ложнаго служитъ его постоянная склонность къ противодѣйствию и къ противленію принятому ученію; затѣмъ, второй признакъ составляетъ легкомысленное отношеніе къ дѣламъ божественнымъ. Первое отличается простотою и доступностію; второе, напротивъ, туманностію и отвлеченностію. Первое укрѣпляетъ вѣрованіе людей и установившіеся законы ихъ жизни, второе, напротивъ, возбуждаетъ докучливыя сомнѣнія и предоставляетъ человѣку руководиться собственными страстями и прихотями.

Если для учителя Церкви, для ученика самихъ Апостоловъ, необходимо хранить чистоту въ самыхъ словахъ ученія, то тѣмъ болѣе необходимо для него не допускать себя увлекаться пагубными прельщеніями лжеименнаго, знанія, которое постоянно противодѣйствуетъ самой вѣрѣ, и

даже ведетъ къ полному уничтоженію ея въ людяхъ. Ибо, по ученію самихъ Апостоловъ, тотъ, кто предается лжеименному знанію, не только теряетъ праведность, оскудѣваетъ въ любви, которая составляетъ сущность праведности, но отпадаетъ отъ самой вѣры, которая служитъ основаніемъ той и другой вмѣстѣ. Кому не извѣстны печальные примѣры этого? Не говоря уже о простыхъ вѣрующихъ, епископы, пресвитеры, самые учителя вѣры отпадали отъ вѣры. Вся исторія Церкви подтверждаетъ это. Извѣстно, что, такъ сказать, изъ алтаря Церкви выходили основатели наиболѣе опасныхъ ересей. И по истинѣ, одно это должно побуждать служителей алтаря держать себя въ глубокомъ смиреніи и быть особенно внимательными къ наставленіямъ Апостола. *Ты же, пишетъ Апостоль, вѣрою стоиши, не высокоумрствуй, но бойся* (Рим. 11, 20).

Изъ послѣднихъ, столь ясныхъ, увѣщаній Апостола нельзя не увѣриться твердо въ томъ, что онъ во всемъ своемъ посланіи имѣлъ въ виду гностицизмъ, начавшій въ то время появляться. Названіе *лжеименнаго разума* въ то время было какъ нельзя больше приложимо къ ересямъ Симона и Менандра, точно также какъ въ слѣдующемъ вѣкѣ оно было вполне приложимо къ ересямъ Василида, Валентина, Маркіона и Офитовъ.

Благодать съ тобою. Аминь.

Апостоль оканчиваетъ свое посланіе также, какъ и началъ. Въ началѣ онъ привѣтствовалъ Тимоѳея благодатию, того же самого желаетъ ему и теперь. Желаніе это есть самое глубокое и искреннее желаніе христіанъ, объединяющее въ себѣ и дополняющее собою все другія благожеланія и привѣтствія. Ибо безъ благодати все окружающее насъ остается совершенно безразличнымъ для насъ въ настоящей жизни; все лучшее, что только мы предпринимаемъ и исполняемъ, остается несовершеннымъ и стоящимъ, при томъ, внѣ всякаго отношенія къ жизни будущей. Но съ нею и

чрезъ нее все въ насъ становится сверхъестественнымъ, животворнымъ и драгоценнымъ. Она просвѣщаетъ нашъ духъ, ободряетъ душу, сообщаетъ намъ истинную жизнь и силу, которая поддерживаетъ и сохраняетъ эту жизнь, и которая, путемъ постояннаго усовершенствованія, доводитъ насъ даже до блаженнаго созерцанія Самого Бога и радости по Бозѣ. Аминь.

Второе посланіе

АПОСТОЛА ПАВЛА КЪ ТИМОФЕЮ.

Общій обзоръ втораго посланія.

Это посланіе по всей вѣроятности послѣднее изъ написанныхъ ап. Павломъ. Написано оно во время вторыхъ его узъ и за нѣсколько мѣсяцевъ до его мученической кончины. Это посланіе можно считать, согласно, съ св. Златоустомъ, завѣщаніемъ великаго Апостола. Хотя въ немъ трактуется большею частію о томъ же, что и въ первомъ посланіи, но инымъ образомъ, съ большею живостію и силою. Въ немъ чувствуется душа, достигшая полной зрѣлости жизни, слышится учитель, убѣждающій съ авторитетомъ, какой даетъ ему созерцаніе близкой смерти, желающій мученичества и обладающій уже силою и благодатію его. Поэтому, взявши въ руки это посланіе, не оторвешься отъ него, пока не дочитаешь до конца. Недостатокъ порядка въ изложеніи и замѣчаемыя въ немъ отступленія не только не ослабляютъ вниманія, но возбуждаютъ оное. Встрѣчаемыя въ немъ историческія подробности усиливаютъ интересъ и увлекаютъ читателя. Это послѣдній взоръ Апостола, обращенный къ своимъ ученикамъ: онъ называетъ ихъ по имени; это картина опустошеній, какія имѣли произвести въ Церкви зарождавшіяся ереси, и пророческое предсказаніе раз-

витія и уничтоженія ихъ предъ глазами Тимоѳея; этимъ посланіемъ открывається эра преслѣдованія Церкви.

Церковь ефесская была въ то время твердо устроена; правила, данныя Апостоломъ своему ученику для устроенія и управленія ею, не допускали ничего желать лучшаго; и ничто не доказываетъ, чтобы ихъ не уважали. Тѣмъ не менѣе снова нужно было возвратиться къ нимъ. Пусть будетъ Тимоѳея или кто другой, но всегда нужно возбужденіе къ вѣрности правиламъ, къ совершенному исполненію долга, особенно въ виду тяжелыхъ обстоятельствъ и опасной борьбы. Это цѣль втораго посланія къ Тимоѳею. Въ немъ содержится не столько наставленій, сколько увѣщаній; но трудно представить увѣщаніе болѣе убѣдительное, нѣжное и сильное.

Ап. Павелъ въ этомъ посланіи главнымъ образомъ старается воодушевить благочестіе своего ученика, возбудить его ревность въ исполненіи вѣреннаго ему служенія и особенно укрѣпить его душу въ привязанности къ вѣрѣ, показать ему вѣрныя средства къ распространенію и утвержденію ея, возбудить къ мужественному терпѣнію среди гоненій и преслѣдованій за дѣло Іисуса Христа и Его Церкви. Отсюда въ этомъ посланіи, вмѣстѣ съ великими догматическими мыслями, которыхъ онъ никогда не оставляетъ безъ вниманія, сердечныя изліянія касательно его собственной жизни, изображенія того, что онъ слѣлалъ и что дѣлаетъ еще, того, что претерпѣлъ, и что терпитъ за это святое дѣло, и эта твердая увѣренность въ приготовленной для него наградѣ, а также и всѣмъ, кто подобно ему, до конца будетъ подвизаться добрымъ подвигомъ вѣры и правды.

Служителю Іисуса Христа не можетъ быть болѣе полезнаго чтенія, какъ это посланіе, для укрѣпленія себя среди испытаній, для приготовленія къ преслѣдованіямъ, для утѣшенія среди бѣдствій, для приобрѣтенія спокойствія въ виду всѣхъ соблазновъ, увѣренностію въ данныя Церкви

обѣтованія и надеждою благъ, назначенныхъ вѣрнымъ до конца.

Это посланіе слѣдовало бы прочитать за одинъ разъ, чтобы произвести на душу полное его дѣйствіе. Неизбѣжныя при толкованіи раздѣленія и остановки, стихъ за стихомъ, могутъ только почти ослабить производимое имъ впечатлѣніе. Но за то толкованіе можетъ пособить къ лучшему проникновенію въ смыслъ его, и когда этотъ смыслъ будетъ лучше понятъ, тогда оно, безъ сомнѣнія, снова прочитано будетъ съ большимъ утѣшеніемъ, и съ большею пользою.

Глава первая

ПРЕДИСЛОВІЕ.

1. *Павелъ, Апостолъ Іисусъ Христовъ, волею Божіею, по обѣтованію жизни, яже о Христвъ Іисусъ.*

2. *Тимоею, возлюбленному чаду, благодать, милость, миръ отъ Бога Отца, и Христа Іисуса Господа нашего.*

Это почти тоже самое предисловіе, что и въ первомъ посланіи: имя и титулъ Апостола, воля Божія, первый источникъ его призванія и проповѣдь жизни въ Іисусѣ Христвѣ, составляющая высочайшую его цѣль. Это тѣже самыя свидѣтельства любви и отеческой нѣжности къ Тимоею и выраженіе тѣхъ же желаній благодати милосердія и мира отъ Бога Отца и Іисуса Христа, нашего Господа. Не слѣдуетъ этому удивляться: есть истины, есть чувства, которыя всегда слѣдуетъ повторять и которыя составляютъ основаніе всѣхъ другихъ. Такого рода истина и призваніе къ апостольству. Ап. Павелъ повторяетъ ее во всѣхъ своихъ посланіяхъ, но нигдѣ не представляетъ ее съ такою выразительностію, какъ въ своемъ посланіи къ Галатамъ: *Павелъ Апостолъ, говоритъ онъ тамъ, ни отъ человекъ, ни человекомъ, но Іисусъ Христомъ и Богомъ Отцемъ.* Особенное свойство Апостоловъ и отличительный характеръ ихъ призванія составляетъ то, что они непосредственно призваны самимъ Іисусомъ Христомъ. Пріемники ихъ не имѣютъ

этого преимущества. Они призваны при посредствѣ чело-
вѣковъ, хотя и Богомъ и волею Божіею. Повелѣніе Божіе
есть источникъ ихъ призванія; божественное право есть
особенный характеръ власти ихъ служенія и это составляетъ
особенное ея отличіе отъ всякой гражданской и политичес-
кой власти. Ибо хотя и справедливо, что *нѣтъ власти на*
землѣ, которая была бы не отъ Бога и что законно поста-
вленные *существующія власти отъ Бога установлены* (Рим.
13, 1), однако большое различіе между способомъ проис-
хожденія отъ Бога власти гражданской и церковной. Власть
дана обществу общимъ образомъ; а церкви она ввѣрена
непосредственно Иисусомъ Христомъ. Богъ отнюдь не опре-
дѣлялъ формы общественнаго правленія, а слѣдовательно
не указалъ тѣхъ, которые облечены въ немъ общественною
властію, но напротивъ опредѣлилъ существенную и неиз-
мѣнную форму устройства и правленія своей Церкви; Самъ
Онъ избралъ первыхъ представителей ея, ввѣрилъ имъ свою
власть, далъ имъ право и поручилъ обязанность передавать
полученное ими, по установленнымъ формамъ, до конца вѣковъ.
Итакъ хотя есть божественное и во власти общественной, но
главное здѣсь-человѣческое, земное, измѣняющееся; въ устрой-
ствѣ же и въ формахъ правленія Церкви все божественно
и все должно совершаться по повелѣнію и *по волю Божіей*.
Прибавленныя Апостоломъ слова: *по обѣтованію жизни,*
или же яснѣе, чтобы *возвѣщать обѣтованіе жизни, яже о*
Христѣ Иисусѣ, открываютъ намъ второе, не менѣе зна-
чительное, различіе между гражданской и церковною вла-
стію. Первая имѣетъ прямою и непосредственную цѣлю
порядокъ и спокойствіе настоящей жизни; вторая-обѣщаніе
и обладаніе жизнью будущею. Первая существовала до при-
шествія Иисуса Христа на землю и теперь еще существуетъ
у народовъ, не знающихъ Его; вторая существуетъ только
со времени установленія ея Иисусомъ Христомъ и она есть
собственно царство Сына Божія. Такимъ образомъ одна
власть, по своему собственному характеру, ограничена из-
вѣстнымъ временемъ и связана съ извѣстнымъ мѣстомъ;

другая повсемѣстная (каѳолическая), т. е. простирается на всѣ времена и на всѣ мѣста земли. Эти двѣ власти, какъ и общества управляемыя ими, слѣдовательно и по происхожденію и по существу отличны одна отъ другой. Онѣ также естественно независимы; но онѣ могутъ соединяться, не смѣшиваясь одна съ другою, и помогать взаимно, не поработая одна другой. Благоустроенное политическое общество, въ которомъ царствуетъ христіанство, и которое отъ христіанства получаетъ свою цивилизацію, поэтому самому, должно быть обязано ему величайшимъ уваженіемъ и особеннымъ покровительствомъ.—Эти догматическія размышленія имѣютъ свою важность, но онѣ не должны закрывать отъ насъ нравственныхъ наставленій, которыя содержатся въ словахъ Апостола. Воля Божія есть верховное начало призванія къ служенію апостольскому и правило, по которому оно должно быть совершено. Поэтому горе тому, кто вторгается въ это служеніе безъ воли Божіей, или кто совершаетъ оное не по этому правилу. Цѣль этого служенія возвѣщеніе исполненія божественныхъ обѣтованій и устроеніе въ душахъ царства Іисуса Христа. Весьма слѣпъ тотъ, кто предполагаетъ себѣ въ немъ искать своихъ собственныхъ интересовъ, и который къ этой божественной цѣли примѣшиваетъ свои чисто человѣческіе виды.

Для достойнаго совершенія этого служенія необходима *благодать, милосердіе и миръ: благодать, ибо какъ безъ благодати Духа Божія сдѣлаться достойными служителями новаго завета, не по буквѣ, но по духу?—Милосердіе, ибо какъ убѣдить души въ великихъ, данныхъ имъ, обѣщаніяхъ, если милосердіе Божіе не дастъ имъ утраченной надежды и не возвыситъ ихъ надъ ними самими?—Миръ, ибо какъ съ пользою совершать служеніе примиренія, если не находишься въ мирѣ съ Богомъ, и устроить миръ въ душахъ, когда въ самомъ себѣ не умиретворены духъ и сердце?*

I.

Любовь ап. Павла къ Тимоѳею. Что сдѣлала для него благодать. Его воспитаніе въ вѣрѣ.

3. Благодарю Бога, емуже служу отъ прародителей чистою совѣстію, яко непрестанную имамъ о тебѣ память въ молитвахъ моихъ день и ночь. Хотя чувствованія Тимоѳея были Апостолу очень извѣстны, однако онъ сильныя наставленія, которыя хочетъ дать своему ученику, предначинаетъ словами любви и благоволенія. Такъ онъ дѣлаетъ всегда въ своихъ посланіяхъ, когда имѣетъ чего-нибудь достигнуть великаго или труднаго отъ тѣхъ, къ кому обращается. Этимъ онъ учитъ насъ, хотя бы мы проповѣдывали слово, предъ которымъ все должно склоняться, тѣмъ не менѣе не имѣемъ права не обращать вниманія на человѣческую снисходительность, и что предосторожность, указываемая мудростію и опытностію, должна быть принимаема тѣмъ съ большею заботою, когда приходится говорить о строгихъ истинахъ, требующихъ отъ слушателей большихъ усилій, истинныхъ жертвъ, или такихъ, которыя бы внушали имъ, какъ и естественно, нѣкоторое недовѣріе.

Обычное также свойство рѣчи Апостола начинать благодареніемъ Богу, и что сообщаетъ рѣчи религіозный характеръ, захватывающій душу и дѣлающій ее чувствительнѣе къ дѣйствию божественной благодати. Но рѣдко Апостоль говоритъ съ похвалою о своихъ предкахъ и первыхъ годахъ своей жизни. Поэтому въ упоминаніи его здѣсь объ этомъ нужно видѣть довѣріе друга, черту сходства съ своимъ ученикомъ, первое воспитаніе котораго было также религіозное; и это сходство должно было тронуть сердце Тимоѳея. Сверхъ того это было начало благодѣяній Божіихъ Павлу; и немалое, дѣйствительное, благодѣяніе принадлежать родителямъ, которые знали Бога, которые служили Ему, и научили насъ познавать Его и съ искренностію служить Ему.

Но это благодѣяніе религіознаго воспитанія и эта искренность совѣсти не предохранила непогрѣшимо отъ всякой ошибки и заблужденія. Ревность къ отеческой религіи, даже истинной, имѣетъ свои крайности, и можетъ имѣть очень вредныя слѣдствія. Потому что совѣсть, находящаяся въ заблужденіи вслѣдствіе предразсудковъ рожденія, хотя не упрекаетъ ни въ чемъ, и хотя въ этомъ смыслѣ она можетъ быть названа чистою, она не извиняетъ всегда. Великій примѣръ этому—св. апостоль Павелъ. На немъ буквально исполнились слова Господа: *изгонятъ васъ изъ синагогъ; даже наступаетъ время, когда всякій убивающій васъ, будетъ думать, что онъ тѣмъ служитъ Богу* (Рим. 13, 1). Кто не усомнится въ оболъщеніи совѣсти, видя, что не теряя спокойствія и слѣдуя ей внушеніямъ, можно дойти до преслѣдованія Церкви Божіей.

Но въ особенности Апостоль свидѣтельствуетъ свою любовь къ своему ученику тѣмъ, что непрестанно *вспоминаетъ о немъ, день и ночь въ своихъ молитвахъ*. Обязанность епископа безпрестанно молиться за возведенныхъ имъ въ священство, и особенно всякаго пастыря молиться за ввѣренныя ему души. Хотя бы мы имѣли все знаніе и краснорѣчіе апостольское, и тогда мы не свободны бы были отъ этой обязанности. Плодъ служенія пастыря больше связанъ съ этими нощными и дневными молитвами, которыми Богъ бываетъ свидѣтель, чѣмъ съ блестящими работами науки и слова.

4. *Желая видѣти тя, поминая слезы твоя, да радости исполнюся.*

Понятно, что въ разлукѣ съ св. Павломъ, Тимоѳеѣй проливалъ слезы, какъ это было въ Ефесѣ, при прощаніи съ Апостоломъ (Дѣян. 20, 37). Страсти и природа имѣютъ свои слезы, но и благочестіе имѣетъ также свои и надобно изъ числа ихъ цѣнить тѣ, которыя проливаетъ христіанская дружба, ибо это суть тѣ слезы, которыя освятилъ примѣромъ своимъ Иисусъ Христосъ, когда плакалъ надъ гробомъ друга. Чтобы быть Апостоломъ, нѣтъ необходимо-

сти быть нечувствительнымъ, ни къ горестямъ дружбы, ни къ ея радостямъ. Тѣ, которые представляются безразличными къ утѣшеніямъ, доставляемыхъ законными привязанностями жизни, очень могутъ быть подозрѣваемыми въ томъ, что не имѣютъ въ сердцѣ ни любви къ Богу, ни къ людямъ, и любятъ только самихъ себя. Эгоизмъ, а не благодать, дѣлаетъ сердце камнемъ, и утѣшать друга къ горести, или сочувствовать своимъ присутствіемъ его радости, не есть слабость, особенно когда въ этомъ виденъ перстъ Божій и находится случай къ утвержденію въ добрѣ.

5. Воспоминаніе приема о сущей въ тебѣ нелицемѣрной вѣрѣ, яже вселися прежде въ бабу твою Лоиду и въ мать твою Евникію: извѣстенъ же есмь, яко и въ тебе.

Апостоль ничего не оставляетъ безъ вниманія, что можетъ свято тронуть сердце его ученика, но все это онъ возвышаетъ мыслями высшаго порядка. Онъ говоритъ о его бабѣ, его матери, называетъ ихъ по именамъ, хвалитъ искренность и твердость ихъ вѣры; это и Тимоѳеѣй получилъ отъ нихъ въ наслѣдіе, это семейное преданіе, которое онъ продолжаетъ. Апостоль увѣренъ, что Тимоѳеѣй обладаетъ этою материнскою вѣрою, и съ этого онъ выходитъ, обращаясь къ нему съ своими наставленіями и увѣщаніями. Богъ призываетъ кого хочетъ и въ служители Себѣ избираетъ кого Ему угодно. Но особенно благопріятны для призванія къ священству лица, принадлежація къ семействамъ, гдѣ вѣра и благочестіе наслѣдственны, и рано домашними уроками и примѣрами пріобрѣвшія любовь къ религіи, честность нравовъ и привыкшія къ исполненію христіанскихъ добродѣтелей.

II.

Обязанности служителя Ісуса Христа. Возгрѣваніе благодати священства. Облегченіе духомъ силы. Мужественное исповѣданіе Ісуса Христа. Примѣръ ап. Павла.

6. Ея же ради вины воспоминаю тебѣ возгрѣвати даръ Божій, живущій въ тебѣ возложеніемъ руку моею.

Вѣра, составляющая основаніе и корень праведности христіанской, служитъ также исходнымъ пунктомъ всѣхъ наставленій пастырямъ и народу.

Все у христіанина сводится къ вѣрному сохраненію и возгрѣванію полученной при крещеніи благодати; у священника же все сводится къ сохраненію и возгрѣванію благодати, полученной при посвященіи.

Весьма важно это напоминаніе Апостола, и практическая истина, какую оно выражаетъ, имѣетъ высочайшую важность. Природа наша такъ создана, или лучше поставлена грѣхомъ въ такое состояніе, что все приходящее свыше умалается въ ней какъ бы само собою. Огонь благодати потухаетъ, если не поддерживать его горѣнія, постоянно доставляя ему дѣятельность. И чувство духовное, чувство божественнаго, чувство священническое, ослабляется, если не оживлять его, если не возгрѣвать его отъ времени до времени. Молитва, чтеніе, благочестивыя упражненія имѣютъ силу сохраненія благодати крещенія и священства. Уже во времена апостольскія, когда рукоположеніе происходило отъ Петра и Павла, боялись ослабленія и потери священнической благодати; на сколько же опасны переживаемыя нами времена эгоизма, нравственнаго ослабленія и развращенія.

7. Не бо даде намъ Богъ духа страха, но силы и любви и цѣломудрія.

Благодать священства есть плодъ Духа Божія, а также и самый духъ, который Богъ производитъ въ насъ для

борьбы съ этими слабостями, эгоизмомъ и развращеніемъ вѣка и для торжества надъ ними.

Общій характеръ этого духа—отсутствие въ немъ духа *страха*. Посылая въ первый разъ Апостоловъ на проповѣдь, Иисусъ Христосъ трижды обращается къ нимъ съ наставленіемъ: *остерегайтесь людей, но не бойтесь ихъ. Не бойтесь убивающихъ тѣло, душу же не могущихъ убить; а бойтесь больше того, кто можетъ душу и тѣло погубить въ гееннѣ. Еще разъ не бойтесь* (Матѳ. 10, 17. 26. 28. 31). Но увѣщая такимъ образомъ не бояться, Иисусъ Христосъ не обращался къ силѣ слѣпой и чисто естественной души; Онъ напоминаетъ имъ обязанность простоты и благоразумія; Онъ относилъ ихъ мужество, какъ и рѣчи ихъ, къ Св. Духу (Іоан. ст. 20), и поддерживалъ ихъ противъ людскаго страха мыслию и чувствомъ страха Божія.

Ап. Павелъ удивительно здѣсь входитъ въ ученіе своего Учителя. Священническій духъ есть *духъ силы*, мужества. Но есть сила темперамента и есть также сила гордости. Эти роды силы часто встрѣчаются у людей самыхъ чуждыхъ Духу Божію. Нѣ объ этой силѣ, не о такомъ мужествѣ говоритъ Апостоль; и съ естественною радостію, съ большою мягкостію характера, съ искреннимъ недовѣріемъ самому себѣ, можно имѣть мужество и силу, происходящія отъ Духа Божія. Это мужество существенно есть сила души противъ самой себя, и особенно противъ гордости и лѣности—этихъ двухъ великихъ слабостей нашей природы; это твердость, которая не склоняется предъ правилами міра и людскими расчетами; это спокойное терпѣніе, которое, не поддаваясь, переноситъ всѣ неблагоприятности людскія и испытанія, происходящія отъ Бога. Эта сила основывается на страхѣ Божіемъ; ибо бояться всемогущаго Бога значитъ не имѣть слабости, а имѣть свѣтъ и силу души; источникъ же свой эта сила имѣетъ въ любви Божіей. Свойственный евангелію духъ есть духъ любви. И эта любовь не ослабляетъ души, но возвышаетъ ее, не обезсиливаетъ, но укрѣпляетъ ее. Любовь человѣ-

ческая, имѣющая чувства всегда своими участниками, если не подстрекателями, отягощаетъ душу и стѣсняетъ ея свободу; но любовь божественная дѣлаетъ душу свободною. Она имѣетъ свои ласки, свои угожденія, свои восторги, но особенно она имѣетъ божественную силу, которая дѣлаетъ ее способною восторжествовать надъ всѣмъ: *любовь крѣпка, какъ смерть; ревность любви неумолима, какъ адъ; стрѣлы ея—стрѣлы огненныя; большія воды не могутъ потушить любви и рѣки не зальютъ ея* (Пѣсн. 8, 7). Эта божественная сила любви въ отношеніи къ ближнему проявляется различнымъ образомъ. Она терпѣливо переноситъ его недостатки, его странности, не вступая однако въ сдѣлку съ порокомъ и заблужденіемъ; она не приходитъ въ уныніе отъ ея слабостей; она не отвѣчаетъ на оскорбленія и за преслѣдованія мститъ только терпѣніемъ.

Предоставленное самому себѣ и одушевляющей его горячности, мужество человѣческое имѣетъ свои границы, но оно имѣетъ также и свои крайности. Мужество же, внушаемое Св. Духомъ, не есть безразсудная и опрометчивая горячность; оно возбуждаетъ душу, но и умѣряетъ ее. Если оно не боится опасности, то и не напрашивается на нихъ. Оно переноситъ преслѣдованія, не сгибаясь предъ ними, но и остерегается вызывать ихъ.

Мудрость есть соль—общее свойство всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей. Предаваться неблагоразумно и внутреннимъ движеніямъ любви Божіей значитъ подвергать опасности свою духовную жизнь.

8. *Не постыдися убо свидѣтельствомъ Господа нашего Иисуса Христа, ни мною юзникомъ Ею: но спостражди благовѣствованію Христову по силѣ Бога.*

Мужество служителя евангелія обнимаетъ три предмета: Иисуса Христа, священство и евангеліе.

Горе священнику, который постыдился бы свидѣтельствовать объ Иисусѣ Христѣ и который соблазнился бы Имъ! Нападенія, предметомъ которыхъ былъ Спаситель во второй половинѣ прошедшаго столѣтія, не возобновляются

почти въ наше время. Пантеистическій и мистическій атеизмъ почитаетъ Иисуса Христа или удивляется Его идеалу. Иисусъ Христосъ въ глазахъ пантеистовъ этого рода есть человѣкъ, въ которомъ было наиболѣе божественнаго; но они отвергають божество Его лица и совершенное Имъ искупленіе. Другіе люди, вѣрующіе въ Бога и Его провидѣніе, отвергають также совершенное Имъ искупленіе.

Наша слава, наше счастье состоитъ въ свидѣтельствѣ этихъ святыхъ истинъ; исповѣдывать ихъ, учить имъ, защищать ихъ, быть готовыми умереть за нихъ, знать только Иисуса Христа, хвалиться только Иисусомъ Христомъ, быть привязаннымъ къ кресту Иисуса Христа— истинная наука, благородное честолюбіе, которыя должны быть жизнію епископа и пресвитера. Кто не стыдится Иисуса Христа, и кто знаетъ Его, тотъ не будетъ стыдиться и священства. Не довольно не стыдиться евангелія, надобно трудиться, надобно страдать за него по мѣрѣ полученной отъ Бога силы. Какая слава въ проповѣди евангелія быть сотрудникомъ Павла, Петра и самого Иисуса Христа! Но съ другой стороны, какого благоговѣнія, какой вѣрности требуетъ такое служеніе! Необходимо при этомъ мужество, потому что евангеліе заключаетъ тайны, устрашающія разумъ человѣческой; оно учитъ нравственности, которая кажется слишкомъ строгою нашей слабой природѣ; она налагаетъ требованія, унижительныя для нашей гордости.

Проповѣдуя чистое евангеліе, даже со всею снисходительностію мудрости и любви пастырской, мы возбуждаемъ гнѣвъ міра, вызываемъ ненависть заинтересованныхъ людей, подвергаемся насмѣшкамъ и сарказмамъ. Въ глазахъ ученыхъ мы являемся малоумными, въ глазахъ лжемудрыхъ—фанатиками. Необходимо поэтому мужество и мужество не человѣческое. Это святое сотрудничество дѣлу Апостоловъ должно совершаться *по силѣ Божіей*, т. е. не измѣняя ни въ чемъ евангелія, не потворствуя ни въ чемъ, ничего не боясь, въ готовности все терпѣть за истину и правду.

9. Спасшаго насъ и призвавшаго званіемъ святымъ, не по дѣломъ нашимъ, но по своему предложенію и благодати, данный намъ о Христвъ Іисусъ прежде лѣтъ вѣчныхъ.

Обѣщанное спасеніе, принесенное Іисусомъ Христомъ, которое мы содѣваемъ, котораго ожидаемъ въ настоящей жизни и которое исполнѣ совершится въ жизни будущей, служить великимъ побужденіемъ, которое должно поддерживать наше мужество въ нашемъ содѣйствіи дѣлу евангелія.

Іисусъ Христосъ туне прибрѣлъ для насъ спасеніе, и мы призваны къ оному по Его милосердію. Это призваніе свято, потому что начало его свято, собственный предметъ его святость, высочайшая цѣль его сдѣлать насъ вѣчно святыми. Оно не по дѣламъ нашимъ. Началомъ ему или даже побужденіемъ не служатъ ни тѣ дѣла, которыя мы совершили бы, ибо какъ мы совершили бы ихъ, когда еще не существовали?—ни тѣ, которыя мы должны бы были совершить вслѣдствіе призванія Божія. Оно—по собственному опредѣленію, по предложенію Божію и Его благодати, т. е. источникъ свой онъ имѣетъ въ божественной волѣ, которая различаетъ насъ по своему милосердію; оно также не дано непосредственно намъ самимъ, но въ Іисусѣ Христвѣ, въ зависимости отъ Іисуса Христа, силою Его заслугъ, по причинѣ нашего съ Нимъ единенія. Благодать, призывающая и спасающая насъ, находя свое основаніе въ Іисусѣ Христвѣ, находитъ въ Немъ также и свой образецъ. Будучи даровано туне, какъ возвышеніе человеческой природы въ Іисусѣ Христвѣ въ вѣчное единеніе, и какъ проистекающая отсюда благодать, она въ насъ, какъ и въ Немъ, преже всѣхъ временъ, ибо вѣчное опредѣленіе призывающаго насъ милосердія столь вѣрно, благодать, приготавливающая насъ такъ несомнѣнно приобрѣтена, что въ этомъ вѣрномъ смыслѣ она намъ дарована преже всѣхъ вѣковъ.

Не будемъ здѣсь входить глубже въ причины этого божественнаго опредѣленія. Мысли и воля Божія такъ премудры, что носятъ свое оправданіе въ самихъ себѣ. Всѣ

человѣческія разсужденія и объясненія вмѣсто того, чтобы уяснить эти божественныя глубины, только почти увеличиваютъ новый мракъ въ умѣ нашемъ. Достаточно намъ знать, что это опредѣленіе не имѣетъ основанія ни въ требованіяхъ нашей природы, ни въ личныхъ нашихъ заслугахъ, чтобы поразить насъ и привести въ удивленіе въ виду всемилосердой благодати и вѣчной любви Бога нашего: *любовію вѣчною возлюбихъ тя; того ради вовлекухъ тя въ щедроты* (Іез. 31, 3).

10. *Явшеяся же нынѣ просвѣщеніемъ (явленіемъ) Спасителя нашего Іисуса Христа, разрушившаго убо смерть и возсіявшаго жизнь и нетлѣніе благовѣствованіемъ (евангеліемъ).*

Это вѣчное опредѣленіе Божіе, эта благодать, сокровенная въ Богѣ, открылась наконецъ. Она явилась пришествіемъ и свѣтомъ Іисуса Христа и въ двухъ великихъ дѣйствіяхъ, изъ коихъ одно относится къ прошедшему, а другое къ будущему; первое имѣетъ предметомъ жизнь, второе—смерть.

Іисусъ Христосъ разрушилъ смерть, древнюю смерть, сугубую смерть, смерть души и тѣла, съ сопровождающимъ ее разрушеніемъ; онъ разрушилъ въ тайнѣ своей смерти и славнаго воскресенія. Разрушая ее въ Самомъ Себѣ, Онъ разрушилъ ее въ насъ и прославленному человечеству Онъ сказалъ слова пророка: *смерть, Я буду твоею смертію!*

Что касается жизни, которую Онъ намъ даровалъ и совершеннаго нетлѣнія, которое ее завершаетъ, Онъ не всецѣло сообщилъ намъ ее непосредственно. Все, въ этомъ отношеніи, сдѣлается въ удивительномъ порядкѣ: сначала жизнь души, начавшаяся въ тѣлѣ, дѣлающаяся совершенною послѣ разлученія съ тѣломъ; и, когда совершатся земныя судьбы человечества, жизнь и совершенное безсмертіе въ душѣ и тѣлѣ. Евангеліе возвѣщаетъ, чего намъ ожидать и разливаетъ на нашу будущую судьбу самый живой свѣтъ. Это одно изъ великихъ благодѣяній при-

шествія Ісуса Христа. Посмотримъ въ самомъ дѣлѣ на древнія времена. У всѣхъ народовъ сохранилось вѣрованіе въ будущую жизнь, но какая на этотъ счетъ неясность, какая неопредѣленность, какія заблужденія! Въ іудейскомъ народѣ ученіе о безсмертіи души и воскресеніи тѣла не изгладилось всецѣло, но оно столь мало считалось необходимымъ догматомъ этого народа, что можно было быть представителемъ народа въ религіозномъ отношеніи, открыто отвергая эти великія истины. Воскресшій Іисусъ Христосъ распространилъ свѣтъ на эти столь важные вопросы, и евангелію принадлежитъ собственная слава открытія всѣмъ людямъ природы и свойствъ будущей жизни какъ для души, такъ и для тѣла, утвержденія чувственными и неоспоримыми фактами всѣхъ относящихся сюда неясностей и яснаго опредѣленія необходимыхъ для достиженія ея условій. Будемъ изучать и изслѣдовать, при этомъ свѣтѣ евангелія, тайны смерти и жизни. Всѣ неясности, которыя природа распространяетъ на нихъ и которыхъ разумъ не можетъ разъяснить, исчезнутъ какъ бы сами собою. Наша добродѣтель сдѣлается тверже отъ ясности и несомнѣнности, распространяемыхъ на наши надежды, и каковы бы ни были испытанія настоящей минуты, онѣ исчезнутъ отъ нихъ.

11. *Въ неже поставленъ быхъ азъ проповѣдникъ и апостолъ и учитель языковъ.*

Но служитель Божій не долженъ только размышлять объ этихъ истинахъ, услаждаться ими и дѣйствовать при свѣтѣ ихъ; онъ поставленъ для того, чтобы другимъ давать о нихъ познаніе, распространять ихъ, просвѣщать ими народъ. Св. Павелъ былъ проповѣдникомъ евангелія, но онъ былъ также и апостоломъ, т. е. избраннымъ и посланнымъ самимъ Іисусомъ Христомъ для основанія и управленія Его церковію; спеціально же онъ былъ учителемъ народовъ, потому что на это главнымъ образомъ былъ посланъ. Будучи наслѣдниками служенія апостольскаго, мы не обладаемъ онымъ во всей его полнотѣ. Ограниченная извѣстными предѣлами, по повелѣнію Самаго Ісуса Христа, наша

власть не простирается на всѣ народы; но въ извѣстныхъ предѣлахъ мы всѣ проповѣдники евангелія и это очень великая честь и страшная обязанность для нашей немощи и слабости.

12. *Ея же ради вины и сія стражду, но не стыжуся. Въмъ бо, ему же въровахъ, и извѣстихся, яко силенъ есть преданіе (залогъ) мое сохранить въ день онъ.*

Замѣчали, что три качества, отличающія св. Павла, были для него столькими же источниками страданій и преслѣдованій со стороны іудеевъ, лжебратій и язычниковъ. Но не входя въ эту подробность, несомнѣнно, что искренняя и мужественная проповѣдь евангелія привлекаетъ часто на служителей его людскую ненависть и недовѣрія, если не преслѣдованія.

Св. Павелъ страдаетъ; но онъ не ослабѣваетъ не теряетъ мужества, не стыдится своихъ страданій потому что онъ знаетъ, на Кого положилъ свою надежду. Это не философъ, который рассчитываетъ только на самого себя, или успокоиваетъ себя мыслию о широкомъ и неопредѣленномъ взглядѣ Провидѣнія божественнаго. Онъ не надѣется только, не вѣруетъ только, *онъ знаетъ, въ Кого вѣруетъ.* Онъ знаетъ Его благость, какъ еслибы онъ тотчасъ говорилъ съ Нимъ; но онъ знаетъ также и Его силу и знаніе божественнаго всемогущества дѣлаетъ надежду его непоколебимою.

Залогъ, о которомъ говоритъ Апостоль, не есть тѣлесная жизнь, хотя она намъ ввѣрена какъ залогъ, которымъ мы владѣемъ временно, который мы нѣкогда должны будемъ вручить своему Господу, и въ которой нужно будетъ дать Ему отчетъ. Этотъ залогъ, который Господь силенъ сохранить до послѣдняго дня, есть залогъ вѣры, залогъ Его благодати въ насъ, залогъ нашихъ страданій и нашихъ заслугъ. Утѣшеніе для святыхъ составляетъ мысль, что этотъ залогъ не ввѣренъ нашей слабости,—какъ надѣяться, что она вѣрно сохранитъ его?—но любви, вѣрности и всемогуществу Божію.

Когда ап. Павелъ говоритъ о днѣ вѣчности, то довольствуется словомъ: *день оный*. Для христіанина есть мгновеніе, убѣгающее, когда хотятъ схватить его, мракъ его густъ, а свѣтъ рѣдокъ и слабъ, но въ тотъ день вѣчности ничто не уходитъ, ничто не продолжается временно, но все остается; и тамъ царствуетъ полный свѣтъ, не знающій тьмы, которой онъ не будетъ знать до конца.

III.

Частныя обязанности пастыря. Уважать священный языкъ. Хранить добрый залогъ. Трусость однихъ, вѣрность другихъ.

13. *Образъ имѣй здравыхъ словесъ, ихъ же отъ мене слышалъ еси въ вѣрѣ и любви, яже о Христѣ Иисусѣ.*

Мы не приписывали бы значительной важности этой обязанности, еслибы Апостоль не возвращался къ ней во второмъ своемъ Посланіи. Онъ хочетъ, чтобы Тимоѳеѣ имѣлъ предъ глазами, какъ образецъ и какъ свое правило, святая слова, которыя онъ ему предалъ. Не достаточно для пастыря и учителя знать и учить истинѣ, онъ долженъ вѣрно соблюдать правила языка, выражающаго ее. Это нужно вездѣ, но особенно въ ученіи, исполненномъ тайнъ, гдѣ ходишь безпрестанно между противоположными заблужденіями, какъ между двумя пропастями и что вся точность самаго чистаго языка не предасть ихъ никогда совершеннымъ образомъ.

Первое правило въ этомъ отношеніи соображаться съ языкомъ Иисуса Христа и Апостоловъ; и если бы дѣло было только съ умами прямыми и послушными, можно было бы довольствоваться имъ. Но встрѣчаются люди, любопытные въ своихъ изслѣдованіяхъ, смѣлые въ своихъ мнѣніяхъ, любители новизны, которые обезобразили бы языкъ божественный своими произвольными толкованіями и обманули

бы простыхъ, прикрывая свои заблужденія словами, заимствованными изъ св. Писанія. Отсюда необходимость дать новую форму древнему ученію, чтобы предохранить его отъ всякаго измѣненія, тверже защитить его и разоблачать хитрость его враговъ. Это всегда дѣлала Церковь, когда нужно было и какъ нужно было. И когда она предписала, по указанію св. Духа, одушевляющаго ее и присущаго ей, новое выраженіе, то его нужно держаться. Это второе, правило, которое возвращается къ первому, потому что Апостолы живутъ и говорятъ въ своихъ пріемникахъ.

Само въ себѣ и въ своей совокупности ученіе Іисуса Христа кратко выражается въ двухъ великихъ актахъ, въ двухъ добродѣтеляхъ: въ вѣрѣ и любви; не то это значитъ, чтобы надежда не была третьею добродѣтелью, отличною отъ той и другой; но надежда происходитъ отъ вѣры и возвращается къ любви; она занимаетъ средину между тою и другою; и надежда, не называя ее по имени, всегда находится въ сердцѣ, гдѣ царствуютъ вѣра и любовь.

14. *Доброе завѣщаніе (залогъ) соблюди Духомъ святымъ, живущимъ въ насъ.*

Это божественное ученіе есть залогъ и залогъ превосходный. Оно обнимаетъ всѣ истины, которыя человѣку нужно знать, всѣ нравственныя обязанности, которыя нужно исполнить, всѣ установленія, способныя сдѣлать служеніе Богу достойнымъ Его, доставить людямъ милости, въ которыхъ они имѣютъ нужду въ различныхъ обстоятельствахъ своей жизни. Къ этому священному залогу никто ничего не можетъ ни прибавить, ни убавить; ненарушимо онъ можетъ быть сохраняемъ только Духомъ Божіимъ, Который есть его источникъ. Такъ всегда и было въ церкви Христовой, которой Іисусъ Христосъ сказалъ въ лицѣ своихъ Апостоловъ: *и Я умолю Отца, и дастъ вамъ другаго Утѣшителя, да пребудетъ съ вами во вѣкъ. Духа истины, котораго міръ не можетъ принять, потому что не видитъ Его, и не знаетъ Его; а вы знаете Его, ибо Онъ*

съ вами пребываетъ и въ васъ будетъ.... Онъ научитъ васъ всему, и напомнитъ вамъ все, что Я говорилъ вамъ (Иоан. 14, 16. 17. 26). Но каждый пастырь въ частности рискуетъ видѣть этотъ залогъ измѣненнымъ въ своихъ рукахъ, если теряетъ изъ виду предостереженіе Апостола.

Чтобы вѣрно сохранить добрый залогъ, не нужно пренебрегать никакою человѣческою предосторожностью: ни обученіемъ, ни размышленіемъ, ни совѣтами опытности и мудрости; но онъ сохраняется совершенно полезно, въ его цѣлости и полнотѣ только помощію и силою св. Духа. Духъ Св. своєю благодатію живетъ во всѣхъ праведникахъ; онъ сообщается вѣрующимъ въ таинствѣ миропомазаніи; діаконамъ и священникамъ, при ихъ посвященіи, по мѣрѣ обязанностей ихъ служенія; епископамъ же во всей полнотѣ.

15. *Въси ли сіе, яко отвратимася отъ мене вси, иже отъ Асіи, отъ нихъ же есть Фигеллъ и Ермогенъ.*

Необходимое условіе для сохраненія въ себѣ Св. Духа ненарушимо находится въ единеніи съ Апостолами въ лицѣ ихъ пріемниковъ. Св. Духъ обитаетъ только въ церкви; отдѣляться отъ пастырей — значитъ рисковать терять Его.

Различное поведеніе людей въ отношеніи къ пастырямъ церкви заключаетъ довольно важныя обязанности, и Апостоль почель долгомъ обозначить Тимоѳею ту изъ нихъ, которой онъ былъ предметомъ. Кто повѣрилъ бы, еслибы не прочиталъ самъ, что послѣ столькихъ трудовъ, столькихъ страданій, въ Азіи, ап. Павелъ былъ такъ оставленъ? Но когда Провидѣніе повидимому насъ оставляетъ, люди думаютъ, что имѣютъ право также оставлять насъ. Ученики не могутъ ожидать другой участи, чѣмъ Учитель; и къ нимъ, и къ намъ и къ Нему должны относиться слова: *поражу Пастыря и разыдутся овцы* (Мар. 14, 27). Даже и не во времена гоненій нерѣдки нѣкотораго рода отпаденія со стороны вѣрующихъ. При совершеніи

пастырской должности встрѣчаются не только слабые, но и неблагодарные; нерѣдко даже тѣ самые, которые были главнымъ предметомъ любви, попеченій и жертвъ нашей ревности, оказываются менѣе всего признательными и болѣе недостойными. Это трудное испытаніе и полезный урокъ: Богъ допускаетъ это, чтобы въ святомъ дѣлѣ апостольскаго служенія, мы не покушались привязываться къ людямъ. Но великое также утѣшеніе, въ подобныхъ обстоятельствахъ видѣть, что Богъ нашъ Іисусъ Христосъ, что учителя наши св. Апостолы, не были свободны отъ такихъ испытаній, и не имѣя нужды въ этомъ урокѣ, были предметомъ такихъ же несправедливостей.

Бл. Θεодоритъ замѣчаетъ, что если Апостоль между удалившимися отъ него указываетъ вѣрующихъ Азіи и называетъ по имени Фигелла и Ермогена, то это значить, что Тимоѳей былъ епископомъ митрополіи этой страны. Можно прибавить и другое замѣчаніе, не менѣе свидѣтельствующее о любви Апостола: онъ только называетъ по имени оставившихъ его, и снисходительно распространяется о тѣхъ, которые остались ему вѣрными.

16. Да дастъ же милость Господь Онисифорову дому: яко многажды мя упокои, и веригъ моихъ не постыдѣся:

17. Но пришедъ въ Римъ, мощнѣе взыска мя и обрѣте.

Апостоль не довольствуется только упоминаніемъ имени Онисифора, но и указываетъ то, что этотъ вѣрный ученикъ сдѣлалъ для него: онъ часто помогалъ ему въ нуждахъ его и бѣдствіяхъ; онъ не стыдился его узъ; прибывши въ Римъ, этотъ городъ власти, славы и удовольствій, съ великимъ тщаніемъ искалъ его, и наконецъ нашелъ.

Онисифоръ представляетъ образъ вѣрнаго ученика; его поведеніе—образецъ поведенія истиннаго христіанина въ отношеніи къ преслѣдуемымъ и подвергающимся испытаніямъ пастырямъ. Онъ долженъ помогать имъ въ ихъ бѣдствіяхъ, не стыдиться ихъ во время постигающихъ бѣдствій, и тѣмъ болѣе оказывать имъ преданности, чѣмъ

больше они испытываютъ неправдѣ со стороны людей. Великое достоинство апостола и пастыря; но большее, въ нѣкоторомъ смыслѣ, достоинство, заслуживающее большаго уваженія со стороны вѣрующихъ, достоинство узника Иисуса Христа; стыдиться узъ пастыря, значитъ стыдиться самого Иисуса Христа въ священнѣйшемъ Его таинствѣ.

Великая слава, истинное блаженство терпѣть преслѣдованія за правду; но, послѣ этой славы нѣтъ большей славы почитать преслѣдуемыхъ, высказываться въ пользу ихъ, помогать имъ, по мѣрѣ ихъ нуждъ и нашихъ силъ. Такой славы удостоился Онисифоръ. Блескъ Рима не отвратилъ его отъ мысли отыскать узника Христова, и опасности этихъ исканій не удержали его.

18. *Да дастъ ему Господь обрѣсти милость отъ Господа въ день онъ.*

Не страшась предстоящихъ страданій, Св. Павелъ тѣмъ не менѣе не оставался нечувствительнымъ къ христіанскимъ утѣшеніямъ, которыя доставляли ему вѣрующіе ученики. Съ своей стороны, какъ апостоль, онъ весьма трогательно благодарить ихъ за посылаемыя ему утѣшенія. Прежде онъ молилъ Бога о милости къ семейству Онисифора; теперь просить ея для него самого въ день суда.

Приведенное мѣсто, а равно и 19 ст. 4-й гл., показываютъ, что Онисифора въ то время не было въ живыхъ. Чѣмъ мы обязаны своимъ умершимъ благодѣтелямъ, то должны возвратить ихъ семействамъ, не забывая при томъ и самихъ благодѣтелей. Ибо, если Богъ оказываетъ свою милость живымъ, то, какъ учитъ Павелъ, даетъ ее и умершимъ. Въ приведенномъ стихѣ Апостоль даетъ намъ примѣръ молитвы за умершихъ.

И елико во Ефесѣ послужи ми, добръе ты въси.

Тимоѳею лучше другихъ зналъ, какую помощь и какія услуги оказалъ Онисифоръ Ап. Павлу въ Ефесѣ. Апостолу угодно, чтобы онѣ не были забыты. Этимъ желаніемъ апостоль оканчиваетъ похвалу Онисифору, показывая, между

прочимъ, главную причину, руководившую Онисифоромъ въ служеніи ему. Великодушіе, съ которымъ Онисифоръ служилъ Павлу въ Ефесѣ, снискало ему у Бога милость найти апостола въ Римѣ и послужить ему во время его заключенія. Такова воля Провидѣнія. Богъ обыкновенно награждаетъ наши первыя добрыя дѣла тѣмъ, что даетъ намъ совершать еще болѣе важныя и спасительныя дѣйствія.

Глава вторая.

1. Обязанности пастыря. Укрѣпленіе въ благодати. Вѣрная передача принятаго ученія другимъ. Жизнь, полная труда и страданій. Свобода отъ мірскихъ дѣлъ.

Ст. 1. *Ты убо, чадо мое, возмогай по благодати, яже о Христѣ Иисусѣ.*

Выше св. Павелъ убѣждалъ Тимоѳея возгрѣвать въ себѣ благодать своего призванія, даръ Божій, живущій въ немъ, и указалъ, въ чемъ состоитъ этотъ даръ. Теперь апостоль возлагаетъ на него обязанность возмогать въ благодати, т. е. укрѣпляться, усовершенствоваться въ познаніи, любви и ревности къ служенію Иисусу Христу. Будучи даже возлюбленнымъ ученикомъ, духовнымъ сыномъ Павла, Тимоѳею не свободенъ отъ этой обязанности.

Источникъ благодати въ І. Христѣ. Онъ владѣетъ христіанскою благодатью, какъ глава Церкви, и распространяетъ ее на всѣхъ членовъ своего таинственного тѣла. Онъ владѣетъ также благодатью священства, какъ вѣчный священникъ, немѣющій ни предшественника, ни преемника, и распространяетъ ее, по своей благодати и мудрости, на всѣхъ, кто удостоился части Его священства. Благодать дана І. Христу не для того только, чтобы украшать, возвышать Его святую человѣческую природу и сдѣлать ее способною къ вѣчному соединенію съ Словомъ Бо-

жѣимъ, и не есть слѣдствіе этого соединенія;—она дана Ему въ преизбыточествѣ, какъ всеобщее начало, освящающее каждый членъ и подкрѣпляющее каждое дѣйствіе Его таинственнаго тѣла. Итакъ, въ І. Христѣ нужно искать благодати, освящающей насъ лично, и чрезъ насъ—души тѣхъ, кто порученъ намъ. Въ Немъ одномъ можно найти благодать для того и другаго дѣйствія. *Всѣ мы получили отъ полноты ея въ Немъ*, и ни изъ какого другаго источника не можемъ получить.

Ст. 2. *И яже слышалъ еси отъ мене многими свидѣтели, сія предаждь вѣрнымъ человекомъ, иже доволны будутъ и иныхъ научити.*

Вторая обязанность, возлагаемая Св. Павломъ, въ этой главѣ, на всѣхъ пастырей, въ лицѣ Тимоѳея,—передать другимъ данное имъ самимъ, передавать такъ, какъ сами получили. Здѣсь апостоль даетъ намъ вѣрное понятіе о томъ способѣ, какимъ распространялось апостольское ученіе въ первыя времена и послѣ въ Церкви христіанской.

Наша вѣра не есть ученіе частное и тайное, не есть достояніе только немногихъ — посвященныхъ, какъ это можно сказать относительно нѣкоторыхъ философскихъ школъ и святилищъ Индіи и Египта; въ нашей религіи не отличаютъ внѣшняго ученія отъ внутренняго. Она передается публично, она передана апостолами людямъ, при множествѣ свидѣтелей, избраннымъ людямъ, которые въ свою очередь должны передавать ее другимъ такимъ же способомъ, какимъ сами приняли ее. Епископы, священники учатъ только тому, что сами слышали. Такимъ образомъ, вѣра есть достояніе общее; всѣ члены Церкви—начальники и народъ владѣютъ имъ и отвѣтственны за его цѣлость.

Но трудно допустить, чтобы при извѣстныхъ условіяхъ жизни христіанскихъ обществъ, распространенныхъ по всей землѣ,—не проникло въ ученіе христіанское ученіе чуждое, и если оно проникло, то едва-ли скоро вполнѣ раскроется. Чтобы распознать истину отъ лжи, весьма полезны

ученные люди, но не безусловно не обходимы, ибо часто случалось въ Церкви, что вслѣдствіе особаго характера нашего христіанскаго ученія, простые вѣрующіе узнавали и раскрывали заблужденія своихъ учителей.

Пастыри, которымъ преимущественно довѣрено сокровище вѣры, должны отличатся двумя качествами:— должны быть *вѣрующими* и *способными*; *вѣрующими*—для того, чтобы сохранить порученное имъ во всей неповрежденности; *способными*—передать его другимъ безъ измѣненія, такимъ, какимъ сами получили его. Эти качества безусловно необходимы для всякаго пастыря.

Ст. 3. *Ты убо злопостражди, яко добръ воинъ Іисусъ Христовъ.*

Третья обязанность пастыря терпѣть страданія и труды, какъ слѣдуетъ доброму воину Іисуса Христа. Злопострадать, какъ добрый воинъ Христовъ—значить точно и строго соблюдать дисциплину—ученіе, не страшиться страданій, не отступать предъ опасностію, всегда быть готовымъ къ борьбѣ и, если нужно, къ смерти. Всякій христіанинъ по своему призванію, долженъ быть воиномъ Іисуса Христа. Но священникъ и епископъ должны служить лучшимъ примѣромъ въ этомъ отношеніи, обязаны защищать не только себя самихъ, но и Церковь отъ всѣхъ вражескихъ нападеній.

Ст. 4. *Никтоже бо воинъ бывая обязуется куплями житейскими, да воеводъ угоденъ будетъ.*

Главная обязанность пастыря, какъ воина,—бороться съ міромъ и уничтожать его заблужденія, предрасудки, бороться съ его прелестями и удовольствіями, презрѣніемъ и гоненіемъ: „да побѣжденъ будетъ міръ съ его заблужденіями, любовью и страхомъ“ (Бл. Августинъ). Отсюда 4-я обязанность пастыря отдаваться вполне своему служенію интересамъ и дѣламъ Божіимъ и не знать никакихъ другихъ

Изъ этого правила св. Павла соборы и отцы Церкви вывели то заключеніе, что служители Іисуса Христа должны чуждаться всѣхъ дѣлъ и обязанностей мірскихъ. Но

такое заключеніе о несовмѣстности служенія Христу съ мірскими обязанностями не можетъ быть безусловнымъ. Еще въ первые вѣка Церковь владѣла помѣстьями, имуществомъ движимымъ, домами, землями, управленіе которыми не всегда было безопасно довѣрять свѣтскимъ лицамъ.

Приведенное апостольское правило содержитъ въ себѣ двоякое требованіе; во первыхъ оно не дозволяетъ пастырю заниматься исключительно мірскими дѣлами, каковы: торговля, судейство и военная служба; во вторыхъ оно запрещаетъ имъ увлекаться даже позволительными для нихъ мірскими дѣлами, чтобы изъ за нихъ не потерять свободы духа и независимости, необходимыхъ для служенія Богу. Этимъ только воздержаніемъ отъ мірскихъ дѣлъ пастырь—воинъ можетъ угодить своему Воеводѣ.

Ст. 5. Аще же и постраждетъ кто, не вѣнчается, аще не законно мученъ будетъ.

Апостоль продолжаетъ развивать идею борьбы и страданій. Пятая обязанность пастыря бороться по законамъ борьбы, такъ какъ борецъ только тогда получаетъ награду за борьбу, когда выполнилъ установленныя условія борьбы. Законы, правила священнической борьбы не произвольны: они строго опредѣлены церковными постановленіями, чѣмъ выше они, тѣмъ строже должны быть исполняемы. За исполненіемъ ихъ наблюдаютъ епископы, которые и называются *хранителями священныхъ правилъ*. Вести борьбу не по этимъ законамъ—значить злоупотреблять ими, компрометировать успѣхъ борьбы, отказаться отъ награды, слѣдуемой вѣрнымъ пастырямъ, потому что Богъ не награждаетъ тѣхъ, которые вели борьбу безразсудно, по своему произволу, а не по повелѣнію и не по правиламъ Его Духа.

Ст. 6. Трудящемуся дѣлателю прежде подобаетъ отъ плода вкусити.

Жизнь война и борца—есть борьба. Жизнь земледѣльца—трудъ постоянный и тяжелый. Онъ буквально ѣстъ свой хлѣбъ въ потѣ лица и пользуется плодами обработки своей земли только послѣ жатвы. Такова же жизнь

и духовнаго земледѣльца, работающаго на поляхъ Церкви. Отсюда шестая обязанность пастыря служить Богу и Церкви въ потѣ лица своего и ждать награды только по окончаніи труда—въ день суда. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы и ранѣе, въ теченіе настоящей жизни, онъ не имѣлъ права пользоваться плодами труда своего и не могъ сказать вѣрующимъ: „аще мы духовная сѣяхомъ вамъ, велико ли, аще мы ваша тѣлесная пожнемъ“ (1 Кор. 9, 11). Понимать слова Апостола иначе, значитъ принимать ихъ въ буквальный значеніи и упускать изъ виду внутренній смыслъ ихъ: Апостолъ выражаетъ ими ту мысль, что только тотъ имѣетъ право на награду, кто заслужилъ ее тяжелымъ и постояннымъ трудомъ. Блаженъ священникъ, пастырь душъ, который въ послѣдній день можетъ стать предъ Богомъ и сказать, подобно Царю-пророку: „въ дѣлахъ человѣческихъ, по слову устъ Твоихъ, я охранялъ себя отъ путей притѣснителя“ (Пс. 16, 4).

Ст. 7. Разумъй, яже глаголю: да дастъ убо тебѣ Господь разумъ о всемъ.

Какъ ни просты, какъ ни удобопонятны совѣты, Апостолъ не хочетъ, чтобы они остались непонятны его ученику. Пониманіе духовныхъ вещей пріобрѣтается только подъ условіемъ серьезнаго вниманія; мужественное исполненіе духовныхъ обязанностей возможно только тогда, когда о нихъ думаютъ и понимаютъ ихъ. Чтобы понять ихъ, недостаточно человѣческаго усилія естественныхъ способностей; для сего необходимо высшее озареніе; когда его просятъ, оно дается и, какъ для всего необходимое, простирается на все. Божественный свѣтъ, освѣщая душу, согрѣваетъ и укрѣпляетъ ее. Посему необходимо молиться: „вразуми меня (Господи), и буду соблюдать законъ Твой, и хранить его всѣмъ сердцемъ“ (Псал. 118, 34).

2. Побужденія къ исполненію вышеизложенныхъ великихъ обязанностей. Воскресеніе І. Христа. Спасеніе и небесная слава избранныхъ. Доказательство этой славы въ непреложности Божіей.

Ст. 8. *Поминай Господа Іисуса Христа, воставшаго отъ мертвыхъ, отъ сѣмени Давидова, по благовѣствованію моему.*

Св. Павелъ постоянно соединяетъ истины догматическія съ нравственными наставленіями и тѣмъ учитъ насъ основываться или по крайней мѣрѣ поддерживать свое ученіе догматами. Самымъ твердымъ основаніемъ христіанскаго ученія, самою сильною помощію трудящемуся и страждущему пастырю служитъ воскресеніе І. Христа. Это величайшее чудо, высшая печать ученія и обѣтованій Спасителя—есть вѣрный и живой залогъ нашихъ надеждъ относительно души и тѣла.

Апостоль напоминаетъ часто о происхожденіи І. Христа отъ сѣмени Давидова для того, чтобы опровергнуть въ самомъ основаніи заблужденія докетовъ, или для того, чтобы въ лицѣ своего Господа показать исполненіе пророчествъ и одну изъ самыхъ замѣчательныхъ особенностей Спасителя, обѣтованнаго Израилю.

Нѣкоторые толковники думаютъ, что, говоря о своемъ евангеліи, св. Павелъ указываетъ на Евангеліе св. Луки. Правда, ни у одного евангелиста, кромѣ Луки, не говорится такъ подробно и опредѣленно о происхожденіи Спасителя отъ сѣмени Давидова и объ обстоятельствахъ воскресенія І. Христа, тѣмъ не менѣе большая часть толкователей думаютъ, что въ приведенномъ стихѣ говорится вообще о евангельской проповѣди.

Ст. 9. *Въ немже злостражду даже до узъ, яко злодѣй, но слово Божіе не вяжется.*

Терпѣть тяжкія страданія за І. Христа и быть осужденными, подобно злодѣямъ,—только участь апостоловъ, и въ томъ слава ихъ. Міръ всегда старался чѣмъ нибудь оправдать гоненія, возбуждаемыя имъ противъ Церкви.

Иудейство оправдывалось тѣмъ, что апостолы, будто, разорители закона, враги Моисея и храма. Съ точки зрѣнія политиковъ имперіи апостолы были противниками установившагося культа и величія Рима; вводя исключительную религію, они поколебали основы тогдашняго общества. Чего еще не доставало для славы Церкви, терпѣвшей страданія, когда эти страданія сопровождались безчестіемъ и когда христіанъ и ихъ пастырей гнали, какъ злодѣевъ! Но каковы бы ни были гоненія, есть свобода, которую человѣкъ не въ силахъ уничтожить: это свобода божественнаго слова. Она слышится въ темницахъ, она раздается сквозь запертыя двери, рѣшетчатая окна, и часто она раздается тѣмъ громче, чѣмъ сильнѣе стараются заглушить ее.

Съ чѣмъ можетъ сравниться состояніе Павла законнаго въ цѣли въ Римѣ—въ томъ городѣ, который въ одно и тоже время былъ и господиномъ и рабомъ, и утѣшающаго себя мыслию, что слово Божіе не вяжется. Любящіе божественную истину болѣе всего поймутъ и оцѣнятъ это утѣшеніе, имѣющее силу для всѣхъ.

Ст. 10. *Сего ради вся терплю избранныхъ ради, да и ти спасеніе умчатъ, еже о Христѣ Иисусѣ, со славою вѣчною.*

Итакъ, особенность и слава слова І. Христа въ томъ, что оно не вяжется. Таково оно всегда и вездѣ въ темницѣ и въ узахъ. Гоненіе, не могущее заглушить божественнаго слова, нисколько не можетъ остановить его спасительнаго дѣйствія на души; гоненіе даже усиливаетъ это дѣйствіе. Апостолы, находя во время страданія поддержку и славу въ той мысли, что они страдаютъ за І. Христа, радовались и укрѣплялись тою мыслию, что ихъ страданія принесутъ пользу избраннымъ. Эти двѣ мысли находятся во внутренней связи между собою: служеніе І. Христу не отдѣлимо отъ служенія душамъ, искупленнымъ Имъ. Все существуетъ для избранныхъ: міръ, жизнь, все, настоящее и будущее. Апостолы не принадлежатъ самимъ себѣ: Петръ, Павелъ принадлежатъ избраннымъ. Въ Церкви все дѣлается для

нихъ. Такимъ образомъ,—все дѣлать, всѣмъ жертвовать, все терпѣть для избранныхъ, чтобы спасти ихъ вмѣстѣ съ собою,—вотъ въ чемъ высшая слава, единственно достойная служителя Евангелія!

Въ 10-мъ же, приведенномъ нами, стихѣ встрѣчаются слова, дающія высокое понятіе о наградѣ, обѣщанной намъ. Сюда относятся: *спасеніе*—свобода человѣка и совершеннѣйшее блаженство о *Христѣ Иисусѣ*, т. е. въ *І. Христѣ*—въ Его лицѣ и заслугахъ источникъ этой свободы и блаженства; въ Немъ же образецъ ихъ и мѣра. Наконецъ—*слава*—неизмѣнная, безконечная, *вѣчная*.

Ст. 11. *Вѣрно слово; аще бо съ Нимъ умрохомъ, то съ Нимъ и оживемъ.*

Не уклоняясь отъ своей цѣли, Апостолъ возвращается въ прежней мысли, указанной имъ, когда онъ говоритъ о воскресеніи *І. Христа*, и, изображая обѣщанную намъ награду, указываетъ другія особенности этой награды. Несомнѣнно, говоритъ онъ: если мы умерли со *Христомъ*, то и оживемъ съ *Нимъ*. Смерть со *Христомъ* есть необходимое условіе жизни, а жизнь съ *І. Христомъ* есть высшая награда за смерть. Въ этомъ вся, такъ сказать, сущность христіанскаго ученія. Сынъ Божій, сдѣлавшійся человѣкомъ и не переставшій быть Богомъ, имѣлъ естественное право на славную жизнь, и не смотря на это, ради искупленія человѣка отъ его грѣха, Онъ благоволилъ принять мученическую смерть и самую смертію пріобрѣсти жизнь. Послѣ Него и по Его примѣру, человѣкъ, осужденный на смерть за свой грѣхъ, можетъ и долженъ въ концѣ искупить этотъ грѣхъ смертію, соединенною со смертію Спасителя, и такимъ образомъ—черезъ Него и съ *Нимъ* пріобрѣсть славную и непорочную жизнь.

Хотя эта тайна смерти и жизни вполнѣ обнаруживается въ ученикѣ *І. Христа* только послѣ дѣйствительной смерти, но начало ея обнаруживается и въ настоящей жизни. Вся тайна Евангелія, все нравственное ученіе его выражается въ слѣдующихъ словахъ апостола: „умросте

бо и животъ вашъ сокровенъ есть со Христомъ въ Бозѣ. Егда же Христосъ явится, животъ вашъ, тогда и вы съ Нимъ явитесь во славу“ (Колос. 3, 3—4).

Ст. 12. *Аще терпимъ, съ Нимъ и воцаримся, аще же отвержемся, и Той отвержется насъ.*

Другое условіе награды—страданіе и соотвѣтствующее ему послѣдствіе—царствованіе; страданіе со Христомъ и царствованіе съ Нимъ. Всѣ въ этомъ мірѣ страдаютъ, и ни одинъ изъ сыновъ Адама не свободенъ отъ этого тяжелаго ига. Но страдать за І. Христа или съ І. Христомъ не одно и тоже, что страдать вслѣдствіе настоящихъ условій человѣческой жизни. Кто страдаетъ и переноситъ, даже терпѣливо, свои страданія или безъ размышленія, или потому, что они неизбежны, или съ гордымъ убѣжденіемъ, что страданія—не зло,—тотъ страдаетъ—какъ сынъ Адама, какъ рабъ, осужденный на смерть, какъ безумный не чувствующій страданій,—страдаетъ безъ утѣшенія и надежды. Но кто принимаетъ свои страданія изъ рукъ Божіихъ, соединяетъ ихъ съ страданіями І. Христа, освящаетъ и возвышаетъ ихъ этимъ соединеніемъ;—тотъ приготовляетъ себѣ свободу силою креста Спасителя и, такимъ образомъ, обезпечиваетъ себѣ участіе въ Его царствѣ.

Что же значитъ царствовать со Христомъ? Значитъ-ли это сидѣть съ І. Христомъ на одномъ престолѣ, носить на головѣ тотъ же вѣнецъ І. Христа? Кто можетъ сказать и понять это! Мы нигдѣ не находимъ въ словѣ Божіемъ свидѣтельства, чтобы даже ангелы царствовали съ І. Христомъ и участвовали лично въ Его торжествѣ. Такая награда сохранена только прославленному человечеству и вѣчно будетъ отличать разныя степени блаженства. Мы будемъ царствовать съ Иисусомъ Христомъ, сидѣть на Его престолѣ такъ-же истинно, какъ истинно Онъ Самъ сидитъ на престолѣ Отца своего, ибо Онъ самъ говоритъ: „Побѣждающему дамъ сѣсти со Мною на престолѣ Моемъ, яко-же и Азъ побѣдихъ, и сѣдохъ со Отцемъ Моимъ, на престолѣ Его“ (Апок. 3, 21).

Кто ради этого царства не почувствуетъ въ себѣ мужества достойно переносить всѣ испытанія настоящей жизни, переносить спокойно, если не съ любовью, страданія, посылаемыя намъ Богомъ?

Что же касается тѣхъ, которые отрекаются отъ Иисуса Христа, тѣхъ и Онъ справедливо отвергнетъ. Отрицаясь отъ І. Христа, они отвергли Его заслуги, Его благодать, свѣтъ, спасеніе, которое Онъ принесъ имъ, и навсегда останутся чуждыми Ему. Человѣкъ—столь великое существо, что судьба его зависитъ отъ него самаго, а Богъ столь высокъ, что не можетъ нарушить правосудія и свободы человѣка. Кто же отрекается отъ І. Христа? Тотъ, кто устами исповѣдуетъ Его, а дѣйствіями отвергаетъ, стыдится за Евангеліе, отрицаетъ, ученіе Церкви, не цѣнить должнымъ образомъ святыхъ законовъ священства и проч.

Ст. 13. Аще не въруемъ, Онъ въренъ пребываетъ: отрецися бо Себе не можетъ.

Человѣкъ нуждается въ Богѣ, а Богъ не нуждается въ другомъ Богѣ. Человѣкъ можетъ не вѣровать; а Богъ не можетъ остаться невѣрнымъ своему слову, обѣтованіямъ, угрозамъ: ни въ какомъ смыслѣ Онъ не можетъ отречься отъ Себя. Для Бога возможно все, кромѣ лжи и отреченія отъ Самого Себя; Его опредѣленія, дѣйствія, ученіе не могутъ быть противны истинѣ, унижать Его безконечную святость и абсолютную независимость,—основаніе Его существа. Свобода намѣреній и дѣйствій относительно тварей не уничтожаетъ и не уменьшаетъ нисколько существеннаго достоинства Его существа. Кто со вниманіемъ вдумывается въ эти высокія истины, тотъ, быть можетъ, почувствуетъ глубокія основанія тайны поущенія нравственнаго зла, наказанія отверженныхъ и предопредѣленія избранныхъ.

3. Обязанности пастыря (продолженіе). Воздержаніе отъ споровъ. Должное обращеніе съ истиною. Уклоненіе отъ суетныхъ бесѣдъ, которыми еретики обыкновенно распространяли свои заблужденія. Твердыя основанія борьбы съ ними. Премудрость Божія, попускающая ереси.

Ст. 14. *Сія воспомяни, засвидѣтельствую предъ Господомъ, не словопрѣтися, ни на куюже потребу, на разореніе слышущихъ.*

Эти совѣты апостола имѣютъ великую важность для пастырей и указываютъ на нѣкоторыя особенности евангельскаго ученія. Христіанскій проповѣдникъ—не краснорѣчивый риторъ, не диспутирующій софистъ:—это посланникъ Бога, обращающій людей, свидѣтель истины, утверждающій ее свидѣтельствомъ Божиимъ, какъ самымъ вѣрнымъ ручательствомъ ея непреложности.

Нѣтъ ничего болѣе противнаго духу апостольскаго служенія и ничто такъ сильно не вредитъ успѣху торжества истины, какъ страсть къ спорамъ. Чтобы понять и усвоить божественную истину, требуется душевное вниманіе тихое и безкорыстное. Когда душа взволнована, когда дѣйствуютъ интересы самолюбія, тогда всѣ силы разума направляются къ тому, чтобы одолѣть противника, отвергнуть его доказательства или спутать ихъ силою діалектики. Въ такомъ случаѣ душа мало бываетъ открыта для принятія божественнаго свѣта. Впрочемъ, иногда и споры бываютъ необходимы или для наученія, или для вразумленія заблуждающихся. Но не слѣдуетъ допускать, чтобы страсть къ спору господствовала, чтобы противники основывались только на силѣ разума и превосходствѣ своей діалектики. Къ истинѣ приводятъ души людей, только располагая ихъ къ ней, а располагаютъ ихъ къ принятію ея только безкорыстнымъ милосердіемъ и кроткою, но сильною любовью къ истинѣ.

Совѣтъ ап. Павла своему ученику относительно споровъ долженъ постоянно руководить дѣйствіями служителей Евангелія. Его не должны забывать въ собраніяхъ, учреждаемыхъ иногда для возбужденія общественнаго вниманія

къ истинѣ или для разъясненія ея. Въ подобныхъ случаяхъ слѣдуетъ избѣгать двухъ опасностей: во первыхъ—опасности унизить достоинство истины, выражая ее, подъ предлогомъ популярнаго изложенія, языкомъ грубымъ, тривіальнымъ; во вторыхъ—опасности компрометировать истину, раскрывая тѣ трудныя, непонятныя стороны ея, которыя возбуждаютъ сомнѣнія въ ней и еще неизвѣстны народу. Возраженія, нападки на истину легче понимаются, чѣмъ утвержденія ея, и сомнѣніе въ ней легче проникаетъ въ душу, нежели убѣжденія въ ея непреложности. Итакъ возраженія, грубые нападки на истину можно указывать только тогда, когда они встрѣчаютъ должное опроверженіе, которымъ изглаживается дурное впечатлѣніе ихъ на души слушателей. Уклоненіе или несоблюденіе этихъ условій ведетъ къ дурному концу: вмѣсто того, чтобы подкрѣпить убѣжденія,—этимъ онѣ только подрываются и колеблются.

Ст. 15. *Потщися себе искусна поставити предъ Богомъ, дѣлателя непостыдна, право правяща слово истины.*

Апостольское служеніе столь высоко, а его обязанности столь трудны, что необходимо возбуждаютъ въ насъ заботливое вниманіе къ нимъ. Вниманіе это поддерживается еще тою мыслию, что когда нибудь мы должны будемъ дать предъ Богомъ отчетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, и слѣдовательно должны всегда дѣйствовать сообразно съ достоинствомъ данной намъ свободной воли.

Служитель Евангелія не долженъ, разумѣется, жертвовать свободною волею людей. Эту мысль выражаетъ Св. Павелъ въ приведенномъ стихѣ, да и вездѣ онъ учитъ насъ *дѣлать добро не предъ Богомъ только, но и предъ людьми.* если хотимъ быть полезными другимъ. Но если мы должны цѣнить волю людей, то особенно должны искать и выше всего ставить волю Божию. Въ сущности мы, вѣдь, только то, каковыми являемся предъ Богомъ. Мало казаться достойнымъ служителемъ Евангелія: нужно быть имъ въ дѣйствительности. „Не тотъ Іудей, кто таковъ по наружности, и не то обрѣзаніе, которое наружно, по плоти; но тотъ

Гудей, кто внутренно таковъ, и то обрѣзаніе, которое въ сердцѣ, по духу, а не по буквѣ: ему и похвала не отъ людей, но отъ Бога“ (Римл. 2, 28—29).

Эта забота о внутреннемъ достоинствѣ, а особенно забота о распространеніи слова Божія должны руководить. должны быть цѣлью всѣхъ дѣйствій святаго служенія Евангелію. Все въ дѣйствіяхъ служителя Евангелія должно сводиться къ двумъ цѣлямъ: одна опредѣляетъ отношеніе его къ самому себѣ, а другая касается способа распространенія слова истины. Проповѣдникъ долженъ быть безупреченъ: онъ — работникъ, которому нечего стыдиться за свои дѣйствія. Извѣстно, что еще языческая древность такъ смотрѣла на оратора; на сколько же справедливѣе эта мысль относительно христіанскаго проповѣдника! Въ самомъ дѣлѣ, можетъ-ли проповѣдникъ заставить другихъ дѣлать то, чего самъ не дѣлаетъ? Право править слово истины — значитъ распространять истину со всею искренностію и правотою, не искажая ея по своему невѣжеству или изъ трусливаго страха за послѣдствія. Тоже значитъ распространять истину мудро. Слово Божіе есть хлѣбъ жизни. Хорошо, справедливо раздѣлить его значитъ раздѣлить такъ, чтобы его достало всѣмъ нуждающимся. Наконецъ, нужно распространять слово Божіе съ уваженіемъ со стороны проповѣдывающаго и слушающихъ его. Таковы мысли, содержащіяся въ нѣсколькихъ словахъ апостола въ указанномъ стихѣ.

Ст. 16. *Скверныхъ же тщегласій отметаѣся: наипаче бо пресѣютъ въ нечестіе.*

Къ совѣтамъ о пастырскомъ служеніи Ап. Павелъ часто присоединяетъ наставленія относительно цѣли жизни человѣческой и, слѣдовательно, самаго важнаго въ жизни служителя Евангелія.

Подъ скверными тщегласіями, избѣгать которыхъ учитъ апостоль, можно разумѣть непотребныя, вредныя пустословія. Безполезныя прѣнія ослабляютъ власть души надъ собою и дѣлаютъ ее безпечною относительно враговъ.

Пустые споры ведутъ за собою душевное распутство, которое, въ свою очередь, приводитъ на путь нечестія. Естественныя послѣдствія такихъ споровъ изображены въ дальнѣйшихъ стихахъ. Служитель Божій долженъ или отвращаться отъ нечестивыхъ и бессмысленныхъ споровъ и бесѣдъ, куда относятся: таинственные, лживыя мудрованія, подъ которыми лжеучители скрываютъ свои заблужденія, содѣйствуя тѣмъ распространенію ихъ въ народѣ.

Ст. 17. *И слово ихъ яко гангрена жиръ обрящеть: отъ нихъ же есть Именей и Филитъ.*

Нечестивые споры и бесѣды вообще легко проникаютъ въ душу, чему много способствуетъ склонность ея къ чувственному и независимости. Но еще скорѣе и легче должно было распространиться ученіе гностиковъ, прикрывавшееся религіознымъ сентиментализмомъ и внѣшнею формою благочестія, возбуждавшее человѣческое любопытство и претендовавшее удовлетворить его, удержавшее имя христіанства, но въ сущности глубоко измѣнившее его. Какъ гангрена, пожирающая здоровыя части, быстро распространяетъ заразу во всемъ тѣлѣ, такъ и гностицизмъ не оставлялъ ничего здороваго въ душѣ вѣрующихъ, обольщенныхъ имъ. Здѣсь можно указать на двѣ общія черты всякой ереси, отличающія ее отъ ученія Церкви апостольской. Распространяясь и утверждаясь въ мірѣ, Церковь распространяла свое ученіе во всей его чистотѣ, не прибѣгая ни къ какимъ прикрытіямъ. Отсюда—возраженія противъ него; отсюда возбужденія язычниковъ и іудеевъ, которымъ оно казалось безуміемъ или соблазномъ. Напротивъ того—ересь не дѣйствовала открыто: она прикрывала свое ученіе соблазнительными формулами, даже православными; она льстила гордости или любопытству и покровительствовала чувственности. Такимъ путемъ она проникала въ общество вѣрующихъ и часто распространялась среди него не замѣтно. Церковь обращается къ народамъ, стоящимъ внѣ спасенія, вѣдряетъ ихъ у себя, чтобы сообщить имъ жизнь. Ересь же распространяется уже въ живомъ тѣлѣ Церкви, заражая

его, повреждая, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ изъ его членовъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ Тертуліанъ: „что сказать о способѣ распространенія слова истины? Еретики не хотятъ обращать язычниковъ, но совращаютъ нашихъ; они полагаютъ свою славу скорѣе въ униженіи стоящихъ высоко, нежели въ возвышеніи низкихъ. Ихъ дѣло строить не на своемъ основаніи и не изъ своего матеріала, но изъ обломковъ зданія истины“.

Объ Именеѣ апостоль упоминалъ еще въ первомъ посланіи къ Тимоѳею; теперь встрѣчаемъ у него новое имя—Филить. Для насъ важно не то, кто были эти люди, но то, что говоритъ апостоль о ихъ дѣйствіяхъ и заблужденіяхъ.

Ст. 18. *Иже о истинѣ погрѣшита, глаголюще: яко воскресеніе уже бысть: и возмущаютъ нѣкоторыхъ вѣру.*

Другая отличительная черта ереси состоитъ въ томъ, что она слѣдуетъ за истиною, и распространители, или первые послѣдователи ея—люди, уклонившіеся отъ истины. На нихъ всегда лежитъ печать, по которой можно опредѣлить: давно-ли они исповѣдывали истину и когда уклонялись отъ ученія Церкви. Эта печать новизны, уклоненія, поврежденія первоначальнаго ученія неизгладимо лежитъ на всякой ереси.

Главное заблужденіе Именея и Филита состояло въ томъ, что они считали воскресеніе фактомъ, уже совершившимся, котораго, слѣдовательно, не должно ожидать въ концѣ временъ. Они не отрицали открыто догмата о воскресеніи, иначе они вызвали бы противъ себя сильныя возраженія со стороны вѣрующихъ, — но измѣнили смыслъ его, признавая, подобно саддукеямъ, что обновленіе, человѣчества исполнилось въ фактѣ сотворенія и распространенія человѣческаго рода, въ прогрессѣ обществъ, или, что вѣроятнѣе, понимая подъ воскресеніемъ актъ обновленія души и переходъ отъ состоянія смерти въ состояніе духовной жизни, что совершается въ таинствѣ крещенія. Какъ бы то ни было, ересь эта, еще въ вѣкѣ апостольскій, привела многихъ вѣрующихъ къ ужаснымъ послѣдствіямъ.

Съ какою бы стороны ни смотрѣли на нее, она отрицаетъ истину воскресенія І. Христа, дѣвствительность Его смерти и страданій и тѣмъ самымъ отвергаетъ тайну искупленія—сущность христіанства. А между тѣмъ она нашла послѣдователей себѣ между учениками апостоловъ и поколебала, еще при жизни апостоловъ Петра и Павла, вѣру многихъ. Такою силу имѣетъ заблужденіе надъ нашею бѣдною природою. Тѣмъ необходимѣе, стало быть, для пастырей бодрствовать надъ пасомыми, тщательно раскрывать имъ смыслъ истиннаго ученія и тѣмъ предохранять ихъ отъ оболъщенія новизною.

Ст. 19. Твердое убо основаніе Божіе стоитъ, имущее печать сію: позна Господь сущія своя, и: да отступитъ отъ неправды всякъ именуяй имя Господне.

Частныя уклоненія отъ истины, паденіе нѣкоторыхъ не могутъ поколебать положеннаго Самимъ Богомъ основанія Его Церкви, которая всегда будетъ стоять непоколебимо на основаніи истины. Основаніе это имѣетъ двоякій характеръ, двоякую печать—божественную и человѣческую. Божественная печать—это предвѣдѣніе Божіе и Его предназначеніе праведныхъ.

Богъ знаетъ своихъ, и никто не можетъ всхитить ихъ изъ рукъ Его; никакая сила не разрушитъ Его дѣла; никакая ересь не ослабитъ силы Его Церкви. Отдѣльныя личности могутъ поддаваться оболъщенію ереси, но вся Церковь всегда останется непоколебимою; ея сила въ познаніи и обладаніи истиною.

Человѣческой характеръ основанія Церкви состоитъ въ томъ, что всякій истинный христіанинъ, носящій и призывающій имя Господне, тѣмъ самымъ даетъ обѣтъ удаляться отъ нечестія и дѣйствительно удаляется отъ него. Въ этомъ выразилась замѣчательная и постоянная черта христіанства. Истинное христіанство, какимъ оно было въ вѣкъ апостольскій и какимъ сохранилось всегда,—существенно и нравственно: таинственная сторона его выражается въ его догматахъ, богослуженіи учрежденіяхъ. Съ дру-

гой стороны—этими догматами, культомъ и учрежденіями оно освящаетъ силу нравственнаго закона, обязательность исполненія его опредѣляетъ естественную важность его, облагораживаетъ его практику. Все это отличается отъ мистицизма философскаго, гностическаго и вообще всякаго, чуждаго Церкви; какимъ бы именемъ онъ ни прикрывался, въ немъ всегда замѣтно стремленіе унизить или ослабить обязательную силу нравственнаго закона, а пожалуй и совсѣмъ разрушить ее.

Великимъ утѣшеніемъ для истиннаго христіанина, твердымъ основаніемъ его надежды служить вѣра, убѣжденіе, что Богъ знаетъ своихъ и никто не можетъ исхитить ихъ изъ рукъ Его. Но эта вѣра, убѣжденіе должны быть чужды страха, религіозной трусости, надмѣнной гордости.

Ст. 20. Въ велицѣмъ же дому не точію сосуди злати и серебряни суть, но и древяни и глиняни: и ови убо въ честь, ови же не въ честь.

Хотя отличительную черту Церкви Христовой составляетъ общественное и совершеннѣйшее исповѣданіе нравственнаго закона, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы всѣ члены ея были въ этомъ отношеніи одинаково совершенны и чтобы между ними не встрѣчалось нарушенія нравственнаго закона.

Церковь подобна великому дому, въ которомъ находится множество различныхъ сосудовъ, для различнаго употребленія: одни—изъ золота или серебра, другіе—изъ дерева или глины; одни назначены для почетнаго употребленія, другіе—имѣютъ низкое назначеніе. Но каковы-бы они ни были, всѣ они необходимы или полезны въ своемъ родѣ, своимъ разнообразіемъ или противоположностію, всѣ они возвышаютъ гармонію и красоту мебелировки или внутренняго украшенія этого дома. Тоже бываетъ и въ Церкви: въ ней есть одаренные драгоценнѣйшими дарами Св. Духа, другіе идутъ обыкновеннымъ, общимъ путемъ жизни. Одни изъ членовъ ея чисты, святы, полны блеска, подобно

золоту или серебру; другіе безцвѣтны, подвержены порчѣ, поврежденію, какъ дерево или глина. Но тѣ и другіе полезны другъ для друга; одни помогаютъ другимъ: учатъ ихъ, упражняютъ, назидаютъ и всѣ вмѣстѣ отражаютъ на себѣ благодать Божію, мудрость, долготерпѣніе и правосудіе Его.

Ст. 21. *Аще убо кто очиститъ себе отъ сихъ, будетъ сосудъ въ честь, освященъ и благопотребенъ Владыцѣ, на всякое дѣло благое уготованъ.*

Итакъ люди—различныя сосуды въ дому Божіемъ, различныя орудія въ Его рукахъ, орудія, которыя, каковы бы ни были, не могутъ нарушить общаго порядка и выйти изъ-подъ дѣйствія закона Промысла. Но они служатъ Божественнымъ намѣреніямъ не какъ слѣпыя, не дѣятельныя орудія. Что они есть, тѣмъ они сдѣлались не по природѣ своей и не по волѣ судьбы, но по собственной волѣ. Деревяныя и глиняныя сосуды естественно не могутъ сдѣлаться золотыми или серебряными. Совсѣмъ другое бываетъ въ порядкѣ жизни духовной: всѣ вѣрующіе призваны быть золотыми и серебряными сосудами въ дому Божіемъ, ибо все, что живетъ по благодати, чисто и полно блеска; всѣ назначены для почетнаго употребленія. Если они замараются, обезчестятся, предадутся порокамъ и преступленіямъ, которые Апостоль исчисляетъ далѣе, то могутъ очиститься, снять съ себя безчестіе и сдѣлаться сосудами почетными. А если они могутъ сдѣлать это, то и должны сдѣлать.

Но справедливо-ли, что человѣкъ можетъ быть полезенъ Господу, который не нуждается въ нашихъ дѣлахъ? Не будетъ-ли безумною гордостію считать себя полезными по своимъ добрымъ дѣламъ, когда Самъ Богъ говоритъ, что, совершивши все, что могли совершить, мы должны считать себя рабами нецотребными? Но достоинство наше зависитъ не отъ насъ самихъ. Мы сдѣлались таковыми, каковы на самомъ дѣлѣ, не сами по себѣ, а силою благодати Божіей. Мы твореніе Божіе, „созданы во Христѣ И-

сусѣ на дѣла благая, яже прежде уготова Богъ, да въ нихъ ходимъ“ съ неуклонною вѣрностію (Ефес. 2, 10). Такимъ образомъ мы полезны и бесполезны: бесполезны сами по себѣ, по своимъ дѣламъ, если брать во вниманіе ихъ собственное значеніе, — полезны присутствіемъ въ насъ благодати Божіей и ея дѣйствія, возвышающаго цѣну нашихъ дѣлъ, освящающаго насъ и дѣлающаго достойными Бога.

Какъ въ мірѣ, такъ и въ Церкви все подчиняется дѣйствію воли Божіей. Все, уклоняющееся отъ повиновенія по своей волѣ, склонной ко злу, Онъ возвращаетъ къ порядку. Итакъ, все служитъ общимъ цѣлямъ Божественнаго промысла. Но служить намѣреніямъ Божіимъ по необходимости, подчиняться общему порядку, заслуженнымъ и неизбѣжными наказаніями—не одно и то же, что служить имъ добровольно, съ любовью, быть послушнымъ орудіемъ милосердія и благодати Божіей и, повинувшись высочайшей волѣ, совершать дѣла святости и правды, которыми мы уподобляемся Богу. Такое-то служеніе и называетъ апостоль *благопотребнымъ* Господу. Отсюда ясно видно заблужденіе того ложнаго мистическаго ученія, которое, подъ предлогомъ, что зло и наказаніе одинаково служатъ къ прославленію мудрости и правосудія Божія, дѣлаетъ своихъ послѣдователей равнодушными къ тому и другому и въ общемъ порядкѣ жизни ставитъ добро и зло рядомъ, лишь бы исполнялась чрезъ нихъ божественная воля. Есть вещи и дѣйствія такіа, которыя Богъ совершаетъ въ насъ, чрезъ насъ и съ нами, и такіа, которыя мы дѣлаемъ сами собою, безъ воли Божіей, даже противъ нея, и которыя необходимо ведутъ за собою еще новый рядъ дѣйствій, несогласныхъ съ требованіями правды, дѣлающей насъ тѣмъ, чѣмъ мы должны быть. Первыя Богъ любитъ и желаетъ; совершать ихъ значитъ быть благопотребнымъ, полезнымъ Господу. Вторыя неуютны Ему сами по себѣ; одни изъ нихъ Онъ попускаетъ, щадя свободу твари, другія—потому, что не хочетъ нарушать общаго порядка и высочайшаго право-

судія. И такъ считать себя равно пріятными Богу, равно прославляющими Его слѣшымъ равнодушіемъ, роковою покорностію въ совершеніи добра и зла—значить исказать не только естественные законы человѣческой природы, но и поспирать законъ нравственный и апостольское ученіе.

Ст. 22. *Похотей юныхъ бѣгай: держися же правды, вѣры, любви, мира, со всеми призывающими Господа отъ чистаго сердца.*

Тимоею,—самому по себѣ и ради довѣреннаго ему народа, важно быть однимъ изъ тѣхъ почетныхъ сосудовъ, о которыхъ говорилось выше. Посему апостоль возвращается къ совѣтамъ и наставленіямъ своему ученику.

Подъ юношескими похотями, избѣгать которыхъ совѣтуетъ онъ, разумѣются чувственныя удовольствія и плотскія страсти, которыя, подобно желаніямъ и нѣкоторымъ страстямъ душевнымъ, столько же грубы, сколько и опасны, и которыя такъ часто встрѣчаются въ этомъ возрастѣ, даже между лучшими и чистѣйшими юношами. Сюда относятся: желаніе блистать въ обществѣ и нравиться, во все проникнуть и все знать, стать выше подобныхъ себѣ, страсть юношескаго тщеславія, необузданнаго любопытства, честолюбіе и зависть, столь противныя евангельскому духу.

Юношескимъ похотямъ апостоль противопоставляетъ твердыя и достойныя юношей добродѣтели, которымъ служитель Божій долженъ отдаться вполнѣ. Сюда онъ относитъ—*правду*, желательную саму по себѣ и дѣлающую насъ тѣмъ, чѣмъ мы должны быть,—*вѣру*, уничтожающую праздное любопытство и гордое стремленіе все знать,—*любовь*, чуждую зависти и честолюбія, служащую не столько своимъ цѣлямъ, сколько интересамъ другихъ.

Владѣя этими добродѣтелями и упражняясь въ нихъ, легко сохранять миръ со всѣми, призывающими Господа съ чистымъ сердцемъ и неспорочною совѣстію. Но этотъ миръ нисколько не освобождаетъ насъ отъ обязанности жить въ мирѣ и съ тѣми, которые ненавидятъ миръ.

Ст. 23. *Буйхъ же и ненаказанныхъ стязаній отрицайся, вѣдый, яко рождаютъ свары.*

На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ, что апостоль такъ часто повторяетъ такой элементарный совѣтъ, который достаточно дать однажды. Но на самомъ дѣлѣ это повтореніе окажется весьма естественнымъ, если обратимъ вниманіе на время и мѣсто, когда и гдѣ жилъ Тимоѳей. То было время нечестивыхъ стремленій все знать, и сильныхъ смуть, особенно религіозныхъ. Никогда не было столько смѣлыхъ вопросовъ, безразсудныхъ гипотезъ, странныхъ системъ, волновавшихъ умъ человѣческой, и нигдѣ волненія не производили столь сильнаго дѣйствія, какъ въ Малой Азіи. Тѣ, которые были призваны учить въ этихъ странахъ, рисковали болѣе, нежели гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, или вмѣшаться въ бесполезные и нескончаемые споры, или нарушить требованія христіанской мудрости. Чтобы предохранить отъ такой двойной опасности или приготовить къ двоякимъ затрудненіямъ, Ап. Павелъ даетъ своему ученику два совѣта: одинъ относится къ свойству споровъ, могущихъ возникнуть, другой касается способа отношенія къ заблуждающимся и тѣмъ спорамъ, которые могутъ быть полезны. Совѣты эти, необходимые Ефесскому пастырю, важны и для насъ, въ виду повторяющихся у насъ явленій, однородныхъ съ явленіями того времени.

Избѣгать, устранять безсмысленные, бесполезные и неразрѣшимые вопросы—обязанность всякаго служителя Евангелія, потому что на такіе вопросы бесполезно тратится время и особенно потому, что отъ нихъ рождаются несогласія. Но преимущественно обязанность эта лежитъ на пастырѣ мира и любви І. Христа. Будутъ ли эти вопросы относиться къ области, чуждой нашему служенію, идетъ-ли въ нихъ дѣло о предметахъ, предоставленныхъ Богомъ человѣческому разсужденію, будутъ-ли они способны возбудить страсти въ слушателяхъ,—во всякомъ случаѣ къ нимъ нужно относиться весьма благоразумно, чаще всего, лучше

совсѣмъ не касаться ихъ. Таковы вопросы политическіе. Служитель Евангелія не долженъ, конечно, быть чуждымъ всему, что дѣлается вокругъ него и возвышаетъ благоденствіе и честь его отечества. Есть обязанности и есть права гражданина. Онъ не вправѣ отрекаться отъ политическихъ мнѣній, но и не долженъ увлекаться ими. Никакіе другіе вопросы не приводятъ къ такимъ важнымъ ошибкамъ и не порождаютъ столько споровъ, какъ политическіе.

Ст. 24. *Рабу же Господню не подобаетъ свариться, но тиху быти ко всѣмъ, учительну, незлобиву.*

Совѣтуя служителю Евангелія воздерживаться отъ всякихъ споровъ, апостоль не безъ основанія называетъ его рабомъ *Господнимъ*. Это самое названіе прор. Исаія далъ І. Христу—въ пророчествѣ, относимомъ однимъ изъ Евангелистовъ къ Спасителю. „Се отрокъ (рабъ) мой, котораго Я избралъ, возлюбленный Мой, къ которому благоволила душа Моя. Не воспрекословитъ, ни возопіетъ, и никто не услышитъ на улицахъ голоса Его. Трости надломленной не переломитъ, и льна курящагося не угаситъ“ (Матѣ. 12, 18—20).

По примѣру І. Христа, пастырь Церкви долженъ быть кроткимъ со всѣми: съ тѣми, которые слушаютъ слово его съ почтеніемъ и пользою, а равно и съ тѣми, которые не хотятъ ни слушать его слова, ни пользоваться имъ. Впрочемъ, кроткость эта не исключаетъ рѣшительности въ исполненіи обязанности, ни справедливой строгости къ грѣшникамъ; но она умѣряетъ то и другое, заставляетъ дѣйствовать преимущественно убѣжденіями и мѣрами справедливости.

Пастырь, сверхъ того, долженъ быть *учителемъ*, т. е. долженъ имѣть способность и готовность учить вѣрующихъ. Убѣдить онъ ихъ, или нѣтъ, но онъ долженъ быть *незлобивъ*, терпѣливъ въ бѣдствіяхъ жизни, постигающихъ его, и особенно долженъ терпѣливо переносить непріятности и несправедливость отъ людей. Этотъ родъ терпѣнія необходимъ пастырю, хотя исполненіе этой обязанности для него

труднѣе, чѣмъ для другихъ, потому-что самое дорогое, самое важное для него—любовь къ спасенію души сталкивается съ естественнымъ чувствомъ гордости и самоуваженія. Тотъ обладаетъ истиннымъ и твердымъ терпѣніемъ, кто переноситъ зло, если нельзя исправить его, кто сноситъ людскія неправды съ вѣрою и любовью, а не по безсилію и не по озлобленію. Въ противномъ случаѣ страданіе не возбуждаетъ уваженія къ себѣ.

Ст. 25. Съ кротостію наказующу противныя: еда како дастъ имъ Богъ покаяніе въ разумъ истинный.

Пастырь долженъ быть кроткимъ ко всѣмъ, учить вѣрующихъ, быть снисходительнымъ и терпѣливымъ къ злымъ, исправлять заблуждающихся и сопротивляющихся истинѣ.

Молчать предъ заблужденіемъ, значитъ соглашаться съ нимъ. Не вразумлять противящихся истинѣ значитъ показывать равнодушіе къ торжеству истины или спасенію людей одною истиною. Но вразумлять или наказывать не признающихъ или отвергающихъ истину должно съ непритворною кротостію. Божественная истина, спасающая насъ, есть даръ Божій—драгоценный, а равно и не заслуженный нами. Богъ вправѣ дать и не дать его. А потому никто не имѣетъ права гордиться имъ, какъ бы ему одному принадлежащимъ. Его нужно хранить со смиреніемъ и страхомъ, а, слѣдовательно, не должно обращаться гордо и сурово съ тѣми, кто лишился его.

Апостоль указываетъ и другое побужденіе къ кроткому обращенію съ невѣдущими истины. Мы не знаемъ, дастъ-ли Богъ заблуждающимся благодать покаянія и не приведетъ-ли ихъ къ истинѣ. Между заблуждающимися и видимо упорствующими въ своихъ заблужденіяхъ есть и такіе, которымъ суждено когда нибудь возвратиться къ полному познанію истины. И если Богу угодно употребить насъ орудіями этого возвращенія, то не должны-ли мы быть орудіями кроткими и снисходительными.

Ст. 26. *И возникнутъ отъ дiавольскiя стги, живи уловени отъ него, въ свою его волю.*

Всякiй заблуждающiйся, кого истина не освобождаетъ, кто знаетъ или не знаетъ ея, вѣритъ ей или отрицаетъ ее, думаетъ или забываетъ о ней,—есть плѣнникъ сатаны, уловленный въ его сѣти. Онъ—ученикъ исконнаго—лжеца, который, не желая оставаться въ истинѣ, въ которой онъ сотворенъ, сдѣлался отцемъ и всеобщимъ учителемъ лжи. Ему кажется, что онъ повинуетъ только свѣту своего разума, силѣ ума, и поддается обману духа тьмы. Онъ убѣжденъ, что слѣдуетъ собственной волѣ, а между тѣмъ въ сущности подчиняется внушенiямъ и волѣ этого ненавистнаго господина.

Какъ дѣйствiя божественной благодати обнаруживаются въ благородныхъ стремленiяхъ нашей природы и добрыхъ дѣлахъ, такъ и дѣйствiе сатаны открывается въ нашихъ страстяхъ, ихъ движенiяхъ, порокахъ и происходящихъ отсюда безпорядкахъ.

Кто ясно увидитъ силу и дѣйствiе *врага* на незнающихъ Спасителя или живущихъ такъ, какъ будто они не знаютъ Его, кто увидитъ постыдныя узы, которыми они связаны,—тотъ почувствуетъ ужасъ и состраданiе къ несчастнымъ узникамъ. Но въ настоящей жизни эта сила не абсолютна, эти узы не суть не разрывны. Человѣкъ, даже самый развращенный, не вовсе подчиненъ этому злему владыкѣ: послѣ покорности—онъ можетъ освободиться отъ его власти. И наоборотъ—просвѣщенный и свободный нынѣ можетъ, по своей винѣ, завтра же сдѣлаться слѣпымъ и рабомъ его.

Глава третья.

Сказавъ о сопротивляющихся истинѣ и плѣнникахъ сатаны, Апостоль возвращается къ упоминавшимся прежде сектаторомъ, которые произведутъ великія опустошенія въ Церкви, и обращаетъ на нихъ вниманіе своего ученика.

1. Иавѣщеніе о лжеучителяхъ; характеристика ихъ. О необходимости избѣгать ихъ.—Объ ограниченности ихъ успѣховъ.

Ст. 1. *Сіе же вѣждь, яко въ послѣдніе дни настанутъ времена люта.*

Эти *послѣдніе дни*—время, наступившее за смертію апостоловъ, когда яснѣе открывается тайна нечестія, безпрестанно являются новые противники, когда вѣра и любовь подвергаются величайшимъ опасностямъ и когда, слѣдовательно, нужно бодрствовать и молиться болѣе, нежели во всякое другое время, чтобы восторжествовать надъ злобою вѣка, надъ ложью сатаны,—однимъ словомъ,—надъ всѣми заблужденіями, соблазнами и испытаніями жизни.

Св. Павель во второй разъ говоритъ здѣсь о послѣднихъ дняхъ и характеризуетъ ихъ. Какъ бы ни понимали слова его—въ буквальномъ ли смыслѣ, или въ ихъ внутреннемъ значеніи, очевидно эти дни послѣдніе, подобныхъ имъ нѣтъ. Но, спрашивается, когда настанетъ періодъ славы и утѣшенія, всеобщаго торжества истины и славы, которыхъ иные ищутъ здѣсь, какъ будто на землѣ есть истинное мѣсто надеждамъ? Безъ сомнѣнія, въ періодъ *злыхъ* временъ сила заблужденій не всегда будетъ одинаково велика. Когда увидятъ начало ихъ, развитіе, тогда начнется уничтоженіе ихъ. Настанутъ тихія и благопріятныя времена для истины и Церкви. Она будетъ царствовать надъ великимъ множествомъ вѣрующихъ, будетъ

блистать даже предъ тѣми, кто не покорится ей. Но это торжество Церкви не обойдется безъ борьбы, безъ побѣдъ и неудачъ, а ея миръ—безъ волненій и искушеній.

Ст. 2. *Будутъ бо челоѵцы самолюбцы, сребролюбцы, величавы, горды, хулници, родителемъ противящися, не благодарни, не праведни, не любовни.*

Во 2-мъ вѣкѣ христіанской Церкви въ большемъ числѣ появлялись тѣ люди, о которыхъ говоритъ здѣсь Павелъ и которыхъ характеризуетъ не столько въ интересахъ исторіи, сколько съ цѣлью защитить отъ нихъ плоды ученія и благочестія.

Источникъ всѣхъ беспорядковъ и заблужденій заключается въ неправильной любви къ самому себѣ. Посему Блаженный Августинъ справедливо приписываетъ происхожденіе земнаго града чувству, противоположному высшей любви къ Богу, созидающей градъ небесный. „Два рода любви, говоритъ онъ, создали два города: любовь къ самому себѣ, доходящая до забвенія Бога, создала градъ земной, а любовь къ Богу, доходящая до самозабвенія,—градъ небесный“. (О градѣ Б. I. XIV, С. XVIII).

Обыкновенно такая любовь къ самому себѣ сопровождается алчностью и страстію къ пріобрѣтенію богатства, которое дѣлается орудіемъ или средствомъ къ удовлетворенію всѣхъ нашихъ пожеланій и страстей. Богатство надмѣваетъ душу; владѣя имъ, она смотритъ на него какъ на часть самой себя; пріобрѣтая его болѣе, нежели сколько есть у другихъ, она возвышается, естественно ставитъ себя выше другихъ. При такомъ высокомъ понятіи о самихъ себѣ, естественно желаніе, чтобы и другіе считали насъ такими же, какими мы кажемся самимъ себѣ. Отсюда—надменность, гордость въ нашихъ чувствахъ и дѣйствіяхъ. Отсюда также проистекаетъ нечестіе и хуленіе противъ Бога. Богачъ, владѣющій благами настоящей жизни и увѣренный въ счастливой будущности, считаетъ Провидѣніе почти ненужнымъ. Если онъ не всегда прицаетъ его, то считаетъ почти за ничто въ своей жизни.

Выходя изъ того же принципа самолюбія, человѣкъ самолюбивый не терпитъ никакой зависимости, отказывается въ должномъ послушаніи родителямъ, которое служитъ началомъ всякаго человѣческаго авторитета. Цѣня только самого себя и желая быть отвѣтственнымъ лишь предъ самимъ собою, онъ тяготится благодарностію къ другимъ, потому не считаетъ себя ни въ чемъ обязаннымъ другимъ. Послѣ всего этого онъ легко доходитъ до того, что не обращаетъ вниманія на то, что справедливо и свято. По видимому, онъ ищетъ въ томъ выгоды для себя и всегда способенъ ко всякимъ безпорядкамъ. Печальныя послѣдствія необузданнаго самолюбія становятся еще ощутительнѣе въ отношеніи къ другимъ. Эгоизмъ ослабляетъ, если не уничтожаетъ, инстинкты и чувство любви къ другимъ. Кто любитъ себя болѣе другихъ, тотъ не способенъ къ любви, потому что любитъ только самого себя, т. е. свое тщеславіе и удовольствія.

Ст. 3. *Непримирительни (продерзиви, возносливи, прелалатае), клеветници, невоздержници, не кротци, не благолюбци.*

Кто не имѣетъ истинной любви къ другимъ, считая ихъ ниже себя, тотъ не можетъ любить мира съ другими. Его нарушаютъ изъ гордости, каприза, если только это нарушеніе не нарушаетъ нашихъ радостей, не вредитъ нашимъ интересамъ. Эгоизмъ есть обыкновенный источникъ зависти или презрѣнія къ ближнимъ. Но зависть есть мать злословія, не стыдящагося клеветать на всѣхъ, кто обидѣлъ насъ или просто не нравится намъ. Таковы же послѣдствія и презрѣнія къ ближнему.

Такимъ образомъ преданные неумѣренному самолюбію чаще всего управляются своими чувственными страстями, не знаютъ правилъ довольства и воздержанія, потому что не знаютъ никакихъ правилъ и не привыкли отказывать себѣ ни въ чемъ.

Но живыя, чувственныя удовольствія обыкновенно бываютъ сильны и безчеловѣчны. Страстные люди мало спо-

собны сочувствовать бѣдствіямъ и страданіямъ ближнихъ, снисходить къ ихъ слабостямъ. Страсть и жестокость идутъ вмѣстѣ. Въ жестокости и мстительности страстный чело-вѣкъ находитъ сильныя чувственныя удовольствія.

Ст. 4. *Предателе, налм, напыщенны, сластолюбцы, паче нежели боголюбцы.*

Неумѣренное самолюбіе не любитъ чужаго блага и не уважаетъ добрыхъ людей. Мало заботясь о своихъ обя-занностяхъ и связяхъ съ человѣческимъ обществомъ, эго-исты дѣлаются тайными измѣнниками. Тайные безпорядки часто бываютъ слѣдствіемъ смѣлости злыхъ и безпечности порочныхъ. Они рѣшаются на все, даже хвалятся своимъ безчестіемъ и готовы оправдывать свои крайности.

Неумѣренное самолюбіе приводитъ наконецъ къ двумъ порокамъ: напыщенной гордости и любленію удовольствій болѣе, нежели Бога. Человѣкъ, рожденный и сотворенный для Бога, по видимому, не долженъ бы имѣть другаго удовольствія и цѣли, какъ любить Бога. Служеніе же сво-ему разуму и своей личности есть идолопоклонство, слу-женіе матеріальной чувственности.

Ст. 5. *Имущеи образъ благочестія, силы же его от-вершиися; и сихъ отвращайся.*

Самая печальная и ужасная сторона нарисованнаго апостоломъ портрета та, что всѣ указанные пороки мо-гутъ скрываться подъ внѣшнею формою благочестія. Пусть бы еще они встрѣчались въ отдѣльныхъ сектахъ, въ тѣхъ тайныхъ обществахъ разныхъ вѣковъ, которые, подъ пред-логомъ усовершенствованія богопознанія и союза съ Богомъ, не гнушались никакими пороками, увѣряя, что они чужды всякаго порока и слабостей человѣческихъ,—но, къ не-счастію, все это можетъ встрѣчаться даже въ нѣдрахъ Церкви, гдѣ могутъ быть безстыдные злодѣи, скрытные, ужаснѣйшіе и опаснѣйшіе, нежели первые. Если лицемѣ-ріемъ порокъ хочетъ выразить уваженіе добродѣтели и благочестія, то этимъ онъ только унижаетъ и оскорбляетъ

то и другое, и для религіи опаснѣе всего люди, которые благочестіемъ прикрываютъ свое нечестіе.

Такіе люди, понятно, не имѣютъ духа, силы и дѣйствительности благочестія. Кто не знаетъ, что благочестіе въ сущности есть истина, чистота и праведность. „Истинніи поклонницы, говоритъ Господь, поклонятся Отцу духомъ и истиною“ (Іоан. 4, 23). Духъ христіанскаго благочестія есть духъ смиренія и самоумерщвленія, правды и любви къ ближнему и высочайшей любви къ закону Божію. Кто не имѣетъ этого духа во всей его полнотѣ, тотъ можетъ только казаться благочестивымъ, но ни дѣйствія, ни силы благочестія не имѣетъ.

Какъ бы то ни было, Павелъ совѣтуетъ своему ученику избѣгать подобныхъ людей. Это—не невѣжды и не слабые люди, а злодѣи. Изъ ихъ выйдутъ лжеучители и распространители всѣхъ ересей, и потому Павелъ такъ подробно характеризуетъ ихъ.

Ст. 6. Отъ сихъ бо суть поныряющіи въ дома и плѣняющіи женщины отягоченныя грѣхами, водимыя похотями различными.

Всѣ основатели сектъ не сразу дѣлаются злыми и испорченными и не тотчасъ готовы на открытую борьбу съ Церковію. Есть между ними такіе, которые сначала возстаютъ противъ существующихъ злоупотребленій, противъ принятаго ученія, понуждаемаго къ тому преувеличенною ревностію къ нравственной чистотѣ, или увлекаемые какимъ-либо догматомъ. Но есть и такіе, у которыхъ умъ и сердце испорчены съ самаго начала. Отдѣлившись отъ Церкви въ отношеніи чувствъ и привычекъ, но не выработавъ еще своихъ убѣжденій и системы лжеучителя, они подходятъ подъ изреченіе Св. Іоанна: „отъ насъ изыдоша, но не бѣша отъ насъ“ (1 Іоан. 2, 19). Таковы большею частію гностики.

Но уже отдѣлившись отъ Церкви, всѣ сектаторы имѣютъ одинъ общій характеръ. Они любятъ себя самихъ болѣе, нежели истину и единеніе, напыщены и горды и,

чаще всего, болѣе любятъ удовольствія, чѣмъ Бога. Въ распространеніи лжеученій они слѣдуютъ одинаковымъ путемъ: пробираются въ христіанскія семейства; хитростію приобрѣтаютъ въ нихъ значеніе, мнимымъ благочестіемъ располагаютъ къ себѣ женщинъ, оправдывая ихъ проступки, льстя ихъ тщеславію и лѣности, а иногда, подь благовидными предлогами, уча ихъ порокамъ. Такимъ образомъ, вмѣсто облегченія ихъ совѣсти отъ грѣховъ, они еще болѣе обременяютъ ее и, не смотря на непостоянство ихъ желаній, а можетъ быть, благодаря ему, овладѣваютъ ихъ умомъ и волею и ведутъ ихъ за собою, какъ плѣнныхъ. Св. Иринея ясно показываетъ, какое обольстительное дѣйствіе на христіанскихъ женщинъ производили ученики Валентина. Въ то же время, хотя и подь другими предлогами, Монтанъ (во Фригіи) увлекъ за собою женщинъ, прославившихся въ его сектѣ пророчествами. Такъ бывало всегда. Ложные мистики находили между женщинами самыхъ ревностныхъ послѣдовательницъ, слѣпыхъ исполнительницъ ихъ воли и горячихъ проповѣдницъ ихъ ученія. Не одинъ Симонъ имѣлъ свою Елену, вездѣ встрѣчаются своего рода Іезазели, выдающія себя за пророчицъ. Обольстившись сами, онѣ въ свою очередь обольщаютъ другихъ—рабовъ Божіихъ (Апок. 2, 20).

Ст. 7. Всегда учащися, и николи же въ разумъ истины приити могуція.

Павель говоритъ въ этихъ словахъ не о женщинахъ только, но и о еретикахъ и вообще о всѣхъ, которые ищутъ истины въ мірѣ Божіемъ лишь помощію разума, довѣряясь ему одному. Они ищутъ ее, надѣются найти и никогда не останавливаются въ исканіи, потому что никогда не бываютъ довольны самими собою: что ни день, то новые взгляды, новыя попытки, новыя сомнѣнія; что казалось весьма яснымъ, то теперь оказывается сомнительнымъ и на оборотъ. Съ одной стороны, высота великихъ религіозныхъ истинъ сбиваетъ и ослѣпляетъ ихъ, а съ другой—естественная слабость ума человѣческаго не

дозволяетъ достигнуть желаемаго конца, и часто усилія къ достиженію его приводятъ къ отрицанію самаго разума. Вслѣдствіе этого—горячія натуры приходятъ въ отчаяніе, болѣе спокойныя довольствуются тѣмъ, что, *можетъ быть*, и никто не можетъ похвалиться достиженіемъ познанія истины.

Ст. 8. *Якоже Іанній и Іамерій противистася Моисею, такожде и сіи противляются истинѣ, чловѣцы растлѣнни умомъ, и неискусни о вѣрѣ.*

Если нельзя извинить указанныхъ искателей истины въ томъ, что въ изысканіяхъ они не опирались на истину, рассчитывая найти ее своими силами, то нельзя также обвинять ихъ въ умышенномъ невѣрїи. Но есть между ними и такіе, которые не хотятъ понять истины, удерживаемые честолюбіемъ, тщеславіемъ или необузданнымъ любопытствомъ, а иногда желаніемъ оправдать свои безчинства. Таковы обыкновенно вожди сектъ, которыхъ Св. Павелъ называетъ *растлѣнными умомъ и не искусными о вѣрѣ*. Какъ бы ни былъ растлѣнъ ихъ умъ, но потерявъ вѣру, они стараются убить ее и въ другихъ, разрушить всѣми мѣрами существующій порядокъ въ государствѣ.

Не все, происходившее съ начала временъ, записано въ Св. книгахъ, но все записанное записано для нашего назиданія. Прошедшее есть образъ настоящаго, а настоящее—будущаго. Человѣкъ всегда одинаковъ: стоитъ только присмотрѣться. По сему нравоученіе, приведенное Ап. Павломъ, весьма естественно. Моисей—образъ апостоловъ и проповѣдниковъ евангелія; египетскіе волхвы — образъ сектаторовъ, обманывающихъ хитростію и ловкостію не только народъ, но и высокихъ лицъ. Въ борьбѣ съ служителями истины они имѣютъ минутный успѣхъ, затѣмъ падаютъ и ихъ обманъ и ловкость обращаются въ посрамленіе ихъ.

Ст. 9. *Но не преустыютъ болѣе: безуміе бо ихъ явлено будетъ всѣмъ, якоже и онѣхъ бысть.*

Такова исторія всѣхъ сектъ. Успѣхъ ихъ—временный. Когда пройдетъ опредѣленное время, основатели ихъ при-

знаются за лжемудрецовъ, признаются за такихъ не только между истинными сынами вѣры, но даже и новыми сектаторами, идущими за ними по тому же пути заблужденій. За блистательнымъ началомъ великихъ сектъ слѣдовалъ плачевный конецъ. Такъ, гностики въ концѣ потеряли уваженіе вслѣдствіе размноженія, странностей и противорѣчій ихъ системъ ученія и (вслѣдствіе) гнуснаго разврата сектантовъ. Магометанство, угрожавшее цѣлой Европѣ и хотѣвшее возстановить древнюю цивилизацію, гибнетъ отъ этой самой цивилизаціи и сохранило нѣкоторые признаки жизни только отреченіемъ отъ нея. Тоже въ протестантизмѣ. Когда главное и первоначальное ученіе его принесло плоды, тогда міръ увидѣлъ въ немъ печальное зрѣлище: почти всеобщую безнравственность, раздѣленіе вѣроученія, образованіе новыхъ системъ вѣроученія, совершенно противоположныхъ доктринамъ первоучителей и основателей протестантизма. Нѣкоторыя секты существовали довольно долго. Но наблюденіе надъ ними даетъ вѣрныя доказательства, что конецъ и распаденіе всякой секты неизбежны.

II. Жизнь Св. Павла.—Его страданія.—Гоненія на святыхъ.

Ст. 10. *Ты же послѣдовалъ еси моему ученію, житію, нравству, вѣрѣ, долготерпѣнію, любви, терпѣнію.*

Въ противоположность ученію и обычаямъ сектаторовъ, Св. Павелъ предлагаетъ своему ученику иные примѣры, убѣждая его слѣдовать имъ. Кто изъ насъ можетъ такъ говорить о себѣ и предлагать себя въ примѣръ другимъ? А между тѣмъ, если мы хотимъ быть добрыми пастырями, достойными служителями евангелія, то должны представить вѣрующимъ примѣры: ученіе, если не совершеннѣйшее, по крайней мѣрѣ здоровое и твердое; должны представить жизнь чистую, трудовую и правильную, если на святую; наши намѣренія должны быть чисты и безкорыстны; должны представить примѣръ вѣры твердой и полной, а если можно—всегда живой; долготерпѣніе и снѣ-

сходительность къ слабымъ и грѣшникамъ; неослабную любовь, доходящую, если можно, до самопожертвованія; наконецъ—терпѣніе, мудро смиряющееся предъ бѣдствіями и тяжелыми жизненными испытаніями, а если возможно,—способное радоваться и торжествовать, перенося ихъ.

Ст. 11. *Изгнаніемъ, страданіемъ, якова ми быша въ Антіохіи, во Иконіи, и въ Листръхъ: якова изгнанія пріяхъ, и отъ всѣхъ мя избавилъ естъ Господь.*

Св. Павелъ исчисляетъ здѣсь свои гоненія и страданія, подобно, тому какъ полководецъ перечисляетъ свои походы, но не изъ личныхъ цѣлей, а для прославленія силы Божіей, избавившей его отъ нихъ.

Чѣмъ тяжелѣе были гоненія на него, чѣмъ больше были опасности, перенесенныя имъ, тѣмъ яснѣе могла обнаружиться въ освобожденіи его отъ нихъ благодать и милосердіе Божіе и тѣмъ поучительнѣе примѣры надежды на Бога могъ найти въ нихъ ученикъ его.

Ст. 12. *И вси же хотящии благочестно жити о Христѣ Иисусѣ гоними будутъ.*

Указывая на свои страданія, Апостоль не считаетъ ихъ исключительнымъ примѣромъ, но выводитъ общее правило, что *всѣ, желающіе жити благочестиво во Христѣ Иисусѣ, будутъ* (подобно ему) *гонимы*. Это правило, ученіе совершенно естественно въ христіанствѣ, основанномъ на искушеніи страданіями и смертію Богочеловѣка на крестѣ. Этотъ символъ спасенія долженъ быть напечатлѣнъ на Церкви и на каждомъ вѣрующемъ. Горе тому, кто не имѣетъ его! Иныя гоненія посылаются природою, провидѣніемъ и закономъ Божіимъ, другія терпимъ отъ ближнихъ, третьи отъ враговъ вѣры. Послѣдній родъ гоненій—самый славный, дѣлающій гонимыхъ благоугодными Богу. Это—чаша, часто весьма горькая для природы нашей. Это испытаніе, надъ которымъ нельзя восторжествовать безъ помощи благодати. Такія троякія гоненія особеннымъ образомъ постигаютъ вѣрнаго пастыря. Какъ бы ни былъ онъ вѣренъ своимъ обязанностямъ и благочестивъ, онъ

всегда может сдѣлаться предметомъ насмѣшки, сожалѣнія, презрѣнія, можетъ страдать отъ противорѣчій со стороны собратьевъ. Такъ какъ всегда и вездѣ есть враги Бога и Его Церкви, то нерѣдко, подъ ничтожнѣйшими предлогами, могутъ порицать его поведеніе и служеніе, угрожать его общественному положенію, отравлять всю его жизнь.

II. Еще о еретикахъ.— О необходимости твердо держаться принятаго ученія.—
Объ изученіи Св. Писанія.— О пользѣ его.

Ст. 13. *Лукавіи же чловѣцы и чародѣи преуспѣвають на горшее, прельщающе и прельщаеми.*

Гоненія, которыя терпитъ вѣрующій во Христа, испытывая гонимаго, утѣшаютъ и укрѣпляютъ его и дѣлаютъ способнымъ приносить пользу братьямъ. Что же касается злыхъ, они ежедневно будутъ усиливаться во злѣ, увлекая въ него другихъ. Въ постепенномъ усиленіи чловѣка во злѣ видѣнъ обыкновенный законъ грѣховнаго состоянія, по которому всякое зло неизбежно влечетъ за собою другое—худшее. Но яснѣе и ощутительнѣе всего законъ этотъ обнаруживается въ дѣйствіяхъ злыхъ людей, старающихся распространить вокругъ себя порчу и ложь. Гордость, необходимость чѣмъ нибудь оправдать свои дѣйствія, иногда неистовая къ истинѣ и Церкви влекутъ ихъ на этотъ путь и даютъ имъ всю силу страсти къ распространенію заблужденій.

Ст. 14. *Ты же пребывай, въ нихъ же наученъ еси и яже вътрена суть тебѣ, вѣдый отъ кого научился еси.*

Вѣрное средство защитить себя отъ заблужденій и послѣдствій ихъ—твердо держаться принятаго ученія. Непостоянство мнѣній, измѣняемость вѣрованій отличаютъ чловѣческія доктрины. Неизмѣняемость же вѣры, непоколебимая твердость убѣжденій характеризуютъ божественную истину. Эта истина открывается и сообщается всѣмъ вѣрующимъ, но преимущественно довѣряется пастырямъ Церкви—для храненія и сообщенія другимъ. Это—ихъ

главная обязанность и основаніе всѣхъ другихъ. Въ томъ ихъ слава, и потому они, съ своей стороны, должны тщательнo хранить ввѣренный имъ даръ. Эта обязанность твердо держать принятое и вѣрно хранить довѣренное не должно быть дѣломъ слѣпой заботы. Постоянство вѣры не есть дѣйствіе нѣвѣжества, но происходитъ отъ полноты свѣта. Истинный христіанинъ знаетъ, что то, во что онъ вѣритъ, онъ принялъ отъ Церкви, Церковь—отъ апостоловъ, а послѣдніе—отъ Самаго І. Христа, ибо Церковь вѣруетъ только въ то, что приняла отъ апостоловъ по наученію и установленію І. Христа. Вѣровать во что-либо другое, чему не учитъ І. Христосъ, значитъ ставить это другое на мѣсто І. Христа, значитъ, по отношенію къ божественнымъ истинамъ, вѣрить самому себѣ болѣе, нежели Богу, увѣрять, что мы знаемъ болѣе, нежели благоволилъ Богъ открыть намъ.

Ст. 15. И яко измлада писанія священная умъеши, могущая тя умудрити во спасеніе, вѣрою, яже о Христвѣ Исусѣ.

Слово І. Христа, откровеніе Божіе, есть основаніе вѣры. Это откровеніе, слово передано намъ двумя способами: устно и письменнo. Слово Божіе, переданное устно, чрезъ апостоловъ, есть божественное Преданіе, а переданное письменнo—Свящ. Писаніе. Въ томъ и другомъ тоже слово Божіе, изъ того и другаго можно научиться божественной истинѣ, то и другое достойны равнаго уваженія.

Устнымъ словомъ вездѣ основывалась и образовывалась Церковь, но нигдѣ, кромѣ нѣкоторыхъ варварскихъ странъ, установленіе и утвержденіе ея не обходилось безъ Св. Писанія. Свящ. Писаніемъ апостолы Петръ и Павелъ показывали Іудеямъ божество І. Христа и часто ссылаясь на его авторитетъ и свидѣтельство. Оно есть священная книга древняго народа, и Тимоѣей зналъ его съ дѣтства. По этимъ книгамъ дѣти іудеевъ учились чтенію, богопознанію, изучали законъ Божій. Каждую субботу ихъ читали и объясняли въ синагогахъ.

Такъ же всегда поступала и Церковь христіанская. Что бы ни говорили враги ея, она никогда не закрывали отъ дѣтей Св. Писанія: оно имѣло главное значеніе въ литургіи, ему учили пастыри Церкви, нѣкоторыя части его дѣти заучивали, какъ катихизисъ. Мать, уча своихъ дѣтей началамъ вѣры христіанской, присоединяла къ тому нѣсколько избранныхъ, приспособленныхъ возрасту дѣтей, рассказовъ изъ Евангелія, Дѣяній Апостольскихъ, Посланій, даже изъ Псалмовъ и книгъ Премудраго. Этимъ она нисколько не противорѣчила духу Церкви и приготавлила для нея Тимоѳеевъ.

Главнымъ побужденіемъ къ изученію Св. Писанія, служить познаніе божественной истины, цѣль—спасеніе. Читать книги В. Завѣта безъ вѣры въ І. Христа значитъ читать книгу закрытую, значитъ не хотѣть понять намѣреній Божіихъ.

Ст. 16. *Всяко писаніе богодухновенно и полезно есть ко ученію, ко обличенію, къ исправленію, къ наказанію, еже въ правдѣ.*

Апостоль излагаетъ высокое понятіе о Св. Писаніи. Оно боговдохновенно. По внѣшней формѣ оно человѣчно, но въ дѣйствительности, такъ сказать, человѣко-божье. „Ни бо волею бысть, говоритъ ап. Петръ, когда человѣкомъ пророчество, но отъ Св. Духа просвѣщаеми глаголаша святіи Божіи человѣцы“ (1 Петр. 1, 21). Посему оно—не человѣческое слово, но слово самаго Бога. Апостоль не говоритъ здѣсь о процессѣ вдохновенности и не устанавливаетъ разницы между книгами пророческими и историческими или нравоучительными, не говоритъ—*нѣкоторое* писаніе, но—*всякое писаніе* богодухновенно. Какъ-бы ни были разнообразны формы вдохновенности и какимъ бы способомъ Духъ Св. ни обнаруживалъ дѣйствія на книги, составляющія Св. Писаніе, и на писателей ихъ,—самый фактъ боговдохновенности не можетъ быть отрицаемъ, а слѣдовательно, всѣ книги, составляющія часть Св. Писанія, боговдохновенны.

Посему Св. Писаніе полезно *къ ученію*, ибо все, что написано въ немъ, написано для нашего наставленія, говоритъ Св. Павелъ. Самъ же Павелъ показываетъ и примѣръ, какъ пользоваться Св. Писаніемъ для назиданія. Оно полезно—*къ обличенію*, ибо содержитъ все необходимое для уничтоженія и разоблаченія заблужденій, измѣняющихъ вѣру. Оно полезно—*къ исправленію* и возвращенію на путь истины всѣхъ, совратившихся съ него, потому что содержитъ самыя дѣйствительныя и приспособительныя къ потребностямъ каждаго средства дѣйствовать на душу. Оно, наконецъ, полезно—*къ наказанію, еже въ правдѣ*: оно даетъ вѣрное понятіе о правдѣ, любви, выражающейся въ дѣйствіи.

Едва ли нужно прибавлять, что понятіе апостола о Св. Писаніи прилагается и къ богословію, — богословію догматическому — *учительному*, полемическому — *обличающему* и *исправляющему* нравственному—*исправляющему* и *упорядочивающему*—нравы. Несомнѣнно и то, что всякое богословское служеніе, отправленіе, обычаи находятъ основаніе въ Св. Писаніи.

Ст. 17. *Да совершенъ будетъ Божій человекъ, на всякое дѣло благое уготованъ.*

Здѣсь рѣчь идетъ не столько о насъ самихъ, сколько объ усовершенствованіи нашемъ въ качествѣ сыновъ Божіихъ.

Св. Писаніе имѣетъ большую силу сдѣлать пастыря совершеннымъ:—*по вѣрѣ*, которую оно питаетъ и оживляетъ,—*по чувствамъ*, которыя оно возвышаетъ и облагораживаетъ,—*по нравамъ*, исправляя и упорядочивая ихъ. По словамъ древнихъ учителей, „Св. Писаніе совершенно, ибо оно изречено Словомъ и Духомъ Божіимъ, и все, что содержится въ немъ, высоко, божественно, разумно и совершенно“ (Ириней. Прот. Ерес. 1. 11. гл. XXIII, пр, 2. Св. Илар., толь. на пс. 135).

Въ Св. Писаніи пастырь найдетъ въ высшей степени полезное и достаточное указаніе для достойнаго выполненія всѣхъ обязанностей пастырскаго служенія: оно указываетъ и помогаетъ учить, убѣждать, исправлять и возвра-

щать грѣшниковъ на путь истины, открывать пути правды, утѣшать скорбящихъ, подкрѣпить умирающихъ въ послѣднія минуты, говорить всѣмъ языкомъ Божиимъ, который всѣ желали бы слышать отъ пастыря. „Священникъ, по словамъ Бл. Августина, на столько владѣеть этимъ языкомъ, на сколько широко и глубоко его знаніе Св. Писанія“ (De Doct. chr. I. IV. c. V. u. 7).

Глава четвертая.

Противопоставивъ лжеучителямъ свой примѣръ и указавъ на Св. Писаніе, какъ на предохранительное средство противъ ихъ ученія, Св. Павелъ противопоставляетъ имъ служеніе и обязанность постоянной проповѣди и пастырскаго бодрствованія. Затѣмъ онъ касается нѣкоторыхъ подробностей разныхъ извѣстій и дѣлъ, прибавляя, по мѣстамъ, высокія соображенія и полезные совѣты.

I. Постоянное проповѣдываніе слова Божія.—Причина сего.—Гибельныя стремленія христіанъ.—Бодрствованіе и исполненіе святаго служенія.

Ст. 2. Засвидѣтельствую убо азъ предъ Богомъ и Господомъ нашимъ Исусомъ Христомъ, хотящимъ судити живымъ и мертвымъ въ явленіи Его и царствіи Его.

Эта торжественная форма рѣчи Св. Павла, это завѣреніе своего ученика всѣмъ, что есть самаго святаго и страшнаго, очевидно, имѣетъ важное значеніе. Оно показываетъ всю важность служенія дѣлу проповѣди слова Божія и безусловную необходимость для пастырей быть вѣрными этой обязанности. Верховный принципъ всего сущаго Богъ; всеобщее средство спасенія—I. Христосъ,

ходатай и судья всѣхъ людей; послѣдній конецъ—или вѣчная жизнь, царство І. Христа,—вотъ три главные истины вѣры, вотъ сущность всякой евангельской проповѣди.

Вѣчная жизнь, обѣщанная намъ, есть царство Христова, войти въ которое можно только силою Его крови и участія въ Его заслугахъ. Отсюда понятно, что незнающіе Христа и не желающіе участвовать въ Его заслугахъ, никогда не войдутъ въ это царство, въ эту жизнь.

Ст. 2. *Проповѣдуй слово, настой благовременнѣ и безвременнѣ, обличи, запрети, умоли со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ.*

Пастырь не исполняетъ еще въ точности обязанности проповѣдника святаго слова, если онъ поучаетъ регулярно, въ установленное Церковію время. Есть другія требованія, другія условія для точнаго исполненія этой обязанности.

Прежде всего, обязанность такого служенія требуетъ настойчивости, постоянства. Высшая цѣль евангельской проповѣди—обратить души людей къ Богу, и потому не достаточно учить, проповѣдывать только между прочимъ, при случаѣ: необходимо, по слову Павла, побуждать, *настоять во время и не во время*. Что же значитъ настоять во время и не во время? Значитъ-ли это, что соображаться съ временемъ и обстоятельствами? Нѣтъ. Апостоль выражаетъ этимъ ту мысль, что всякое время удобно, всякія обстоятельства благопріятны для проповѣди слова Божія. І. Христосъ училъ всегда и вездѣ. Апостолы слѣдовали Его примѣру. Пастырь добрый долженъ подражать имъ. Его проповѣдь, пріятная добрымъ, можетъ быть непріятна другимъ, но отъ того она не будетъ бесполезна, если только проповѣдникъ будетъ умѣренъ, не наскучитъ и не утомитъ вниманія слушателей. Проповѣдь—самая мудреная часть пастырскаго служенія. Въ этомъ дѣлѣ „необходимо соблюдать мудрую умѣренность, говоритъ Бл. Августинъ, чтобы не наскучить своимъ слушателямъ“ (De Doct. chr. I. IV. С. X).

Есть три способа и три формы евангельской проповѣди: обличеніе, запрещеніе, умоленіе. Пастырь обличаетъ, потому что по своему служенію имѣетъ право говорить со властію. Но поелику польза его слушателей—и его польза, въ томъ, чтобы обличеніе не вышло слишкомъ суровымъ, онъ смягчаетъ его умоленіемъ, а послѣднее оживляетъ запрещеніемъ, представляя слушателямъ все зло, которое неизбѣжно постигаетъ неслушающихъ святаго слова или не желающихъ пользоваться имъ.

Такимъ образомъ пастырь исполняетъ тройную обязанность: — отца, брата и судьи. Но обличеніе его не переходитъ въ насиліе. Если иногда сила бываетъ умѣстна въ проповѣди; то крайность и увлеченіе никогда не позволительны. Съ другой стороны, умоляя своихъ братьевъ во Христѣ, во имя общихъ интересовъ исполнять свои обязанности, онъ тѣмъ самымъ ни сколько не унижаетъ и не ослабляетъ своей пастырской власти.

Главное условіе успѣха церковнаго краснорѣчія—терпѣніе, которое не должно оставлять проповѣдника и должно находить поддержку въ святомъ ученіи. Просвѣщенный пастырь понимаетъ, что никогда не слѣдуетъ доводить людей до отчаянія, каковы бы ни были ихъ заблужденія и слабости. Онъ знаетъ, что лучшее средство для того—открыть, обличить зло разумно и вѣстаті. Если они не послушаютъ его разъ, онъ не перестанетъ увѣщавать ихъ, учить. Они сами собою могутъ дойти до отчаянія, но онъ никогда не доведетъ ихъ до него. Онъ все переноситъ, терпитъ, но не скрываетъ отъ нихъ правды, и его терпѣніе не есть потачка заблужденію, а напротивъ—самая дѣйствительная жалоба на порокъ, доходящая до сердца слушателей.

Ст. 3. Будетъ бо время, егда здраваго ученія не послушаютъ, но по своимъ похотѣхъ изберутъ себѣ учителя честию слухомъ.

Какъ ни трудны были времена, слѣдовавшія непосредственно за смертію апостоловъ, но характерную черту

ихъ не составляетъ появленіе такихъ личностей, которыя не терпѣли здраваго ученія, и поддаваясь лести, искали себѣ учителей по своему вкусу и находили таковыхъ. Въ какомъ вѣкѣ не было того же? Да и въ наше время встрѣчаются люди, не терпящіе здраваго ученія о необходимости вѣры для спасенія, о безусловной необходимости вѣровать во все, чему учитъ Церковь, и покоряться ея законамъ, о свойствахъ и вѣчности мученій и будущихъ наградахъ.

Ст. 4. И отъ истины слухъ отвергаютъ, и къ баснямъ уклоняются.

Таково неизбежное слѣдствіе уклоненія отъ истины. Не хотятъ принимать религіозную истину и ея таинства— и впадаютъ въ заблужденія и другія суевѣрія; отвергаютъ личнаго и свободнаго Бога христіанскаго и признаютъ такого Бога, который есть все и ничто, слѣпую силу, судьбу, господствующую надъ всѣмъ и, неизвѣстно почему, все сохраняющую и каждую минуту могущую все разрушить. Отвергаютъ І. Христа—и принимаютъ съ любовью, если не съ уваженіемъ, безумныя выдумки и даже жалкія басни древнихъ языческихъ религій; заподозриваютъ совершеннѣйшую правоту Бога евангельскаго—и удивляются, будто бы, *чистымъ и искреннимъ* убѣжденіямъ Магомета. Такимъ образомъ, удаляясь отъ чистой и святой истины евангельской, вѣрятъ баснямъ, заглушаютъ совѣсть внѣшними дѣлами, успокоиваютъ себя чудовищными легендами, которыя, будь онѣ истинны, не говорятъ въ нашу пользу.

Ст. 5. Ты же трезвися о всемъ, злопостражди, дѣло сотвори благовѣстника, служеніе твое извѣстно сотвори.

Пастырь долженъ охранять отъ такой опасности не только самого; на его обязанности лежитъ защищать и другихъ. Онъ долженъ, конечно, бодрствовать надъ самимъ собою, ибо—что І. Христосъ сказалъ своимъ апостоламъ, то относится ко всѣмъ—„бдите“! (Марк. 13, 37). Но онъ долженъ также безпрестанно охранять духовный домъ, довѣренный его надзору. Онъ—бдительный часовой, который всегда, день и ночь, долженъ быть готовъ дать отвѣтъ

Богу. Онъ служитель, которому Отець семейства поручилъ заботу о своемъ домѣ и который всегда долженъ быть на готовѣ, потому что „прійдетъ господинъ раба того въ день, въ онъ же не чаеть, и въ часъ, въ онъ же не вѣсть“. (Матѣ. 24, 50). Такое бодрствованіе сопряжено съ трудомъ. Но пастырь не долженъ отказываться ни отъ какого труда, не долженъ утомляться и ослабѣвать въ страданіяхъ. Трудиться всегда и всякими способами—такова судьба епископа и пастыря.

Его первый, преимущественный трудъ—трудъ благовѣствованія, дѣло Божіе, сотворенное и совершенное Иисусомъ Христомъ (Іоан. 4, 34; 17, 4); дѣло столь обязательное для пастыря, что Св. Павелъ говоритъ: „горе мнѣ есть, аще не благовѣствую“! Благовѣствованіе—дѣло не сверхдолжное, а необходимое: „нужда бо ми належитъ“ (1 Кор. 6. 16).

И это еще не все. Бодрствуя и исполняя обязанность благовѣстника, нужно выполнять и другія обязанности служенія. Нарушать одну изъ нихъ значитъ—дѣлать безпольнымъ исполненіе остальныхъ: нарушить одинъ законъ—значитъ нарушить всѣ. Посему не слѣдуетъ ошибаться на этотъ счетъ, увлекаться мірскою лестью, можетъ быть—искреннею, но почти всегда слѣпою въ своихъ похвалахъ. Необходимое условіе исполненія такой обязанности—скромность, безъ которой невозможно бодрствованіе, мужество въ трудѣ, свобода слова, сосредоточенное и постоянное вниманіе къ своимъ разнообразнымъ обязанностямъ.

II. Мученіе Св. Павла.—Подвигъ добрый.—Вѣнецъ правды.

Ст. 6. *Азъ убо жренъ бываю, и время моего отшествія наста.*

Св. Павелъ обращается къ самому себѣ, чтобы еще разъ поощрить своего ученика собственнымъ примѣромъ и уготованною ему наградою. Павелъ знаетъ о своей смерти, предвидитъ ея близость, смотритъ на себя, какъ на жертву, приготовленную для всесожженія. Эту мысль онъ подтвер-

ждаетъ тотчасъ же, говоря, что его дѣло кончилось и что онъ ожидаетъ только награды отъ Верховнаго Судіи. Безъ сомнѣнія, Апостоль не думалъ, что мученическая смерть ожидаетъ его чрезъ нѣсколько дней, хотя и выражается, повидимому, въ этомъ смыслѣ; но предполагать, что онъ употребилъ такой ясный и энергичный оборотъ рѣчи, считая себя отдаленнымъ отъ смерти нѣсколькими годами, значитъ—приписывать ему то, что ни естественно, ни достойно его.

По отношенію къ вѣрѣ, мученическая смерть есть жертва, жертва добровольная, хотя закалаемая и не тѣмъ, кто приноситъ ее,—жертва искупительная, очищающая грѣхи своею кровью. Смерть истиннаго христіанина—также жертва, хотя и не столь совершенная. Смерть—необходимость природы, но она можетъ сдѣлаться добровольною жертвою за Іисуса Христа. По живому слову апостола, смерть есть время не только нашего *отшествія* съ земли, всеобщаго отдѣленія отъ привычекъ, связей, блага и удовольствій настоящей жизни: она есть также и *разложеніе* нашего существа. Связь двухъ естествъ, составляющихъ насъ, окончательно разрывается, и если душа живетъ и послѣ того, за-то тѣло тотчасъ разлагается, едва оставляя послѣ себя какія нибудь обезображенные части. Посему Бл. Августинъ говоритъ, что „человѣкъ боится смерти не по суевѣрію, а по природѣ“ (Serm. 172, de verb. Ap. n. I).

Ст. 7. *Подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ.*

Жизнь есть борьба, особенно для служителя евангелія. Не всѣ, конечно, призваны для великой борьбы апостольской, но всѣ должны тяжестью понесенной нами борьбы и вѣрностію въ ней опредѣлять степень нашей пользы въ борьбѣ и награды за нее.

Жизнь однихъ продолжительнѣе, нежели другихъ, но всѣхъ вообще—коротка. Теченіе жизни неизбѣжно для всѣхъ въ одномъ смыслѣ: всѣ идутъ къ концу ея, ожидаемому или неожиданному, о которомъ одни заранѣе думали, другіе—нѣтъ. Но не это значитъ скончать теченіе въ апос-

тольскомъ смыслѣ. Тотъ кончаетъ его, кто приближается не только къ концу жизни, но и къ высочайшей цѣли, указанной ему Богомъ, кто, подобно Павлу, можетъ сказать о себѣ: „задняя убо забывая, въ предняя же простираяся, со усердіемъ гоню къ почести вышняго званія Божія о Христѣ Іисусѣ“ (Филип. 3, 13—14).

Одна вѣра можетъ сдѣлать человека побѣдителемъ въ великой борьбѣ нашей съ міромъ и самими собою. Посему и Апостоль, сказавъ о своихъ добрыхъ подвигахъ, прибавляетъ: *вѣру соблюдохъ*. Сохранить вѣру во всей ея чистотѣ, полнотѣ и непоколебимости среди заблужденій, предразсудковъ, мірской злобы и пр.—великое дѣло. Въ вѣрѣ—источникъ утѣшенія для христіанской души; въ ней мы имѣемъ драгоцѣнный залогъ всѣхъ надеждъ.

Ст. 8. *Прочее убо соблюдается мнѣ вѣнецъ правды, его же воздастъ ми Господь въ день онъ, праведный Судія; не токмо же мнѣ, но и всѣмъ, возлюбившимъ явленіе Его.*

Чтобы говорить съ такою увѣренностію, какъ Павелъ, нужно имѣть вѣру. Но и каждый христіанинъ, по чувству глубокой вѣры въ милосердіе Божіе и заслуги І. Христа, въ нѣкоторой мѣрѣ долженъ имѣть эту увѣренность.

Вѣнецъ, приготовленный намъ въ будущей жизни, существенно состоящій въ созерцаніи Бога и участіи въ царствѣ І. Христа, безконечно выше всякой человѣческой награды. Но Богъ благоволилъ обѣщать ее намъ, какъ незаслуженную награду за наши труды и усилія. Мало того, чтобы установить нѣкоторую соразмѣрность между цѣною за наши труды и величіемъ этой награды, Онъ дѣйствуетъ на насъ благодатію І. Христа, дѣлаетъ насъ участниками Его жизни и заслугъ. Такимъ образомъ, обѣщанная намъ награда есть даръ Божій и въ то же время—плодъ нашихъ трудовъ; вѣнецъ благодати милосердія, а равно и вѣнецъ правды, обѣщанный всѣмъ, любящимъ пришествіе І. Христа. Въ нѣкоторой мѣрѣ можно и должно бояться пришествія І. Христа—Верховнаго Судіи; но христіанинъ не долженъ забывать, что этотъ Судія—Спаситель.

Не любить явленія І. Христа вслѣдствіе земныхъ привязанностей—значить отказаться отъ самыхъ началъ евангельскихъ и сердечнаго желанія, выражаемаго въ ежедневной молитвѣ о пришествіи царствія Христова. Не любить этого пришествія по излишнему страху или по слабости вѣры—значить не любить І. Христа, Его славы, послѣдняго торжества Его силы и правосудія, не желать быть съ Нимъ, видѣть Его такимъ, каковъ Онъ есть. „Если мы любимъ Христа, говоритъ Бл. Августинъ, то должны желать и любить Его пришествіе, ибо теперь за насъ ходатайствуетъ тотъ, кто потомъ будетъ судить насъ“ (Бес. на псал. 147, прим. 1).

III. Одиночество Св. Павла.—Помощь Божія.

Ст. 9—10. *Потщися скоро прийти ко мнѣ. Димасъ бо мене остави, возлюбивъ нынѣшній вѣкъ, и иде въ Солунь.*

Увѣренный въ близкой смерти своей, Св. Павелъ желалъ еще разъ видѣться съ Тимоѳеемъ. Какая цѣль свиданія, трудно сказать. Но, вѣроятно, была важная причина, если апостоль рѣшился разлучить своего ученика, хотя бы и на короткое время, съ его паствою, надъ которою самъ же совѣтовалъ ему бодрствовать.

Ученикъ благовѣствованія, человѣкъ, почтенный дружбою Св. Павла, участвовавшій въ его служеніи, оставилъ его въ то время, когда самая честь требовала, чтобы онъ тѣснѣе привязался къ апостолу—во время его старости, уже, при послѣднихъ часахъ,—оставилъ по любви къ нынѣшнему вѣку. Любовь къ вѣку не всегда есть страстная привязанность къ богатству и почестамъ. И когда она выражается въ неумѣренной привязанности къ жизни и благоденствію, проявляющейся обыкновенно въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Если не бороться съ нею, она овладѣетъ душою, омрачаетъ свѣтъ ея, чувства, ослабляетъ мужество, и если не доводитъ душу до забвенія спасенія, то дѣлаетъ ее неспособною къ жертвѣ.

Ст. 10. *Крискентъ* (пошелъ) *въ Галатію, Титъ въ Далматію.*

Находясь въ узахъ, Св. Павелъ не забывалъ интересовъ Церкви и посылалъ своихъ учениковъ всюду, гдѣ считалъ присутствіе ихъ необходимымъ или полезнымъ.

Св. Епифаній и Θεодоритъ думаютъ, что Крискентъ отправился въ Галлію, по мнѣнію другихъ—въ Галатію малоазійскую. Апостоль имѣлъ обычай посылать своихъ учениковъ, основателей различныхъ церквей, въ другія страны—для утвержденія Церкви или для исправленія безпорядковъ. Такъ Тита онъ отправилъ въ Далматію, хотя онъ былъ епископомъ Крита. Отсюда понятно, что епископъ, принадлежавшій своей церкви, еще болѣе принадлежалъ Церкви вселенской. Когда законная власть требовала его съ его мѣста и иногда посылала на другое, онъ обязанъ былъ повиноваться распоряженію. Изъ исторіи церковной извѣстно, что во время великихъ смуть и важныхъ событій епископы завѣдывали такими церквами, которыя были внѣ ихъ обыкновенной власти.

Лука единъ есть со мною.

Ст. 11. *Марка поемъ, приведи съ собою: есть бо ми благопотребенъ въ службу.*

Одинъ Лука былъ неразлучнымъ спутникомъ апостола. Вѣроятно этой привязанности мы обязаны Евангеліемъ и книгою Дѣяній. Отвергнувъ христіанское преданіе, критики особенно нападаютъ на книгу Дѣяній. Имъ кажется страннымъ, что рассказавъ о началѣ Церкви христіанской въ Іерусалимѣ, Лука говоритъ далѣе только о событіяхъ, касающихся Св. Павла, т. е. о томъ, чему свидѣтелемъ былъ онъ самъ, и останавливается на заключеніи апостола въ узы. Но это-то и доказываетъ достовѣрность книги. Поддѣльватель, конечно, поступилъ бы иначе: онъ представилъ бы полную исторію апостоловъ, или, по крайней мѣрѣ, довелъ бы ее до конца жизни своего героя. Если бы авторъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые раціоналисты, хотѣлъ показать совершенное согласіе, су-

ществовавшее между Св. Петромъ и Св. Павломъ, и сдѣлать свою исторію орудіемъ примиренія, то, конечно, разскажалъ бы о встрѣчѣ этихъ двухъ апостоловъ въ Римѣ, ихъ отношеніяхъ и мученической кончинѣ. Но не такъ дѣйствуетъ духъ Божій. Вдохновенные Имъ писатели священныхъ книгъ не прибѣгаютъ ко всѣмъ предосторожностямъ человѣческаго благоразумія.

Маркъ, котораго Павелъ совѣтуетъ Тимоѳею взять съ собою, не тотъ Маркъ, который былъ ученикомъ Ап. Петра, а двоюродный братъ Св. Варнавы, о которомъ говорится въ XI и XV гл. Дѣяній Апостольскихъ. Прежде Павелъ считалъ не своевременнымъ его помощь, теперь же призываетъ его къ себѣ, какъ нужнаго помощника себѣ.

Ст. 12. *Тихика же послалъ во Ефесъ.*

Призывая Тимоѳея въ Римъ и отрывая Марка отъ Церкви Ефесской, Св. Павелъ не забываетъ о послѣдней, посылаетъ туда Тихика и даетъ Тимоѳею другаго помощника, который замѣнилъ бы его во время его отсутствія. Тѣмъ самымъ онъ даетъ совѣтъ епископамъ и всѣмъ духовнымъ пастырямъ—не покидать своего стада, не оставивъ на своемъ мѣстѣ вѣрнаго помощника, способнаго управить стадомъ и удовлетворить его нуждамъ.

Ст. 13. *Фелонь, его же оставихъ въ Троадѣ у Карпа, ирядый принеси, и книги, паче же кожанья.*

Озадаченные простотою мысли въ первой половинѣ этого стиха, нѣкоторые комментаторы видятъ въ немъ иной смыслъ и слово *фелонь*, плащъ (по Вульгатѣ *repuia*) замѣняютъ словомъ книжный ящикъ. Имъ кажется недостойнымъ Св. Павла заниматься плащомъ и неестественнымъ призывать принести издалека то, что легко было найти вокругъ себя. Но въ этой простотѣ Св. Павла нѣтъ ничего не естественнаго. При наступленіи зимы ему понадобился плащъ, въ которомъ въ другое время онъ не нуждался; выпрашивать новую одежду, въ видѣ милостыни, онъ не хотѣлъ, когда легко было имѣть свою.

Другіе, болѣе смѣлые экзегены, протестанты или рационалисты, видятъ доказательство того, что Св. Павелъ не былъ боговдохновеннымъ писателемъ, потому что ему пужны были книги для справокъ. Если вѣрить такимъ критикамъ, боговдохновенность должна необходимо стѣснять всякое изученіе, всякое изслѣдованіе, всякое усиліе человѣческое. Стало быть, подѣ вліяніемъ Духа Божія можно писать только то, что писатель самъ видѣлъ или слышалъ. Такимъ образомъ, вдохновенность дѣлаетъ все, человѣкъ — ничего. Относительно предсказанія будущаго, относительно собственно пророческихъ книгъ это еще отчасти понятно. Да и въ этомъ случаѣ боговдохновенность не стѣсняетъ личнаго знанія и умственныхъ способностей пророка. Отсюда — разница въ языкѣ, столь замѣтная у многихъ пророковъ. Нельзя отвергать, что есть разница въ языкѣ, напр., Исаи, сына царскаго, и Амоса, пастуха Ѳекуйскаго. Думать, что боговдохновенность сглаживаетъ личность священнаго писателя — значитъ имѣть ложное понятіе о силѣ и мудрости Божіей.

Ст. 14. *Александръ коваць многа ми зла сотвори: да воздасть ему Господь по дѣломъ его.*

Вѣроятно, это тотъ Александръ, о которомъ говорилось въ первомъ посланіи. Не безъ основанія можно думать, что раздраженный отлученіемъ его, онъ довелъ жестокое обращеніе съ Св. Павломъ до послѣдней крайности.

Достигнувъ извѣстной степени жестокости, трудно исправляться, да обыкновенно и рѣдко исправляются. Чтобы ни дѣлали пастыри, вмѣсто возвращенія ожесточенныхъ къ добру, еще болѣе удаляютъ ихъ отъ него. Привычка поощряетъ ихъ ко злу, жестокость ихъ растетъ. Но и для такого несчастнаго состоянія не заперта вполнѣ дверь божественнаго милосердія и готова отвориться предъ стучащими. Замѣчая это дѣйствіе божественной правды, апостоль съ уваженіемъ указываетъ на него и съ примѣрнымъ смиреніемъ говоритъ: „да воздасть ему Господь по дѣломъ его“.

Ст. 15. *Отъ негоже и ты себе блуди: зло бо противися словесемъ нашимъ.*

Причина, почему Св. Павелъ совѣтуетъ своему ученику избѣгать Александра, не зло, которое онъ сдѣлалъ апостолу, но его ожесточенное сопротивленіе ученію Иисуса Христа.

Есть противники вѣры, съ которыми пастыри должны бороться силою обличенія и убѣжденія. Но есть и ожесточенные враги, такъ далеко ушедшіе въ заблужденіе, что всякое слово увѣщанія заставляеть ихъ уходить еще далѣе и съ злобою сѣять около себя зло. Лучше не трогать такихъ, избѣгать и предоставлять ихъ самимъ себѣ и суду Божию.

Ст. 16. *Въ первый мой отвѣтъ никтоже бысть со мною, но вси мя оставиша: да не вмѣнится имъ.*

Всѣ, кто могъ помочь и защитить апостола, испуганные опасностію, угрожавшею имъ самимъ, оставили его одного.

Сколько есть христіанъ, которые съ радостію слушаютъ слово Божіе и искренно преданы служителямъ евангелія, но падаютъ духомъ предъ страхомъ гоненій! Они—не изъ числа злыхъ, не способны отступить отъ вѣры, но у нихъ не достаетъ мужества защитить угнетенныхъ. Они любятъ правду болѣе удовольствій грѣховныхъ, но не настолько, чтобы мужественно перенести мученіе и смерть. Посему-то Св. Павелъ, вмѣсто укоризны и упрека, молится за нихъ и, считая ихъ виновными, тѣмъ не менѣе молить Бога не вмѣнить имъ этого малодушія въ преступленіе.

Ст. 17. *Господь же мнѣ предста, и укрѣпи мя, да мною проповѣданіе извѣстно будетъ, и услышатъ вси языцы: и избавленъ быхъ отъ устъ львовъ.*

Людское малодушіе не мѣшаетъ дѣйствию обѣтованій Божіихъ и часто служитъ къ яснѣйшему раскрытію Его благодати и могущества. Сила благодати менѣе обнаружилась бы во время первой защиты Павла, если бы онъ имѣлъ

защитниковъ и покровителей предъ судомъ. Но оставленный одинъ предъ лицомъ императорской власти, не имѣя другой помощи, кромѣ благодати Христовой, онъ совершаетъ благовѣствованіе евангелія такъ, что всѣ народы могли слышать его. Ибо, чтобы совершить такое благовѣствованіе, не было надобности уходить изъ Рима, столицы имперіи и всего тогдашняго цивилизованнаго міра, куда собирались всѣ народы.

Если бы Лука довелъ книгу Дѣяній до этого времени жизни апостола, тогда, конечно, слова Павла были бы яснѣе для насъ; Лука объяснилъ бы намъ, какое впечатлѣніе и дѣйствіе произвела защита Павла въ Римѣ и внѣ Рима. Впрочемъ, объ этомъ можно судить по результатамъ и по сближенію разныхъ мѣстъ книги. Мы знаемъ, что Господь поддержалъ апостола въ борьбѣ его въ Іудеѣ, явившись ему ночью и сказавъ: „держай Павле: якоже бо свидѣтельствовалъ еси, яже о Мнѣ, во Іерусалимѣ, сице ти подобаетъ и въ Римѣ свидѣтельствовати“ (Дѣян. 23, 11). Если припомнимъ, кромѣ того, что происходило предъ Феликсомъ (Дѣян. Ап. 20), потомъ предъ Фестомъ (Дѣян. Ап. 25), если внимнемъ въ различіе между судомъ префекта или проконсула и судомъ императорскимъ, то поймемъ все величіе и важность торжества св. Павла. Лишь только ему нужно было предстать предъ Нерономъ, какъ явился ему ангелъ Господень (Дѣян. Ап. 27, 23. 24), и къ одному Нерону приложимъ тотъ символъ, которымъ апостоль характеризуетъ его. Впрочемъ, достаточно подумать о томъ, что говоритъ Павелъ относительно помощи и силы І. Христа, данной ему, чтобы имѣть высокое понятіе объ этомъ торжествѣ, ибо очевидно, обѣщанная ему помощь, явленіе и сверхъестественное заступничество Спасителя болѣе, чѣмъ когда нибудь, возвысили его въ глазахъ другихъ.

Нѣкоторые комментаторы думаютъ, что второе посланіе къ Тимоѳею написано во время перваго заключенія св. Павла въ узы, и основываютъ свое мнѣніе, съ одной стороны, на приведенныхъ словахъ, гдѣ Павелъ говоритъ

о первой своей защитѣ предъ Нерономъ, сопровождавшейся освобожденіемъ его, а съ другой, на томъ, что только это освобожденіе дало ему возможность такъ совершить проповѣдь евангелія, чтобы всѣ народы могли слышать ее изъ устъ его.—Замѣтимъ на это слѣдующее. Вопервыхъ, ни изъ чего не видно, чтобы св. Павелъ являлся предъ Нерономъ во время пергаго заключенія. Во вторыхъ, невѣроятно чтобы въ это время, т. е. въ первые годы своего царствованія, Неронъ внушалъ такой ужасъ въ вѣрующихъ, что они оставили св. Павла, и чтобы апостоль представилъ его въ образѣ льва, которому онъ преданъ божественною силою. Историки согласно утверждаютъ, что въ первые четыре или пять лѣтъ своего царствованія Неронъ отличался кротостію. Наконецъ, освобожденіе, о которомъ говоритъ Павелъ, не будучи полнымъ, могло имѣть тѣже указанные результаты, ибо здѣсь рѣчь идетъ лишь объ освобожденіи отъ устъ львовыхъ, т. е. отъ смерти. Съ другой стороны, побѣдоносная защита должна была произвести блистательное дѣйствіе, и не выходя изъ темницы, пользуясь нѣкото-рою свободою, даже такою, какъ изображаетъ ее Лука въ Дѣяніяхъ, апостоль могъ совершить дѣло евангельской проповѣди такъ, что могли слышать ее всѣ народы, собравшіеся въ Римѣ.—Ужасъ вѣрующихъ, указанія Павла на привычныя уже жестокости Нерона и чудесное избавленіе отъ смерти, кажется, естественно указываютъ на послѣдніе годы царствованія Нерона, когда послѣдовала мученическая смерть св. Павла.

Ст. 18. *Избавитъ мя Господь отъ всякаго дѣла лукава, и спасетъ во царствіе свое небесное: Ему же слава во вѣки вѣковъ. Аминь.*

Не смотря на поразительныя доказательства заступничества І. Христа, св. Павелъ не гордится. Далекое не приписывая себѣ успѣха своей проповѣди, онъ не присвоаетъ себѣ и заслуги воздержанія отъ всякаго дурпаго дѣйствія, а все относитъ къ дѣйствию благодати І. Христа, сохранившей его.

Освободившись въ первый разъ отъ устъ львовыхъ, св. Павелъ обращается мыслию къ другой свободѣ. Онъ знаетъ, что первая свобода временная, а другая касается вѣчнаго спасенія и царства небеснаго. Не только Павелъ, но и всякій вѣрующій, подобно ему, имѣетъ право сказать съ кротостію и смиреніемъ: „Господь спасетъ меня“ и введетъ въ свое царство.

Апостоль говоритъ здѣсь объ І. Христѣ. Его онъ постоянно называетъ Господомъ; Онъ являлся ему и подтвердилъ его. Ему апостоль приписываетъ свое освобожденіе отъ бѣдствія и высочайшее душевное блаженство; называетъ небо Его царствомъ; воздаетъ Ему славу, каковую въ другихъ мѣстахъ онъ приписываетъ Богу,—очевидное доказательство, что св. Павелъ признавалъ І. Христа, вмѣстѣ съ Богомъ Отцемъ, единымъ и истиннымъ Богомъ, Господомъ, Который даетъ благодать, славу и спасеніе, любитъ милость и истину, и которому принадлежитъ честь и слава во вѣки вѣковъ.

VI. Заключение. — Прощаніе. — Пожеланія Павла.

Ст. 19. *Цѣлуй Прискиллу и Аккиллу и Онисифоровъ домъ.*

Св. Павелъ не забываетъ никого. Уважая права дружбы христіанской, онъ тѣмъ самымъ придаетъ имъ большую цѣну. Христіанство не только не ослабляетъ, а напротивъ усиливаетъ это нѣжное естественное чувство; оно освящаетъ и поддерживааетъ все, что есть въ насъ нѣжнаго и привлекательнаго. Такое же нѣжное чувство дружбы показываетъ и св. Павелъ, выражая во второй разъ благодарность къ Онисифору и его семейству за полученныя отъ нихъ благодѣянія.

Ст. 20. *Ерастъ оста въ Коринѣ. Трофима же оставихъ въ Милитъ боляща:*

Этими подробностями Павелъ торопилъ своего ученика отправиться въ Римъ, ибо Павелъ, лишившись сво-

ихъ обыкновенныхъ помощниковъ, не могъ ни удовлетворить своего рвенія къ апостольству, ни найти достаточно средствъ къ выполнению своей обязанности. Съ другой стороны, эти подробности даютъ намъ дорогія указанія пути, которымъ слѣдовалъ апостоль въ послѣднее путешествіе въ Римъ, и времени написанія втораго посланія къ Тимоѳею.

Ст. 21. Потщися прежде зимы пріити. Цѣлуютъ тя Евулъ, и Пудъ, и Линъ, и Клавдія, и братія вся.

Еще разъ св. Павелъ проситъ Тимоѳея прійти въ Римъ поскорѣе, можетъ быть, не столько для того, чтобы скорѣе видѣть его, сколько изъ желанія предохранить его отъ опасностей и трудностей зимняго путешествія. Въ этомъ сказалась нѣжная заботливость апостола о любимомъ ученикѣ. Тоже видно и въ передачѣ Тимоѳею привѣтствій отъ знатнѣйшихъ членовъ римской церкви и всей братіи. Тимоѳей не былъ забытъ здѣсь и долженъ былъ почувствовать себя обязаннымъ поспѣшить къ тѣмъ, кто вмѣстѣ съ апостоломъ желаетъ видѣть его.

Подробностей объ Евулѣ не сохранилось. Сенаторъ же Пудъ, отецъ святой Праксиды, былъ извѣстенъ въ церкви римской. Клавдія, вѣроятно, его жена. Линъ былъ преемникомъ св. Петра и въ то время помогавшій ему въ управленіи церковію.

Ст. 22. Господь Іисусъ Христосъ со духомъ твоимъ. Благодать съ вами. Аминь.

Ап. Павелъ испрашиваетъ у Іисуса Христа благодати для своего ученика и для вѣрующихъ церкви Ефесской. Такое двойное желаніе онъ передаетъ и отъ лица другихъ. Чего большаго можетъ желать епископъ, какъ не того, чтобы І. Христосъ присутствовалъ съ его духомъ, въ дѣлѣ управленія паствою, своею благодатію, освящающею и возбуждающею душу, поддерживающею, исцѣляющею и спасающею ее.

Отличая въ своемъ посланіи епископа отъ стада духовнаго, св. Павелъ однако и не отдѣляетъ его и въ лицѣ епископа обращается ко всей Церкви. Истинный пастырь имѣетъ кромѣ личныхъ интересовъ и общіе, и божественная благодать тогда только имѣетъ всю свою цѣну въ его глазахъ, когда принадлежитъ всему стаду его.

Посланіе Ап. Павла къ Титу.

Въ общемъ порядкѣ чтеній посланій къ Титу должно слѣдовать за первымъ посланіемъ къ Тимоѳею. Вѣроятно, оно написано въ той же мѣстности и въ тоже время, какъ и первое, и, за немногими исключеніями, говоритъ о томъ же предметѣ.

Св. Павелъ, поставивъ Тита, одного изъ любимѣйшихъ учениковъ своихъ, епископомъ и митрополитомъ на островѣ Критѣ, подобно Тимоѳею въ Ефесѣ, считалъ необходимымъ подтвердить письменно нѣкоторые совѣты и наставленія, данные ему устно, имѣя при этомъ въ виду не столько научить своего ученика, сколько освятить своимъ авторитетомъ ученіе и дѣйствія его въ глазахъ довѣреннаго ему стада. Но съ другой стороны, въ лицѣ Тита, апостоль даетъ всѣмъ пастырямъ Церкви мудрые и полезные совѣты.

Сходствуя во многихъ отношеніяхъ съ первымъ посланіемъ къ Тимоѳею, посланіе къ Титу имѣетъ и нѣкоторыя особенности: говоря о томъ же, Св. Павелъ не повторяетъ буквально сказаннаго. Прежде всего, въ посланіи къ Титу не говорится о гностикахъ. Эта секта, сдѣлавшая и долженствовавшая еще сдѣлать огромный вредъ въ Малой Азіи, не проникла въ то время на островъ Критъ, или имѣла здѣсь слабое вліяніе. Св. Павелъ говоритъ Титу объ учителяхъ іудействующихъ, злыхъ, безпокойныхъ, которые въ нравахъ и обычаяхъ жителей этого острова нашли благопріятную почву для распространенія своихъ суевѣрныхъ и грубыхъ ученій.

Далѣе, воспроизводя, въ этомъ посланіи, то, что сказано было Тимоѳею относительно качествъ епископовъ, ихъ ученія и наставленія старцамъ, женщинамъ, юношамъ, рабамъ и всѣмъ вѣрующимъ вообще, относительно ихъ личнаго поведенія и образа дѣйствій съ еретиками,—Св. Павелъ говоритъ обо всемъ этомъ въ иныхъ формахъ и съ новой точки зрѣнія.

Подобно тому, какъ въ посланіяхъ къ Тимоѳею, или, вѣрнѣе, во всѣхъ посланіяхъ, Св. Павелъ соединяетъ здѣсь съ нравственными совѣтами и наставленіями возвышенныя и глубокія догматическія разсужденія. Но нигдѣ онъ такъ точно не опредѣляетъ, какъ здѣсь, превосходства и не заслуженности нами благодати искупленія, нигдѣ такъ не настаиваетъ на необходимости добрыхъ дѣлъ. Не довольствуясь предположеніемъ или указаніемъ на божество І. Христа и Его равенство съ Отцемъ, онъ учитъ объ этомъ формально и прямо называетъ І. Христа Богомъ.

Титъ родился въ языческомъ семействѣ и потому не былъ воспитанъ съ раннихъ лѣтъ въ вѣрѣ, подобно Тимоѳею. Онъ былъ язычникъ по рожденію. Этимъ обстоятельствомъ объясняются встрѣчающіяся въ посланіи многословныя, но весьма яркія описанія состоянія чловѣка внѣ благодати искупленія. Титъ, вѣроятно, былъ моложе епископа Ефесскаго и потому не имѣлъ нужды въ подобномъ развитіи ученія. Но при всей краткости, посланіе къ Титу богато содержаніемъ и заслуживаетъ серьезнаго вниманія.

Слогъ его болѣе одинаковъ, болѣе ровенъ, нежели въ посланіяхъ къ Тимоѳею. Всегда твердый и горячій, Св. Павелъ является здѣсь менѣе оживленнымъ и восторженнымъ. Относительно развитія мыслей и формы посланіе къ Титу болѣе сходно съ посланіемъ къ Ефессеямъ, чѣмъ съ какимъ-нибудь другимъ.

Посланіе это легко раздѣлить на три части. Въ первой, послѣ торжественнаго предисловія, апостоль указываетъ качества призванныхъ къ епископству. Во второй—ученіе объ обязанностяхъ каждаго званія. Въ третьей—напоминанія объ обязанностяхъ вѣрующихъ вообще и изображеніе отношенія къ еретикамъ. Въ концѣ—нѣкоторыя подробности и обычныя поздравленія.

Глава первая

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Ст. 1. *Павелъ рабъ Божій, Апостолъ же Иисусъ Христовъ, по вѣрѣ избранныхъ Божіихъ, и разуму истины, яже по благодѣлю.*

Первая особенность настоящаго посланія состоитъ въ томъ, что въ самомъ началѣ его Ап. Павелъ называетъ себя *рабомъ Божіимъ* прежде, нежели принимаетъ имя *апостола* І. Христа. Въ другихъ мѣстахъ, какъ напр. въ посланіи къ Римлянамъ, онъ называетъ себя *рабомъ* Иисуса Христа. Это имя *раба*, принимаемое безразлично относительно Бога Отца и Иисуса Христа, показываетъ, что онъ принимаетъ ихъ за одного Господа или, по крайней мѣрѣ, признаетъ ихъ единство.

Слово *рабъ* употребляется въ Св. Писаніи въ разныхъ значеніяхъ. Оно прилагается ко всѣмъ вѣрующимъ, которые всѣ суть рабы Бога и І. Христа и своею жизнію должны прославлять это имя. Въ особенномъ смыслѣ оно приличествуетъ тѣмъ, которые по самому состоянію своему избраны и призваны къ исполненію божественнаго служенія. Въ этомъ смыслѣ Моисей называется *вѣрнымъ рабомъ Господа*. Въ притчѣ о виноградникѣ этимъ именемъ названы древніе пророки. Посему же апостолы Петръ, Іаковъ, Іуда, Іоаннъ, несмотря на то, что І. Христосъ на послѣд-

ней вечера прямо сказалъ, что съ этихъ поръ они не рабы Его, но друзья (Іоан, 15, 15),—подобно Павлу, называютъ себя рабами *Иисуса Христа*, иногда даже просто, безъ прибавленія имени *апостола*. Въ этомъ же особенномъ и высокомъ смыслѣ и Св. Павелъ называетъ себя *рабомъ Божиимъ*. Имя это раба Божія, человѣка, тѣсно и неразрывно связаннаго съ служеніемъ Богу и Церкви, ясно показываетъ, что служеніе пастырей есть истинное рабство, отъ котораго нельзя освободиться, рабство предъ Богомъ, Который постоянно управляетъ нами и побуждаетъ исполнять возложенныя на насъ обязанности съ чувствомъ зависимости и недовольства собою, заставляющаго насъ искренно сознаться, что мы—рабы непотребные, сдѣлавшіе только то, что должны были сдѣлать;—рабство предъ Церковью, которая заставляеть насъ желать и принимать возлагаемыя ею на насъ обязанности, быть внимательными въ исполненію ихъ и покорными ея правиламъ, не имѣть другихъ цѣлей и желаній, кромѣ ея пользы.

Имена: *рабъ Божій и Апостолъ Иисусъ Христовъ* имѣютъ связь. Этимъ выражается та мысль, что чѣмъ выше достоинство наше, тѣмъ болѣе необходимъ духъ смиренія и тѣмъ глубже и искреннѣе должно быть святое рабство. Апостолъ избранъ и посланъ не къ самому себѣ: онъ не принадлежитъ себѣ. Дары и благодать, полученные имъ, даны ему для раздачи избраннымъ, ибо „вся ваша суть, говоритъ онъ, аще Павелъ, или Аполлосъ, или Кифа, или мѣръ, или животъ, или смерть, или настоящая, или будущая: вся ваша суть“ (1 Кор. 3, 22).

Отсюда, впрочемъ, не слѣдуетъ, что вѣра, которую апостолы призваны проповѣдывать, потому называется *вѣрою избранныхъ*, что только избранные владѣютъ ею истинно и искренно. Можно имѣть вѣру истинную, но бесплодную, если она не выражается въ любви. Между людьми, къ которымъ обращается таинственное сѣмя евангельскаго слова, есть такіе, которые принимаютъ его съ радостію, но сохраняютъ его только нѣкоторое время. Св. Павелъ

учить, что можно имѣть вѣру, передвигающую горы, но не служащую ни къ чему въ дѣлѣ спасенія (1 Кор. 13, 2—3). Итакъ, истинною вѣрою называется вѣра избранныхъ потому, что она полезна имъ, и проповѣдываніе этой вѣры избраннымъ есть высшая цѣль намѣреній Божіихъ.

Нѣтъ истинной вѣры у христіанина, если онъ не познаетъ истины. Но эта истина не есть какая нибудь истина: она происходитъ отъ Бога, предметъ ея — Богъ, истина, которая одна только можетъ научить насъ и практически научаетъ истинному богопочтенію. Начало этой истины благодать, конецъ—вѣчная жизнь, цѣль болѣе практическая, нежели созерцательная; она должна управлять нашимъ характеромъ и освящать нашу жизнь.

Ст. 2. О упованіи жизни вѣчна, юже обѣтова неложный Богъ прежде лтъ вѣчныхъ.

Указанная вѣра и познаніе по благочестію стремятся не къ настоящей жизни, а относятся въ жизни будущей, ибо вѣра есть „уповаемыхъ извѣщеніе, вещей обличеніе невидимыхъ“ (Евр. 11, 1). Вѣра дана намъ не просто для окрovenія вѣчной жизни, но для того, чтобы возбудить въ насъ желаніе ея и надежду на нее.

Вѣра и надежда вѣчной жизни—обѣ имѣютъ непоколебимое основаніе въ неложности Божіей, но первая видитъ ее въ словѣ Божіемъ, вторая—въ обѣтованіяхъ Его. И въ ученіи, и въ обѣтованіи Богъ равно неложенъ, не можетъ обманываться и лгать или отрекаться отъ Самого Себя.

Вѣчная жизнь открыта и обѣщана людямъ не по временнымъ цѣлямъ. Воля Божія, опредѣлившая и уготовившая ее намъ, такъ извѣстна, что Св. Павелъ называетъ обѣтованіе ея даянымъ не только прежде нашего существованія, но и прежде всѣхъ вѣковъ. Разсматривая это обѣтованіе и его начало, бл. Іеронимъ говоритъ, что оно дано Отцемъ тому, Кто есть Его мудрость и слово, въ Которомъ и чрезъ Котораго оно должно открыться во времени. Оно дано Единородному Сыну въ Его рожденіи.

Слѣдую мысли Оригена въ объясненіи буквального смысла греческаго выраженія *χρόνου αἰώνιου*, тотъ-то учитель полагаетъ, что есть два порядка временъ или вѣковъ: первый называется просто *временами* или *вѣками*, а второй— *временами* или *вѣками вѣчными*, заключающимъ безконечное пространство времени. Первые времена начались съ сотворенія свѣтилъ, вторыя — тѣ, которыя предшествовали образованію земли и въ продолженіе которыхъ сотворены и жили ангелы и силы небесныя. Вѣка, протекшіе отъ сотворенія свѣтилъ или даже отъ момента образованія земли, не многочисленны, а протекшіе отъ сотворенія ангеловъ—безчисленны. Эта мысль, утверждающая, что сотвореніе духовъ предшествовало творенію матеріи вообще,—очень смѣла и дерзка. Въ ней есть даже признаки ереси, если согласно съ Оригеномъ, допустить, что матерія сотворена вслѣдствіе паденія духовъ. По соглашаясь съ опредѣленіемъ собора (Латранскаго), что Богъ вначалѣ сотворилъ вмѣстѣ—духовную и матеріальную субстанцію, позволительно думать, что элементы матеріи развивались и образовались въ пространствѣ времени болѣе или менѣе продолжительнаго.

Л А Т Р А Н С К И Я
С О Б О Р

Ст. 3. *Яви же во времена своя слово свое, проповѣданіемъ, еже мнѣ поручено бысть по повелѣнію Спасителя нашего Бога.*

По мнѣнію бл. Иеронима, св. Павелъ говоритъ здѣсь не просто о словѣ или ученіи Божіемъ, но о самомъ Богѣ—Словѣ. Конечно, и общественное откровеніе вѣчной воли, обнимающей весь кругъ намѣреній Божіихъ, можетъ быть названо откровеніемъ Слова: Слово воплощенное открылось міру апостольскою проповѣдію.

Каковъ бы ни былъ точный смыслъ слова, употребленнаго св. Павломъ, очевидно онъ выражаетъ тѣмъ преимуществу предъ всѣми того служителя Божія, который проповѣданіемъ тайны І. Христа открываетъ міру весь порядокъ намѣреній Божіихъ. Авторитетъ такого служенія весьма великъ, потому что оно исполняется не только со-

гласно съ волею, но и по повелѣнію самого Бога; его основаніе твердо, ибо оно проповѣдуетъ о Спасителѣ нашемъ.

Ст. 4. *Титу присному чаду по общей вѣрѣ: благодать, милость, миръ отъ Бога Отца и Господа Иисуса Христа Спаса нашего.*

Св. Павелъ даетъ Титу тоже имя, какое далъ и Тимоѳею: называетъ его своимъ *приснымъ*, возлюбленнымъ сыномъ.

По ученію церкви и убѣжденію членовъ ея, основаніемъ вѣры служитъ—тоже откровеніе, а общее средство ея—ученіе, предметъ—таже истина. Такимъ образомъ, принадлежа каждому, вѣра есть общее достояніе всѣхъ сыновъ церкви. Но для апостоловъ и ихъ преемниковъ она представляетъ нѣчто собственное: они получаютъ отъ нея или должны получать болѣе ясное, болѣе точное и болѣе полное понятіе откровенной истины. Слѣдовательно, она образуетъ между ними и церковью тѣсную связь, устанавливаетъ болѣе сильныя и нѣжныя отношенія духовнаго родства.

Такъ какъ благодать есть начало духовной связи душъ, а миръ—плодъ ея, то естественно, ап. Павелъ желаетъ своему ученику благодати и мира, но желаетъ этого по другимъ побужденіямъ. Этотъ возлюбленный ученикъ его сынъ не только по вѣрѣ, но и по апостольству. Св. Павелъ указываетъ на это родство, чтобы побудить Тита продолжить и расширить дѣло апостольства. Посему, описавъ въ предисловіи посланія характеръ служителя и служенія апостольскаго, его предметъ, послѣднюю цѣль, его божественный авторитетъ и высочайшее основаніе, чего св. Павелъ могъ пожелать своему ученику, какъ не благодати, которая одна только дѣлаетъ служителей евангелія достойными своего служенія, и мира, дающаго душѣ свободу и силу, и дѣлающаго служителей евангелія способными къ болѣе легкому и плодотворному исполненію своихъ обязанностей? Этотъ миръ и благодать исходятъ отъ Бога Отца и Иисуса Христа и исходятъ, конечно, въ рав-

ной мѣрѣ, ибо въ этомъ отношеніи не указано никакого различія между Отцемъ и Иисусомъ Христомъ. Безразлично также имя *Спаса нашего* относится въ предыдущемъ стихѣ къ Богу, и въ настоящемъ — къ Иисусу Христу. Итакъ, идетъ-ли въ обоихъ стихахъ рѣчь объ одномъ и томъ же Божественномъ Лицѣ, или въ предыдущемъ говорится объ Отцѣ, а здѣсь—о Сынѣ,—какъ бы то ни было, но божество І. Христа указано, если не прямо, по крайней мѣрѣ весьма ясно, ибо имя *Спаса* чаще всѣхъ другихъ именъ приписывается въ Св. Писаніи истинному Богу, иногда даже исключительно Ему. „Прежде Мене не бысть инъ Богъ, и по Мнѣ не будетъ. Азъ Богъ, и нѣсть развѣ Мене спасаей“ (Исаи, 43, 10—11; 45, 15—21. Осіи, 13, 4).

Установленіе дисциплины и учрежденіе епископовъ по городамъ. — Качества епископа. — Общія черты. — Пороки, которыхъ онъ долженъ избѣгать; добродѣтели, которыми долженъ отличаться. — Его преданность здравому ученію; способность научить ему другихъ и защитить его.

Ст. 5. *Сего ради оставихъ тя въ Критѣ, да недокончанная исправши, и устроиши по всемъ градомъ пресвитеры: яко же тебѣ азъ повелѣхъ.*

Напоминая Титу о порученіяхъ, данныхъ ему въ Критѣ, Апостоль указываетъ при этомъ главныя обязанности начальниковъ церкви. Первая изъ нихъ—исправлять и усовершенствовать церковную дисциплину, вторая—учреждать пастырей духовныхъ въ каждомъ городѣ; третья—исполнять то и другое сообразно съ правилами и духомъ апостольскимъ.

Какъ бы точны и мудры ни были правила, положенныя въ то время въ основаніе церкви, но почти не возможно, чтобы они не требовали нѣкотораго исправленія и пополненія. Новообращенные обыкновенно мало способны къ выполненію христіанскаго закона во всемъ его совершенствѣ: имъ нужно еще давать молоко, прежде нежели кормить твердою пищею. Иногда—вслѣдствіе слабости че-

ловѣческой, какихъ-нибудь непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, по небрежности или безсилію пастырей—въ церковь проникаютъ злоупотребленія, которыя необходимо исправлять. Отсюда—двойкая обязанность епископа—исправить зло и возстановить дисциплину и пополнить или исправить новыми правилами недостающее или несовершенное въ прежнихъ. Поддержка ученія и правилъ апостольскихъ, нужды вѣрующихъ дѣлаютъ необходимымъ постоянное присутствіе между вѣрующими пастырей, могущихъ учить, управлять ими и раздавать имъ дары благодати. Христіанскія общины, только что образовавшіяся, не могли, конечно, въ теченіе нѣкотораго времени имѣть среди себя постоянно достаточное число пастырей. Но когда они достаточно сформированы, то должны имѣть таковыхъ пастырей для управленія. Учрежденіе это не есть только апостольское: оно имѣетъ свое основаніе въ распоряженіяхъ І. Христа. Объ этомъ ясно говоритъ св. Павелъ, перечисляя различныя дѣла пастыря, постановленнаго І. Христомъ—для образованія и сохраненія церкви: „Той далъ есть овы убо апостолы, овы же пророки, овы же благовѣстники, овы же пастыри и учителя“ (Ефес. 4, 11). Очевидно, здѣсь перечисляются обязанности не одного и того же служителя церкви. Между этими служителями, одни необходимы для основанія церкви, другіе—для сохраненія ея до конца временъ. Но тѣхъ и другихъ поставилъ І. Христосъ: Онъ Самъ дѣлаетъ однихъ пастырями и учителями, другихъ—пророками и апостолами. Вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, апостолы въ теченіе нѣкотораго времени, сохраняли за собою управленіе нѣкоторыми церквами, не учреждая въ нихъ особаго управителя. Такъ дѣйствовалъ св. Павелъ относительно церкви Коринтской, но положеніе этой церкви было исключительное и не могло долго продолжаться. Вѣроятно, въ началѣ апостолы ставили или учреждали епископовъ и священниковъ, чтобы пользоваться ихъ помощію въ тѣхъ церквахъ, управленіе которыми они оставили за собою; но это не было правиломъ, обязательнымъ для всей Церкви. Обы-

кновенно же дѣлалось такъ, какъ поступили св. Павелъ и Варнава, которые еще до собора іерусалимскаго поставляли *пресвитеровъ въ каждой церкви* (Дѣян. ап. 14, 22—23). Это было общимъ правиломъ. О немъ-то св. Павелъ и напоминаетъ своему ученику. Но, возлагая на Тита эту обязанность поставять пресвитеровъ по всѣмъ городамъ, св. Павелъ нѣсколькими словами опровергаетъ всю протестантскую систему управленія церковью, ибо, съ одной стороны, онъ показываетъ, что власть поставять пастырей не была властью, принадлежавшею лично апостоламъ, но должна передаваться ихъ преемникамъ и въ лицѣ ихъ преемственно и постоянно сохраняться въ церкви. Съ другой стороны, источникъ этой власти не въ волѣ народа, а въ благодати Св. Духа, преемственно передаваемой Апостолами своимъ ученикамъ. Въ Посланіи нигдѣ не видно, чтобы народъ принималъ участіе въ выборѣ своихъ пастырей: онъ никоимъ образомъ не вмѣшивался въ избраніе ихъ, которое было во власти ученика апостольскаго. Впрочемъ, этотъ ученикъ, преемникъ апостоловъ, не долженъ дѣйствовать произвольно въ установленіи дисциплины и поставленіи пастырей, а обязанъ управлять по правиламъ апостольскимъ и вполне проникнуться ихъ духомъ.

Ст. 6. *Аще кто есть непороченъ, единыя жены мужъ, чада имъ въ вѣрнѣ, не во укореніи блуда, или непокорива.*

Ст. 7. *Подобаетъ бо епископу безъ порока быти, якоже Божію строителю.*

Продолженіе рѣчи Павла показываетъ, что въ 7-мъ, ст., подъ именемъ епископа, разумѣются тѣ, или по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ тѣхъ, которые выше были обозначены именемъ *пресвитеровъ*. Отсюда—различныя и даже ошибочныя толкованія мысли апостола. Не говоря уже о томъ значеніи, какое придавалъ этому мѣсту посланія бл. Іеронимъ или нѣкоторые богословы,—замѣтимъ, только, что протестанты и раціоналисты толкуютъ его въ томъ смыслѣ, что въ первоначальной Церкви не было никакого различія между пресвитеромъ и епископомъ. Нужно признаться, что

такое заключеніе лишено основанія. Положимъ даже, что имена епископовъ и пресвитеровъ, какъ родовыя, давались въ первенствующей Церкви безразлично; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы эти служители Церкви были равны между собою по обязанностямъ и достоинству. Имена эти не обозначаютъ чина или опредѣленной власти. Имя *епископъ* этимологически обозначаетъ должность, а слово *пресвитеръ* само собою напоминаетъ прежде всего тѣхъ народныхъ старѣйшинъ, которые были начальниками синагоги. Но это не значитъ, что имена—епископъ и пресвитеръ прилагались первоначально безразлично къ однимъ и тѣмъ же лицамъ,—по крайней мѣрѣ, этого нельзя доказать изъ посланія къ Титу. Сближая ст. 5 и 7, можно вывести только то, что епископомъ назывался одинъ изъ тѣхъ, которые названы общимъ именемъ пресвитеровъ и что, слѣдовательно, имя *пресвитеръ* первоначально принадлежало какъ епископамъ, такъ и пресвитерамъ. Такое заключеніе согласно съ тѣмъ, что мы находимъ въ Дѣян. Апост. Но повторяемъ, ни изъ чего не видно, чтобы имя епископъ было общимъ, а не принадлежало только епископамъ въ нашемъ смыслѣ. Не естественнѣе-ли заключить отсюда, что подъ именемъ пресвитеровъ апостоль разумѣеть здѣсь дѣйствительныхъ епископовъ? Въ то время было въ обычаѣ поставлять епископа въ каждомъ, маломальски значительномъ городѣ—*κατὰ πόλιν*. Если Титъ обязанъ былъ установить въ этихъ городахъ епископское управленіе, то кстати-ли было ему самому выбирать и назначать клиръ? Не благоразумнѣе-ли и не справедливѣе-ли было возложить заботу избранія сотрудниковъ на поставленныхъ имъ епископовъ? Впрочемъ, указываемыя апостоломъ качества показываютъ истиннаго пастыря, учителя, истиннаго епископа въ томъ, кому апостоль даетъ это имя. Объ этомъ можно заключить изъ сближенія указанныхъ стиховъ настоящей главы съ соотвѣтствующими стихами 3-й главы—перваго посланія къ Тимоѳею (3, 1—7). Даже и въ настоящей главѣ есть нѣчто, ясно опредѣляющее смыслъ слова—*епископъ*.

Прежде всего, побуждая епископа *быти безъ порока*, апостоль тотчасъ же объясняетъ причину, почему онъ долженъ быть такимъ: потому что онъ—*строитель Божій*. Но это имя, по выраженію самого І. Христа, означаетъ главу христіанскаго семейства, домовладыку, который долженъ охранять свое семейство и дать въ томъ отчетъ (Лук. 12, 42). Оно указываетъ также на значеніе, сходное съ значеніемъ апостола, ибо это видно изъ тѣхъ именъ, которыя усвоаетъ себѣ Павелъ: „тако насъ да нещуетъ чловѣкъ, яко слугъ Христовыхъ и строителей тайнъ Божіихъ“ (1 Кор. 4, 1—2).—Итакъ, можно думать, что подъ именемъ *пресвитеровъ*, поставленіе которыхъ возложено на Тита, апостоль разумѣлъ единственно епископовъ, лицъ, стоящихъ на высшей ступени церковной іерархіи, облеченныхъ полнотою священства. Характеризуя въ настоящемъ посланіи истиннаго *строителя Божія*, апостоль даетъ, въ нѣсколько иныхъ словахъ, тѣже совѣты и наставленія, какія давалъ на этотъ счетъ Тимоѳею. Въ этомъ отношеніи оба посланія сходны; въ обоихъ указаны тѣже общія черты характера чловѣка, призваннаго къ епископству, тѣже пороки, отъ которыхъ онъ долженъ быть свободенъ, тѣже добродѣтели ума, сердца, совѣсти, которыми онъ долженъ отличаться, та же любовь къ божественной истинѣ, способность и ревность къ наученію и защищенію ея. Практическіе выводы изъ этого сходства очень просты. Значить, епископъ необходимо долженъ имѣть указанныя черты, избѣгать указанныхъ пороковъ. Указанныя качества и добродѣтели—самыя необходимыя для служенія Церкви, слѣдовательно, ничѣмъ не нужно пренебрегать для пріобрѣтенія ихъ. Наконецъ, отсюда слѣдуетъ, что обязанность учить и защищать здравое ученіе—главная обязанность пастыря, и онъ долженъ сдѣлать все, чтобы достойно исполнить ее.

Аще кто есть непороченъ.—Вотъ общія черты, которыя необходимо долженъ имѣть не только епископъ, но и стоящіе на низшей степени іерархіи. Рѣшившись поставить діаконовъ, апостолы сказали народу: „усмотрите

убо братіе мужи отъ васъ свидѣтельствованы седмъ“ (т. е. безупречной нравственности) (Дѣян. Ап. 6, 3). Церковь всегда такъ и понимала это и постоянно требовала и требуетъ отъ призванныхъ къ діаконству и священству известной непорочности.

По ученію бл. Іеронима и другихъ отцовъ Церкви, отъ поставляемаго требуется *непорочность* въ обширномъ смыслѣ. „Недостаточно, говоритъ бл. Іеронимъ, чтобы посвящаемый былъ свободенъ отъ всякаго порока въ минуту посвященія, хотя бы онъ загладилъ потомъ совершенные пороки новою жизнію; нужно, чтобы онъ былъ непороченъ отъ самаго крещенія“. Очевидно, это требованіе относится къ тому времени, когда часто крестились въ юношескомъ и даже болѣе зрѣломъ возрастѣ. По требованію этой непорочности, въ настоящее время, какъ и прежде не допускались къ святому служенію присужденные къ публичному покаянію и совершившіе преступленіе, влекущее за собою безчестіе. Но утверждать, что только тотъ можетъ быть посвященъ, кто сохранилъ невинность, съ какою вышелъ изъ купѣли крещенія, значитъ—выходить изъ предѣловъ ученія Церкви. Если для достиженія священства недостаточно искупить великіе пороки новымъ покаяніемъ и получить прощеніе, то достаточно быть твердымъ въ добродѣтели довольно долгое время. Представляя это требованіе, апостоль нѣсколько разъясняетъ, въ чемъ должна состоять такая непорочность. Во первыхъ, призванный къ священству долженъ быть женатъ однажды. Простое подозрѣніе въ невоздержности, поражающей второбрачіе, лишаетъ священства. Во вторыхъ, если онъ имѣетъ дѣтей, то они должны быть вѣрующими, свободными отъ подозрѣнія въ блудѣ, и покорными родителямъ. Безъ сомнѣнія, родители часто отвѣчаютъ за пороки и недостатки дѣтей, если ревностно не укрѣпляютъ ихъ въ вѣрѣ, не предохраняютъ отъ увлеченія дурными страстями, не могутъ внушить уваженія къ себѣ и покорности. Понятно, что Церковь опасается довѣрить воспитаніе дѣтей Божіихъ тому кто,

не сумѣлъ воспитать своихъ. Впрочемъ, какъ замѣчаетъ и бл. Иеронимъ можетъ случиться, что родители нисколько не виновны въ дурныхъ привычкахъ дѣтей. Исаакъ, конечно, хорошо воспитывалъ двухъ сыновей своихъ, а между тѣмъ Исавъ былъ отвергнутъ. Самуиль, другъ Божій, также имѣлъ вѣроломныхъ дѣтей. Но епископство—такая важная обязанность, что не достаточно быть лично святымъ, чтобы быть достойнымъ его: нужно, чтобы не было ни малѣйшаго подозрѣнія въ небрежности или неспособности. Виноваты или нѣтъ родители, но пороки дѣтей бросаютъ на родителей дурную тѣнь, съ которою не могутъ мириться честь и интересы церкви.

Не себѣ угрождающе (не дерзу, не напрасливу) не инволю, не пияницъ, не убійцъ, не скверноствяжательну.

Пороки, несовмѣстные съ обязанностями священства, отъ которыхъ призванный къ священству долженъ быть свободенъ, суть: гордость, гнѣвъ, невоздержность, насиліе скупость. Малѣйшее подозрѣніе въ нихъ навсегда удаляетъ человѣка отъ епископства.

Не себѣ угрождающе (не дерзокъ, не гордъ). Пастырское служеніе—есть служеніе въ духѣ смиренія, какъ и всякая обязанность. Богъ возвышаетъ однихъ людей надъ другими не ради ихъ личныхъ интересовъ, но для общей пользы, а гордый мало способенъ отдаться служенію интересамъ ближняго, потому что онъ смотритъ на данную ему силу, какъ на свою собственную, и требуетъ отъ низшихъ безграничной покорности. Въ подобномъ состояніи человѣкъ если вникаетъ въ желанія и нужды низшихъ, то даетъ чувствовать, что это дѣлается болѣе изъ снисхожденія, нежели по требованію справедливости, и, такимъ образомъ вмѣсто того, чтобы заставить полюбить его власть, сдѣлать обязанность повиновенія ей пріятною, дѣлаетъ ее ненавистною.

Не инволю. Апостольское служеніе требуетъ опытности; и священникъ по сердцу Божію есть человѣкъ *милосердый*. Чтобы привести души людей къ Богу, нужно привлечь ихъ, а это возможно только подъ тѣмъ условіемъ,

если вникаемъ въ ихъ страданія, переносимъ ихъ недостатки, иногда даже показываемъ видъ, что эти недостатки не такъ ужасны, чѣмъ каковы они на самомъ дѣлѣ. Человѣкъ гнѣвлимый, который раздражается отъ малѣйшаго противорѣчія, наклоненъ къ вспыльчивости, отвергаетъ грѣшниковъ, смущаетъ слабыхъ, а иногда совращаетъ и самыхъ благочестивыхъ. Ему не осмѣлятся открыть душу, сообщить о томъ, что онъ долженъ бы сдѣлать или измѣнить въ своемъ управленіи. Довѣріе, которое должны бы внушать его добродѣтели, теряется; его вліяніе въ добрую сторону уменьшается, и такимъ образомъ оправдывается истина словъ Св. Іакова: „гнѣвъ мужа правды Божія не содѣловаетъ“ (1, 20).

Не пиянщъ. Состояніе священства есть святое служеніе, требующее достоинства въ привычкахъ и поведеніи, которое внушало-бы уваженіе къ нему. Не говоря о болѣе важныхъ неудобствахъ, происходящихъ неизбежно отъ неумѣренной любви къ вину и такъ часто упоминаемыхъ въ Св. Писаніи, такая любовь мало-по-малу ослабляетъ умственные способности, лишаетъ душевной свободы, производитъ легкомысліе въ рѣчахъ, усиливаетъ страсть къ спорамъ, производитъ затрудненія или небрежность въ святомъ служеніи.

Не бійщъ. Извѣстно, съ какою строгостію І. Христосъ осуждалъ оскорбленіе братомъ брата. Но высшимъ низшаго еще важнѣе, потому что его труднѣе загладить; оно, сверхъ того, дѣлаетъ оскорбителя ненавистнымъ.

Не скверностяжательну. Священникъ, наконецъ долженъ быть безкорыстенъ. Первый и главный законъ апостольскаго служенія—„туне пріясте, туне дадите“. Правило, что дѣлатель достоинъ пользоваться плодами труда своего не ослабляетъ силы этого закона: оно освящаетъ право жить честно и не дозволяетъ обогащаться. Быть скупымъ, жаднымъ къ прибыли, пользоваться всѣмъ для этого, значитъ удаляться отъ первообраза апостольскаго служенія, указаннаго І. Христомъ, значитъ—къ возвышеннымъ чувствамъ и стремленіямъ этого служенія примѣшивать гру-

быя стремленія и инстинкты. Но если корыстолюбивый употребляетъ къ тому же постыдныя средства, пользуясь легковѣріемъ другихъ, суевѣріемъ и слабостію, употребляя лесть, прикрываясь благочестіемъ или ревностію къ добрымъ дѣламъ,—это верхъ постыдства для служителя святыни.

Ст. 8. *Но страннолюбиву, благолюбцу, цѣломудренну, праведну, преподобну, воздержательну.*

Положительныя качества, необходимыя въ пастырскомъ служеніи,—слѣдующія: любовь къ гостепріимству, оказываемому не по великодушію, но изъ уваженія къ священству и согласно съ ученіемъ І. Христа; доброта сердца, благосклонность и привѣтливость ко всѣмъ, но главнымъ образомъ къ людямъ добродѣтельнымъ; скромность, *умѣренность въ желаніяхъ и дѣйствіяхъ*, по слову апостола; „хочу васъ мудрыхъ быти во благое, простыхъ же въ злое“ (Римл. 16, 19); непоколебимая справедливость, правосудіе, уважающее права каждаго и воздающее по заслугамъ; искреннее и высокое *благочестіе*, необходимое тому, кто „отъ чловѣкъ приемлемъ, за чловѣки поставляется на службы, яже къ Богу“ (Евр. 5, 1); воздержаніе не только относительно предосудительныхъ удовольствій, но въ употребленіи всего позволительнаго.

Ст. 9. *Держащемуся вѣрнаго словесе по ученію, да силенъ будетъ и утѣшати во здравьмъ учении, противящіяся обличати.*

Это качество, требуемое Павломъ, въ своемъ понятіи обнимаетъ много другихъ. То, что онъ говоритъ здѣсь, представляетъ полное развитіе мысли, выраженной кратко въ первомъ посланіи къ Тимоѳею, гдѣ апостоль говоритъ, что епископу нужно быть *учительну*.

Основное условіе достойнаго исполненія обязанностей учителя, по идеѣ апостола,—непоколебимая преданность слову вѣры. Гдѣ нѣтъ этой преданности откровеннымъ истинамъ, тамъ нѣтъ истинной вѣры; но въ учителѣ такая преданность должна быть тверже, шире и полнѣе. Онъ долженъ такъ усвоить истины вѣры, эти истины должны

такъ глубоко проникнуть въ его душу и сердце, чтобы онъ думалъ только о нихъ, чувствовалъ только ихъ и жилъ только ими. Онѣ должны быть такъ тѣсно связаны съ его умственнымъ и нравственнымъ существованіемъ, что послѣднее немыслимо безъ нихъ.

Это слово, эта истина вѣры не есть внутреннее просвѣщеніе и не плодъ личнаго понятія: это слово—принятое извнѣ, это-истина согласная съ ученіемъ церкви. Если благодать есть основаніе вѣры, а божественное откровеніе—побужденіе къ ней, то ученіе церкви есть внѣшній, освѣщающій нашей душѣ откровенную истину и непогрѣшимый авторитетъ въ области его.

Въ качествѣ учителя, пастырь душъ имѣетъ двоякаго рода обязанности: однѣ касаются сыновъ церкви, другія—враговъ ея. Первыхъ онъ долженъ учить и увѣщать по началамъ и правиламъ здраваго ученія, а враговъ—долженъ умѣть убѣждать или обличать. Въ томъ и другомъ отношеніи онъ долженъ быть силенъ: силенъ въ ученіи и въ защищеніи истинъ вѣры. Если и не всѣ служители церкви обладаютъ этою высочайшею *силою*, то желательно, по крайней мѣрѣ, чтобы ею владѣли стоящіе на высшихъ степеняхъ іерархіи. Съ самаго начала и всегда въ Православной Церкви были люди, *сильные словомъ и дѣломъ*, подобно Моисею, *сильные въ знаніи Св. Писанія*, подобно апостоламъ и ихъ ученикамъ, *сильные въ убѣжденіи или обличеніи враговъ вѣры*.

II. Іудействующіе учителя.—Ихъ характеръ.—Поддержка ихъ ученію со стороны нравовъ Критянъ.

Ст. 10. *Суть бо мнози непокориви, суесловцы, и умомъ прельщены, наипаче же сущи отъ обрѣзанія.*

Незнакомый съ исторіею христіанства легко вообразить, что въ первые годы въ Церкви была полная тишина, что церковь встрѣчала со стороны новообращенныхъ только покорность и уступчивость. Но приглядѣвшись къ дѣлу

ближе, увидимъ иное: увидимъ, что если совершенный миръ и любовь господствовали нѣкоторое время въ церкви іерусалимской,—то недолго, и что этотъ миръ нарушали главнымъ образомъ обращенные изъ іудеевъ. Между послѣдними были люди, не только изъ простаго народа но были и учителя, большое число священниковъ (Дѣян. Ап. 6, 7). Судя по человѣчески, невозможно, чтобы многіе изъ нихъ не сохранили своей крайней привязанности къ преданію отцовъ или учителей, къ благоустановленнымъ обрядамъ, которые преимущественно заставляли ихъ гордость и національное отличіе. Невозможно, чтобы изъ множества обращенныхъ, въ такое короткое время, проповѣдію апостольскою, всѣ были вполне научены истинамъ христіанскимъ, всѣ были одушевлены вполне чистыми чувствами, всѣ оставили свои старыя привычки, естественные недостатки и, такъ сказать, племенные пороки.

Достаточно бросить бѣглый взглядъ на исторію іудейскаго народа, чтобы видѣть, что этотъ народъ всегда отличался непокорностію и упорствомъ, что учителя его любили споры и одушевлены были неутомимою ревностію къ прозелитизму, такъ что Іисусъ Христосъ говорилъ книжникамъ и фарисеямъ: „горе вамъ, яко переходите море и сушу, сотворити одинаго пришельца, и егда будетъ, творите егда сына геенны сугубѣйша васъ“ (Матѳ. 23. 15).

Значить, нисколько неудивительно, что между обращенными изъ іудеевъ встрѣчались такіе, которые не освободившись вполне отъ національныхъ предразсудковъ и увлекаясь всегдашнею склонностію къ непослушанію, возмущенію,—старались распространить свои заблужденія и суевѣрные обряды среди церкви. Да иначе и быть не могло.

Ст. 11. *Ихъ же подобаетъ уста заграждати: иже вся дома развращаютъ, учаще, яже неподобаетъ, сквернаго ради прибытка.*

Самый мудрый образъ дѣйствій относительно такихъ учителей, по совѣту апостола, заграждать уста ихъ. Когда приходится имѣть дѣло съ людьми, ошибающимися на

счетъ истинной вѣры, но желающими познать истину и готовыми къ воспріятію свѣта ея, людьми тихими и благоразумными, не распространяющими слѣпо своихъ заблужденій, то таковыхъ, въ интересахъ истины и безопасности для души, нужно стараться научить, убѣдить, указать ошибочность ихъ ученія и раскрыть твердыя основанія вѣры. Но когда встрѣчаются люди упорные, сѣющіе смуты, возмущающіе совѣсть, возбуждающіе страсти, развращающіе семейства, то лучше всего въ отношеніи такихъ учителей—останавливать, сколько возможно, распространеніе и успѣхи ихъ проповѣди. Такъ-какъ ихъ дѣйствіями руководитъ постыдный матеріальный расчетъ, то нечего бояться нарушить тѣмъ уваженіе, которымъ пользуются люди съ искреннимъ убѣжденіемъ.

Матеріальная выгода—пробный камень служителей истины и лжи. Этимъ характеромъ запечатлѣны дѣйствія всѣхъ учителей, враждебныхъ или чуждыхъ истинной церкви.

Ст. 12. *Рече же нѣкто отъ нихъ свой имъ пророкъ: критяне присно лживы, злѣе звѣрие, утробы паздныя.*

Совѣтъ заграждать уста іудействующихъ учителей имѣлъ въ Критѣ особую важность. Характеръ и нравы критянь благопріятствовали распространенію заблужденій и обрядовъ іудейскихъ. Басни и грубыя суевѣрія естественно находили доступъ и легко распространялись среди лѣнивыхъ, лживыхъ и упрямыхъ жителей.

Образъ критянь, указанный Павломъ, не имѣетъ въ себѣ ничего ложнаго. Спрашивается только: какъ могъ апостоль, всегда отличавшійся духомъ кротости и умѣренности, охарактеризовать этотъ народъ такимъ строгимъ образомъ? Но, во первыхъ, онъ говоритъ то, что было уже извѣстно. Репутація критятъ, а равно киликіянъ и каппадокіянъ была всѣмъ извѣстна и даже вошла въ поговорку: *три халпа хакоста*. Сверхъ того, Павелъ не отъ себя даетъ этотъ образъ, а буквально заимствуетъ его изъ творенія поэта Епименида, который, какъ извѣстно, былъ критянинъ, за различныя сочиненія о гаданіяхъ считался на этомъ

островѣ пророкомъ и пользовался авторитетомъ. Наконецъ, не безъ важнаго основанія апостоль приводитъ такое свидѣтельство. Ему хотѣлось, чтобы Титъ зналъ народъ, управлять которымъ онъ былъ призванъ, и, въ случаѣ нужды, соображался и руководился въ своихъ дѣйствіяхъ повелѣніемъ св. Павла.

Замѣчательно, что св. Павелъ, такъ часто цитующій Св. Писаніе, всего три раза ссылается на свидѣтельства языческихъ писателей. Такое свидѣтельство онъ приводитъ въ посланіи къ Коринтянамъ, для подтвержденія общеизвѣстной истины (1 Кор. 15, 33), предъ ареопагомъ для обличенія языческихъ заблужденій (Дѣян. Ап. 17, 28), и здѣсь, чтобы подтвердить безупречнымъ свидѣтельствомъ взглядъ на критянъ, взглядъ—непріятный для нихъ. Такое дѣйствіе апостола даетъ полезный урокъ: оно показываетъ, какъ проповѣдники божественнаго слова и защитники церкви могутъ пользоваться свѣтскою наукою.

Ст. 13. *Свидѣтельство сіе истинно есть: ея же ради вины обличай ихъ нещадно, да здрави будутъ въ вѣрѣ.*

Обыкновенное правило народной проповѣди—кротость и воздержность въ рѣчи, ибо проповѣдникъ долженъ дѣйствовать убѣжденіемъ. Но правило это не безъ исключенія. Кротость служителя евангелія не должна переходить въ слабость. Энергія, строгость рѣчи иногда необходимы для поддержанія чести проповѣдника и для пользы слушателей, которыхъ нужно довести до самосознанія. Предъ непослушными и упорными нужно, подобно Павлу, дѣйствовать въ проповѣди силою, которая можетъ разрушить окопы нечестія и уничтожить преграду къ богопознанію (2 Кор. 10, 4—5). Обращаясь къ душамъ низкимъ и лѣнивымъ, къ сердцамъ глинянымъ или каменнымъ, очень кстати употребить сильное слово, которое потрясло бы ихъ лѣность, заставило труса устыдиться и, говоря языкомъ Св. Писанія, было-бы подобно иголкѣ или острой стрѣлкѣ (Пс. 44, 7), пронизывающимъ душу, чтобы возбудить ее, или молотку, разбивающему грубость сердца (Іерем. 23, 29).

Ст. 14. *Не внимающе іудейскимъ баснямъ, ни заповѣдемъ чловѣкъ, отвергающихся отъ истины.*

Нѣтъ ничего разумнѣе и мудрѣе здоровой вѣры. Ничто такъ не сдерживаетъ неумѣренныхъ стремленій къ чудесному, къ суевѣрнымъ примѣтамъ или изслѣдованіямъ, какъ правила евангелія и апостольскіе совѣты. Кто слѣдуетъ мудрымъ словамъ І. Христа: „не пецытся убо на утрей, утрений бо собою печется: довлѣетъ дневи злоба его“ (Матѣ. 6, 34.), мало старается узнать, что будетъ завтра, и это завтра предоставляетъ волѣ провидѣнія. Кто же слѣдуетъ апостольскому совѣту: „вся искушающе“, „искушайте духи, аще отъ Бога суть“ (Сол. 5, 20. 1 Іоан. 4, 1.),—тотъ рѣдко поддается суетному страху, мало расположенъ вѣрить мнимымъ пророчествамъ и баснямъ.

Но есть люди, въ нѣдрахъ самой церкви и даже святилица, которые не умѣютъ возлагать на провидѣніе заботу о завтрашнемъ днѣ и не довольствуются евангельскою простотою. Мучимые любопытствомъ, они хотятъ проникнуть въ тайны будущаго или узнать въ прошедшемъ такія подробности, которыя Богу угодно было скрыть отъ насъ, потому, конечно, что знаніе ихъ бесполезно для насъ; свое легкомысліе они доводятъ до того, что болѣе вѣрятъ легендамъ, чѣмъ евангельскимъ фактамъ и предпочитаютъ Св. Писанію и преданію церкви басни. Такова отличительная черта іудейства. Извѣстно, какъ много баснословнаго содержится въ книгахъ іудейскихъ раввиновъ. Отъ этого національнаго инстинкта, конечно не были свободны многіе изъ іудеевъ, обратившихся въ христіанство. Другая черта іудейства состоитъ въ смѣшеніи правилъ чловѣческихъ съ правилами и законами Божиими. Въ этомъ упрекалъ іудеевъ своего времени еще Исаія. Повторяя этотъ упрекъ, Іисусъ Христосъ показываетъ и нѣкоторыя средства, которыми пользовались фарисеи и учителя, чтобы обойти законъ или обратить его въ свою пользу (Матѣ. 15, 1—9; 23, 14—22).

Впрочемъ, изъ упрека І. Христа и словъ апостола не слѣдуетъ еще заключать, что положительныя законы и церковныя заповѣди противорѣчатъ духу евангелія и что не слѣдуетъ подчиняться имъ. Апостольскій авторитетъ не есть человѣческій авторитетъ, ибо І. Христосъ сказалъ апостоламъ и преемникамъ ихъ: „слушай васъ Мене слушаетъ и отменяя васъ Мене отменяется“ (Лук. 10, 16). Такъ понимали это св. Павелъ и другіе апостолы (1 Кор. 7, 12 40). На соборѣ Іерусалимскомъ, предписывая, какъ *необходимыя*, правила естественнаго права и права положительнаго, то и другое приписывали Духу святому: „изволися святому Духу и намъ“ (Дѣян. Ап. 15, 28). Впрочемъ, взглядываясь въ дѣло ближе, увидимъ, что общія заповѣди церковныя не суть чисто человѣческія заповѣди. Главный предметъ ихъ, сущность—законъ божественный. Такова, напр., заповѣдь объ освященіи дней, посвященныхъ Богу; заповѣдь въ сущности божественное правило, повелѣвающее принимать по временамъ евхаристію въ отпущеніе грѣховъ. Такое или подобное правило есть лишь положительное опредѣленіе закона божественнаго и указаніе способа исполненія его. Оно усваиваетъ христіанскому обществу внѣшніе обычаи, согласныя съ правилами и ученіемъ І. Христа, и даетъ каждому вѣрующему средство вѣрнѣе и легче исполнить ихъ.

Св. Павелъ говоритъ здѣсь не о всѣхъ человѣческихъ правилахъ, а только о тѣхъ, которыя предписываются людьми, отвращающимися отъ истины или уклоняющимися отъ ученія той церкви, которая есть столпъ и твердое основаніе.

Ст. 15. *Вся убо чиста чистымъ: оскверненнымъ же и нечестнымъ ничтоже чисто, но осквернися ихъ и умъ, и совѣсть.*

Апостоль говоритъ здѣсь о заблужденіи іудействующихъ учителей, считавшихъ нѣкоторый родъ пищи *нечистымъ* самъ по себѣ и говорившихъ вѣрующимъ: „не коснися ниже вкуси“ (Кол. 2, 21). По примѣру фарисеевъ

они полагали нравственность главнымъ образомъ во внѣшнемъ воздержаніи и рѣшительномъ удаленіи отъ всего, что законъ признавалъ нечистымъ. Нужно было, посему опровергнуть это заблужденіе великимъ словомъ Евангелія: „не входящее во уста сквернитъ человѣка, но исходящее изъ устъ, то сквернитъ человѣка“ (Матѳ. 15, 11). Это значитъ, что относительно тѣхъ внѣшнихъ предметовъ, которые безразличны сами по себѣ и употребленіе которыхъ не воспрещается никакимъ закономъ, нравственное значеніе поступка опредѣляется намѣреніемъ и совѣстію. Если намѣреніе и совѣсть чисты, то и употребленіе ихъ не осудительно и въ этомъ смыслѣ „вся чиста чистымъ“. Но если употребленіе ихъ соединяется съ дурнымъ намѣреніемъ или, если зная, что то или другое нечисто и запрещено, употребляютъ его противъ совѣсти, то такое употребленіе предосудительно. Въ этомъ смыслѣ апостоль и прибавляетъ далѣе: „оскверненнымъ же и невѣрнымъ ничтоже чисто“, ибо „осквернися ихъ умъ“ заблужденіемъ, доведшимъ ихъ до невѣрія, „осквернися ихъ совѣсть“, потому что она основывается на томъ же заблужденіи.

Ст. 16. Бога исповѣдаютъ въ дѣти, а дѣлы отмещутся Ею, мерзцы суще и непокориви, и на всяко дѣло благое неискусни.

Сводя къ общему итогу представленную апостоломъ въ настоящей главѣ характеристику іудействующихъ учителей, мы видимъ въ нихъ тѣже пороки, за которые Иисусъ Христосъ обличалъ фарисеевъ и книжниковъ своего времени. Это были люди непокорные, сварливые, упрямые, державшіеся болѣе частныхъ преданій, нежели закона Божія, придававшіе болѣе важности обрядамъ и внѣшнимъ дѣйствіямъ, нежели нравственнымъ добродѣтелямъ, одушевленные горячею ревностію къ распространенію и преобладанію своихъ мнѣній, не боявшіеся поэтому врываться въ семейства и нарушать ихъ миръ, но руководившіеся во всемъ этомъ не возвышенными цѣлями, а матеріальнымъ расчетомъ. Говоря, что знаютъ Бога и гордятся этимъ, они

прикрывали внѣшнимъ благочестіемъ слѣпое упорство предъ очевидною евангельскою истиною, мало заботясь о дѣлахъ милосердія и правды.

Глава вторая.

Въ этой главѣ Апостоль повелѣваетъ своему ученику учить здоровому и православному ученію, какъ основанію нравственной жизни, необходимому для людей всѣхъ возрастовъ и состояній.

1. Повелѣніе не учить ничему, что недостойно здраваго ученія.—Повелѣнія относительно старцевъ и молодыхъ женщинъ.

Ст. 1. *Ты же глаголи, яже подобаетъ здоровому ученію.*

Иудействующіе учителя учили только баснямъ и придавали преувеличенное значеніе внѣшнимъ обрядамъ. Но епископъ, христіанскій учитель, долженъ проповѣдывать своему народу здоровое ученіе и не говорить ничего, что несообразно съ нимъ или не достойно его.

Что же сообразно и достойно здраваго ученія?—Правила строгой нравственности, обязательныя для всѣхъ возрастовъ и состояній и составляющія основанія чувствъ и нравственной жизни.

Ст. 2. *Старцемъ трезвеннымъ быти, честнымъ, цѣломудреннымъ, здравствующимъ върою, любовію, терпѣніемъ.*

Печальное зрѣлище представляетъ старикъ, въ которомъ съ годами не ослабѣваютъ, а усиливаются пороки юности: невоздержность, склонность къ разгулу, распущенность въ рѣчахъ, забвеніе Бога, презрѣніе ко всему

святому, горькія насмѣшки, соединенныя съ жалобою на безсиліе, нетерпѣніе предъ слабостями и немощами своего возраста. Напротивъ, достоинъ уваженія тотъ, кто вѣнчаетъ христіанскую жизнь почетомъ старостію, исполненною воздержанія не въ видахъ расчета, но по всей добродѣтели,—честности и серьезности въ дѣйствіяхъ, вѣры—твердой самой по себѣ и полной довѣрія, снисходительной любви и терпѣнія.

Ст. 3. Старицамъ такожде во украшеніи святолюбнымъ, не клеветивымъ, не вину многу порабощеннымъ, доброучительнымъ.

Въ первомъ посланіи къ Тимоѳею св. Павелъ совѣтовалъ женщинамъ одѣваться прилично, скромно. Здѣсь же требуетъ этого отъ пожилыхъ женщинъ. Нескромность, столь опасная даже въ молодыхъ лѣтахъ женщины, неизвинительна для женщины пожилой. Безсильная попытка вознаградить утраченное съ годами становится смѣшна и возбуждаетъ жалость. Любовь къ себѣ и уваженіе къ своему личному достоинству съ одной стороны и евангельскія правила съ другой требуютъ отъ пожилой женщины скромности въ одеждѣ и манерѣ держать себя. Но къ этому требованію апостоль присоединяетъ и другое болѣе важное: внѣшнія дѣйствія и привычки пожилой женщины должны быть приличны святости.

Одно изъ самыхъ вѣрныхъ доказательствъ христіанской святости пожилой женщины—благосклонность въ сужденіяхъ и разговорахъ о лицахъ ея пола. Умѣя, вслѣдствіе своей опытности, открыть недостатки или ошибки молодой женщины и считая себя вправѣ по своимъ лѣтамъ указать ихъ, онѣ хотятъ вознаградить свои утраты сплетнями или пересудами.

Вѣроятно, невоздержность была общимъ и обыкновеннымъ явленіемъ между критянами, если св. Павелъ такъ часто совѣтуетъ воздержаніе, особенно въ употребленіи вина и, притомъ, совѣтуетъ не только старцамъ и юношамъ, но и молодымъ и пожилымъ женщинамъ.

Пользуясь опытностію, досугомъ и свободою по праву старости, старица можетъ употребить ихъ на святое дѣло, если будетъ учить и направлять юношество на истинно христіанскій путь и тѣмъ предохранить его отъ увлеченія, мірскихъ соблазновъ и вредныхъ вліяній предразсудковъ.

Ст. 4. *Да уцѣломудрятъ юныя, муже.любимцамъ быти, чадо.любимцамъ.*

Съ самаго начала и всегда Церковь придавала большое значеніе нравственному воспитанію женщинъ. Доказательство этому можно видѣть въ неоднократныхъ совѣтахъ объ этомъ, часто встрѣчающихся въ апостольскихъ посланіяхъ, особенно въ посланіяхъ ап. Павла. Время исполненія даннаго Евѣ обѣтованія должно было сдѣлаться временемъ возстановленія женщины, возведенія ея на первобытную высоту. Посему, въ видахъ этого возстановленія, Церковь не дозволила женщинамъ выходить изъ ихъ семейственнаго состоянія.

Вслѣдствіе этого, она охраняла ихъ достоинство, какъ супругъ, защищала ихъ значеніе материнское и, объясняя имъ обязанности ихъ, тѣмъ самымъ обезпечивала ихъ вліяніе.

По мысли ап. Павла, воспитаніе женщинъ главнымъ образомъ лежитъ на обязанности женщинъ. Съ значеніемъ воспитательницы женщина являлась всегда въ многочисленныхъ общинахъ, гдѣ, посвящая себя Богу, она несла обязанности образованія и нравственнаго воспитанія чужихъ дѣтей. Исходнымъ началомъ этихъ обязанностей женщины и основаніемъ всѣхъ другихъ служить любовь христіанской жены къ своему мужу, матери—къ своимъ дѣтямъ. Эти чувства любви внушаетъ ей сама природа, а религія освящаетъ и усовершенствуетъ ихъ. Чувства эти—добры, похвальны; благодать, освящающая ихъ, строитъ на ихъ основаніи зданіе высочайшихъ добродѣтелей, изъ которыхъ важнѣйшая—образованіе христіанскаго семейства.

Ст. 5. *Цѣломудреннымы, чистымы, дома добры пражящымы, блажымы, покаржящымы своимъ мужемъ, да не слово Божіе хулится.*

Апостоль даетъ дорогой и достойный размышленія совѣтъ. Женщина, мать семейства, должна быть *цѣломудренна*: въ отношеніи къ обществу, любящему заглядывать въ чужую жизнь завистливымъ окомъ; цѣломудренна въ отношеніяхъ къ дѣтямъ, чтобы они не замѣтили въ ней ничего, что могло бы уменьшить въ ихъ глазахъ значеніе ея, какъ матери; цѣломудренна въ стремленіи и достиженіи общихъ интересовъ, довѣренныхъ ея попеченію.

Женщина должна быть *чиста*, безупречна предъ всѣми:—предъ своимъ мужемъ, котораго она должна научить уважать въ себѣ мать своихъ дѣтей, — предъ слугами, ибо и они тѣже люди, одаренные такими же инстинктами, страстями и сверхъ того, по своему низшему положенію въ обществѣ, склонны къ любопытству и клеветамъ; должна быть чиста, скромна, не должна важничать въ разговорахъ съ людьми своего пола и состоянія;—скромна въ своемъ поведеніи и обращеніи, чужда льстивымъ рѣчамъ, удовлетворяющимъ ея тщеславію, но унижающимъ ея личное достоинство,—не должна возбуждать подозрѣніе и недовѣріе въ тѣхъ, добрымъ расположеніемъ которыхъ къ себѣ и своимъ дѣтямъ она дорожитъ.

Христіанская женщина должна быть хорошею хозяйкою въ домѣ. Полную характеристику доброй жены, домоправительницы даетъ намъ Премудрый Соломонъ (Притч. 31, 10—28).

По Евангелію, доблестная жена должна быть *доброю*, кроткою, снисходительною. „Законъ послушанія на устахъ ея“, говоритъ Премудрый. Въ комъ другомъ искать, что любовь—основной законъ религіи, а любовь все терпитъ? Будучи доброю ко всѣмъ вообще, женщина должна быть таковою, въ частности, къ своимъ слугамъ: не призирая ихъ и не командуя ими, она не должна требовать отъ нихъ непосильной работы. Принимая близко къ сердцу интеле-

ресы своихъ слугъ и умѣя обратить ихъ вниманіе на собственныя ихъ выгоды, она тѣмъ самымъ снискиваетъ себѣ уваженіе и покорность.

Наконецъ, христіанская женщина должна подчиняться своему мужу,—но не рабскою покорностію, а послушаніемъ вѣры и любви. Она не можетъ не знать, что такова воля Божія. Тяжесть распоряженія всѣмъ въ семействѣ выше слабыхъ силъ ея, и если бы она пользовалась въ семьѣ главнымъ значеніемъ, то едва-ли бы сумѣла удержаться въ должныхъ границахъ (Притч. 25, 30).

Напоминая женщинамъ обязанности ихъ относительно своихъ мужей, Св. Павелъ не полагаетъ различія между мужемъ—христіаниномъ и невѣрующимъ; судя по контексту рѣчи, можно даже думать, что онъ говоритъ преимущественно о мужѣ невѣрующемъ. Каковъ-бы мужъ ни былъ—христіанинъ или невѣрующій, но если жена, забывъ евангельскія правила, станетъ укуорять или обвинять его за религіозныя несогласія, то она виновна предъ Богомъ.

Итакъ, попытки христіанской женщины освободиться отъ перечисленныхъ ап. Павломъ обязанностей, вслѣдствіе предразсудковъ или нечестія своего мужа,—не имѣютъ основанія и противны апостольскому ученію. Обязанности эти основаны на законѣ естественномъ и божественномъ; евангеліе освящаетъ ихъ, а честь религіи требуетъ уваженія къ нимъ. Если жена гордая, самолюбивая, неровная въ обращеніи, не заботящаяся о семействѣ, не почитающая мужа, возбуждаетъ недовѣріе къ религіи,—то напротивъ, ничто такъ не располагаетъ къ религіи, даже предубѣжденныхъ противъ нея, какъ жизнь матери благочестиваго семейства, нѣжной къ дѣтямъ, цѣломудренной въ отношеніяхъ къ другимъ, никогда не унижающей своего достоинства, снисходительной къ низшимъ, умѣющей неутомимою кротостію водворить порядокъ въ домѣ и внушить уваженіе къ власти своего мужа.

II. Обязанности юношей. — Скрамность. — Епископъ—общій примѣръ добродѣтели. —
Обязанности рабовъ.

Ст. 6. *Юноши такожде моли цѣломудрствовати.*

Если невоздержность предосудительна въ старцѣ и женщинѣ, то она еще предосудительнѣе и опаснѣе для молодыхъ людей, для которыхъ она можетъ быть самымъ сильнымъ побужденіемъ къ наиболѣе свойственнымъ имъ порокамъ.

Если юноша съ раннихъ лѣтъ пріучился управлять своими привычками, значить, онъ пріобрѣлъ власть надъ самимъ собою, съ помощію которой можетъ бороться съ самыми упорными и опасными искушеніями.

Есть два рода цѣломудрія, или воздержанія: одно можно назвать матеріальнымъ и ограниченнымъ извѣстнымъ кругомъ предметовъ; другое—нравственное, простирающееся на всю жизнь. Послѣднее сдерживаетъ склонности темперамента, умѣряетъ порывы желаній, управляетъ, по требованію разума и правилъ благопристойности, разговоромъ, поведеніемъ, словомъ—всѣми внѣшними дѣйствіями. Этого рода цѣломудрія юноши достигаютъ съ большимъ трудомъ, нежели перваго; пріучить къ нему можно скорѣе ученіемъ, умѣстными замѣчаніями, терпѣливыми и родительскими совѣтами, нежели строгостію и принужденіемъ.

Ст. 7. *О всемъ же самъ себе подавая образъ добрыхъ дѣлъ, во ученіи независтное, честность, нетлѣніе.*

Недостаточно, если пастырь душъ только учитъ своихъ пасомыхъ здравому нравственному ученію; онъ долженъ поддерживать ученіе собственнымъ примѣромъ жизни. Эта обязанность столь важна, что Св. Павелъ говоритъ о ней довольно подробно, безъ опасенія нарушить тѣмъ логическую послѣдовательность мыслей.

„О всемъ же самъ себе подавая образъ“, т. е. во всѣхъ случаяхъ и обстоятельствахъ жизни вообще, и въ частности—въ качествѣ народнаго учителя, въ исполненіи

своихъ обязанностей, служитель евангелія долженъ быть для всѣхъ вѣрующихъ живымъ примѣромъ, которымъ они могутъ руководиться и побуждаться къ совершенію всѣхъ добрыхъ дѣлъ.—Онъ долженъ быть примѣромъ чистоты и полноты ученія. Нѣкоторые недостатки понятія, нѣкоторыя неточности языка, нѣкоторые пробѣлы въ познаніи евангельскаго ученія еще терпимы въ простомъ вѣрующемъ, но не извинительны для пастыря. Если онъ не понимаетъ истиннаго смысла вѣры церковной, кто научить его? Если онъ не умѣетъ говорить чистымъ, простымъ языкомъ, кто приучить его? Если его знанія недостаточны, кто восполнить ихъ?—Онъ долженъ быть примѣромъ неповрежденности нравовъ, полной и прочной святости.

Ст. 8. Слово здоровое, неззорное: да противный посрамится, ничтоже имѣя глаголати о насъ укорно.

Слово пастыря должно быть здраво и безупречно, т. е. всегда сообразно съ принципами вѣры и правилами христіанской нравственности и благочинія. Представляя вѣрующимъ ефесскимъ правила, которыхъ они должны держаться въ разговорахъ другъ съ другомъ, ап. Павелъ говоритъ: „блудъ же и всякая нечистота, и лихоимство ниже да именуется въ васъ, якоже подобаетъ святымъ. И сквернословіе, и бусловіе, или кощуны, яже неподобная, но паче благодаренія“ (Ефес. 5, 3—4). Если всѣ вѣрующіе обязаны слѣдовать указанному совѣту, то тѣмъ вѣрнѣе должны держаться этого закона служители Церкви. Они еще болѣе должны быть осторожны въ разговорахъ съ мірянами. Пастыри очень легко забываютъ совѣтъ Господа: „остерегайтесь людей“ (Матѳ. 10, 17). Не сталкиваясь съ врагами, которые подслушиваютъ ихъ разговоръ, чтобы толковать его по своему, они считаютъ себя свободными отъ обязанности остерегаться. Но пусть они не обманываются на этотъ счетъ! Кромѣ враговъ, слѣдящихъ за ними, есть люди съ тонкимъ умомъ, которые имѣютъ самое высокое понятіе о священствѣ и соблазняются всѣмъ, что не соотвѣтствуетъ въ пастырѣ этому понятію. Есть люди недовѣрчивые, гото-

вые видѣтъ зло во всемъ, что только кажется дурнымъ. Такимъ образомъ, на пастырѣ болѣе, чѣмъ на комъ другомъ—оправдывается евангельское правило: „отъ словесъ своихъ оправдишися, и отъ словесъ своихъ осудишися“ (Матѳ. 12, 37).

Ст. 9. *Рабы, своимъ господемъ повинуютися, во всемъ благоугоднымъ быти, непрекословнымъ,*

Ст. 10. *Не крадущимъ, но вѣру всяку являющимъ благу.*

Ап. Павелъ возвращается къ исчисленію обязанностей различныхъ классовъ вѣрующихъ и кратко излагаетъ обязанности рабовъ.

Первая изъ нихъ повиновеніе, но повиновеніе искреннее, потому-что въ христіанинѣ не должно быть ничего лицемернаго; повиновеніе религіозное, основанное на заповѣди Божіей, потому что человѣкъ, освѣщенный свѣтомъ вѣры, во всѣхъ разнообразныхъ условіяхъ жизни видитъ волю провидѣнія, а это утѣшительнымъ образомъ примиряетъ его съ униженіемъ, незнатностію своего состоянія, съ выгодами своего личнаго достоинства.

Вторая обязанность—благоугожденіе во всемъ. Когда рабъ или служитель видитъ въ своемъ состояніи волю Божію, то питаетъ любовь къ такому, назначенному ему Богомъ, состоянію. А если онъ любитъ свою зависимость отъ господъ, то, естественно, старается не только повиноваться имъ, но и угождать. Въ такомъ случаѣ онъ видитъ въ нихъ скорѣе друзей, съ которыми связанъ узами любви, нежели чуждыхъ людей или враговъ, служить которымъ заставляютъ его выгоды или сила.

Есть двоякаго рода угожденіе: одно—честное, не унижающее личнаго достоинства человѣческаго, другое—недостойное, безнравственное. Угожденіе, истинно достойное души христіанской, состоитъ въ предупредительномъ вниманіи ко всему, что возвышаетъ честь или интересуется господина, не столько ради благодарности, сколько изъ желанія быть полезнымъ ему. Это—просто лично услуга служителя, которую онъ считаетъ обязательнымъ для себя

оказать своему господину, не насилуя свободы своего сознания и не служа предсудкамъ или страстямъ господина. Что касается той услужливости, которая потакаетъ прихотямъ господь, помогаетъ дурнымъ предпріятіямъ, завѣдомо содѣйствуетъ несправедливымъ или безнравственнымъ дѣйствіямъ,—такая услужливость не только безчеститъ служителя, но и дѣлаетъ его участникомъ преступленія господина.

Третья обязанность служителя требуетъ отъ него, чтобы онъ, относительно своего господина, не оказывалъ открытаго сопротивленія и даже внутренняго противорѣчія, злонамѣренныхъ отговорокъ, которыми дурные слуги хотятъ вознаграждать себя за свою зависимость. Но преданному слугѣ не запрещается предупреждать своего господина, указывая ему истинную его пользу.

Четвертую обязанность слугъ составляетъ строгая правда, не допускающая слугу обокрасть своего господина. Кражи бываютъ различны: есть кража грубая, которая подвергаетъ виновнаго человѣческому суду; это кража— вдвойнѣ преступная, потому-что сюда присоединяется злоупотребленіе довѣріемъ. Есть кража, состоящая въ незаконномъ присвоеніи чего либо отъ имени господина, но безъ его вѣдома. Есть, наконецъ, кража, которая состоитъ въ отнятій у господина не капитала, но времени, принадлежащаго ему, и труда, на который онъ имѣетъ право.

Пятая обязанность, повидимому, не такъ строга, какъ четвертая, но вполнѣ необходима для христіанина. Мало того, что слуга не дѣлаетъ формально ничего несправедливаго: онъ долженъ имѣть совершенную вѣру во все.

Ст. 10. *Да ученіе Спасителя нашего Бога украшаютъ во всемъ.*

Вотъ истинное основаніе тяжелыхъ обязанностей рабовъ и слугъ христіанскихъ и побужденіе къ исполненію ихъ! Что можетъ быть благороднѣе и святѣе этой побудительной мысли прославить—лично собою, своими чувствами и всѣми дѣйствіями—религію и ученіе Іисуса Христа?

Ученіе Павла объ обязанностяхъ рабовъ представляетъ самое яркое доказательство силы и мудрости христіанства. Въ самомъ дѣлѣ, религія, которая можетъ внушить благороднѣйшія чувства, пріучить въ высочайшимъ добродѣтелямъ душу униженную,—такая религія ясно обнаруживаетъ силу болѣе, чѣмъ человѣческую. Не полагая никакого различія въ чувствахъ и обязанностяхъ не только между грекомъ, римляниномъ и варваромъ, между образованными и необразованными классами, но даже между тѣмъ, кто съ точки зрѣнія закона стоялъ высоко и кто былъ униженъ предъ закономъ и нравственно подавленъ,—она является религіею человѣчности, ибо она есть религія любви и добродѣтели.

III. Характеръ христіанства.—Его нравственное ученіе.—Надежды.—Богъ—какъ Спаситель и Судія.—Цѣль исправленія.

Какъ ни высоко выраженное Ап. Павломъ понятіе о рабахъ, онъ находитъ нужнымъ подтвердить его, и въ нѣсколькихъ стихахъ величественными чертами изображаетъ христіанскую религію, ея нравственное ученіе, надежды, какія даетъ человѣку двойное явленіе Іисуса Христа, и тѣ плоды, которые искупленіе производитъ въ человѣчествѣ, создавая новый народъ.

Ст. 11. *Явися бо благодаиъ Божія спасительная всѣмъ челоѣкомъ.*

Итакъ, нечего удивляться чести, сдѣланной рабамъ: явленіемъ Божиимъ, исполнившимся въ христіанствѣ и имѣющимъ двойкій характеръ—внутренній и внѣшній,—они возвышены. Это явленіе существенно и само по себѣ есть благодать—и благодать Бога—Спасителя. Внѣшнимъ образомъ—оно есть благодать всеобщая, данная всѣмъ людямъ безъ исключенія.

Въ нѣкоторомъ смыслѣ законъ Моисея былъ благодатью, т. е. не заслуженною милостію, данною Богомъ одному народу; этою милостію народъ отличался отъ дру-

гихъ и впесъ ее въ кругъ своего богопочтенія. Но эта милость не была благодатью въ христіанскомъ смыслѣ: она не проникала внутрь человѣка, чтобы освятить и оживить его жизнью Божіею. Она была образомъ, тѣнью того дара, который І. Христосъ, Сынъ Божій и человѣческій, долженъ былъ отъ *исполненія Ею* распространить на всѣхъ людей, какъ говоритъ объ этомъ Евангелистъ Іоаннъ: „законъ Моисеевъ данъ бысть, благодать же и истина Иисусъ Христомъ бысть“ (Іоан. 1, 17).

Эта благодать, данная Иисусомъ Христомъ, не есть благодать земнаго спасенія, освобожденія народа отъ рабства, торжества надъ внѣшними врагами, какъ думали грубые и плотскіе іудеи. Она есть даръ существенно сверхъестественный, который, вполне усовершенствова нашу природу, самъ по себѣ имѣетъ отношеніе только къ тому состоянію, къ которому мы призваны въ будущей жизни.

Эта благодать, однородная съ благодатью, данной ангеламъ и Адаму, запечатлѣна особымъ, ей свойственнымъ, характеромъ. Благодать, данная первому человѣку до его грѣхопаденія и ангеламъ, имѣетъ свою первопричину въ предвѣчномъ намѣреніи Божіемъ соединить свое Слово, своего Сына съ разумною природою.—Но какъ бы то ни было, это все таки благодать Бога, свободнаго и великаго Благодѣтеля, выразившаяся въ твореніи ангеловъ и человѣковъ. Она есть благодать Бога Спасителя. Благодать Бога Спасителя не только освѣщаетъ разумъ сверхъестественнымъ свѣтомъ, не только безконечно возвышаетъ природу надъ самою собою,—но она возвращаетъ на путь природу, отклоняющуюся отъ него, исцѣляетъ природу больную, спасаетъ погибшую, ибо, по словамъ самаго Спасителя: „Сынъ человѣческій пришелъ спасти погибшаго“. Такимъ образомъ, благодать Бога Спасителя, кромѣ этой общей силы возвысить природу, возвратитъ въ прежнее, Богомъ указанное, состояніе, имѣетъ еще особую силу, обнаруживаетъ особыя дѣйствія и отправленія; эта сила—возраждающая, исцѣляющая, словомъ—спасающая, имѣю-

шая отношеніе къ обстоятельствамъ исполненія тайны воплошенія Сына Божія.

Наконецъ, этотъ завѣтъ благодати данъ не одному народу, не на извѣстное только время, какъ завѣтъ Моисеевъ: онъ заключенъ со всѣми народами земли, со всѣми членами рода человѣческаго, безъ всякаго различія пола, состоянія, душевныхъ силъ, племенныхъ особенностей, и долженъ простираться и продолжать свои дѣйствія до конца временъ.

Ст. 12. *Наказующи насъ, да отвершися нечестія и мірскихъ похотей, цѣломудренно и праведно и благочестно поживемъ въ нынѣшнѣмъ вѣцѣ.*

Ученіе, проповѣдуемое благодатию Христовою, мораль, распространяемая ею, достойны ея. Ея нравоученіе дѣйствуетъ на нашу духовную жизнь двумя способами: однимъ отдѣляетъ насъ отъ Адама—грѣшника, другимъ—уподобляетъ и соединяетъ насъ съ І. Христомъ. Отдѣленіе отъ ветхаго Адама выражается въ отреченіи отъ нечестія и мірскихъ похотей. Хотя грѣхъ Адама не имѣлъ прямого характера нечестія, но и не былъ чуждъ его. Очевидно, первая жена хотѣла поставить человѣка на мѣсто Бога, придать ему божественное всевѣдѣніе: „будете яко бози, вѣдаяще доброе и лукавое“. Конечно, и Адамъ участвовалъ въ этомъ нечестіи, ибо иначе слова: „се Адамъ бысть яко единъ отъ насъ“ не имѣютъ смысла. Безъ всякаго сомнѣнія, въ этомъ актѣ грѣхопаденія первоначально заключалась причина страшнаго стремленія рода человѣческаго къ нечестію, или идолопоклонству во всѣхъ его формахъ, которое замѣтно выдается во всей исторіи народа Божія.

Что касается увлеченія матеріальнымъ, мірскими похотями,—оно есть непосредственный результатъ грѣха Адамова.

Отречься отъ нечестія въ христіанскомъ смыслѣ—значитъ не только отречься отъ ложнаго богопочтенія и языческихъ суевѣрій, но также подчинить духъ или сердце

волѣ истиннаго Бога. Отречься отъ мірскихъ похотей значитъ оставить не только постыдные и грубые пороки природы нашей, но и отъ всякихъ суетныхъ украшеній, роскоши, неумѣренной и безпорядочной привязанности къ настоящей жизни.

Что касается уподобленія Іисусу Христу, оно достигается только подъ тѣмъ условіемъ, если будемъ цѣломудренны относительно самихъ себя, правдивы въ отношеніи къ ближнимъ и благочестивы предъ Богомъ.

Жить *цѣломудренно*—значитъ мудро ограничиваться необходимымъ, полезнымъ и благопристойнымъ. Выдумывать подробности, искать главнымъ образомъ того, что льститъ нашимъ инстинктамъ, значитъ уклоняться отъ условій нашего бытія, указанныхъ Самимъ Провидѣніемъ, значитъ злоупотреблять этимъ святымъ закономъ. Впрочемъ, цѣломудріе не исключаетъ честныхъ удовольствій, находимыхъ въ занятіи прекраснымъ, науками, искусствами, а равно—въ созерцаніи природы, въ семейной жизни. Эти удовольствія прекрасны сами по себѣ и отвѣчаютъ потребностямъ одной изъ душевныхъ силъ нашихъ. Они смягчаютъ, если не вознаграждаютъ естественно горечь нашего земнаго существованія. Но не слѣдуетъ давать имъ главнаго мѣста въ сердцѣ, не придавать особеннаго значенія въ жизни: они должны быть дѣломъ второстепеннымъ.

Жизнь праведная. Праведность, даже въ ограниченномъ смыслѣ, въ отношеніи къ ближнему, имѣетъ болѣе широкое значеніе, чѣмъ какое признаютъ за ней. Каждый изъ насъ имѣетъ право на свое существованіе, на свободу, на пріобрѣтенное имъ имущество, на созданное имъ положеніе въ обществѣ, на уваженіе отъ другихъ, если только не дѣлается не достойнымъ этого права по своей винѣ. Все, что оскорбляетъ его не запятанную честь, что мѣшаетъ законному развитію его личности, что лишаетъ его части пріобрѣтеннаго имъ имущества, мѣшаетъ удовольствію, что губитъ или унижаетъ его значеніе, что покушается на его честь и уваженіе,—все это дѣло не-

праведное. Чтобы такое дѣло было неправеднымъ, нѣтъ надобности, чтобы оно совершилось внѣшнимъ образомъ. Нравственный законъ, управляющій внутренними дѣйствіями человѣка, осуждаетъ и неправедныя желанія, радость и печаль и даже дурныя, неправедныя мысли о ближнемъ.

Христіанская праведность имѣетъ еще болѣе широкое значеніе: она состоитъ въ милосердіи, которое составляетъ нашу *долгъ* предъ Богомъ, который мы должны платить другъ другу. Впрочемъ, христіанство не смѣшиваетъ этихъ двухъ добродѣтелей и соединенныхъ съ ними обязанностей. Формула праведности заключается въ словахъ Товита, сказанныхъ своему сыну: „еже ненавидиши, никому же твориши“ (Тов. 4, 15). А формула любви, или милосердія выражается словами Спасителя: „вся убо, елика аще хотите, да творятъ вамъ челоуѣцы, тако и вы творите имъ“ (Матѣ. 5, 12). Въ этихъ двухъ, столь простыхъ правилахъ содержится болѣе смысла, указано болѣе основаній нравственной жизни, чѣмъ во многихъ книгахъ, и всякій, кто привыкъ думать и понимать, пойметъ истину заключительныхъ словъ Господа: „се бо есть законъ и пророцы“.

Жить *благочестно* предъ Богомъ значитъ выражать Ему чувства благодарности, безусловной покорности, глубокаго благоговенія, высочайшей любви, какъ нашему Творцу, Господу; значитъ стараться уподобиться Ему, какъ образцу истины, высочайшаго правосудія и безконечнаго совершенства. Быть благочестивымъ предъ Богомъ значитъ съ благодарностію принимать на самомъ дѣлѣ то, что Его благодати и премудрости угодно было назначить намъ, вѣрить во все, что Онъ, какъ непреложная истина, благоволилъ открыть намъ и въ чемъ Онъ Самъ увѣряетъ насъ; почитать Его такъ, какъ Онъ, по своей премудрости и правосудію, Самъ указалъ намъ, сообразно съ нашею природою, потребностями и условіями настоящей жизни; вѣрить и дѣйствовать не по фарисейски, но достойно Бога,

Который есть духъ, и Который хочетъ, чтобы кланяющіеся Ему, „духомъ и истиною“ кланялись (Іоан. 4, 24).

Ст. 13. *Ждуще блаженнаго упованія и явленія славы великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа.*

Христіанская жизнь есть жизнь ожиданія, ибо настоящее наше существованіе только опытъ, приготовленіе къ будущему, когда собственно и начнется полная жизнь. Посему, христіанское благочестіе есть, такъ сказать, выраженіе надежды, постояннаго стремленія къ небу.

Христіанская жизнь есть ожиданіе обѣщанныхъ намъ благъ, блаженства полнаго, неизмѣннаго, вѣчнаго, которое мы должны получить отъ Верховнаго Судіи; но она есть, посему, ожиданіе этого Судіи,—ожиданіе, соединенное съ надеждою, такъ какъ этотъ судія есть Судія, спасающій насъ.

Этотъ Судія—человѣкъ, выполнившій, по человѣчеству, всѣ условія нашего спасенія. Но Онъ и Богъ,—Богъ великій, истинный посему и наши надежды на Него непоколебимы и наше спасеніе несомнѣнно. Онъ снизшелъ на землю ради нашего спасенія, приобщился нашимъ немощамъ, а потомъ явится въ полнотѣ могущества и славы, чтобы и насъ сдѣлать участниками Его блаженства и величія.

Приведенный стихъ Апостола служитъ лучшимъ доказательствомъ божества І. Христа, ибо здѣсь говорится только о Немъ. Онъ названъ здѣсь и *Богомъ великимъ* и *Спасомъ нашимъ*. И грамматическое построеніе рѣчи, и особенности языка показываютъ, что рѣчь идетъ о Богѣ, который долженъ явиться, и о Его славномъ явленіи. Но въ Новомъ Завѣтѣ нигдѣ не говорится, что Богъ Отецъ долженъ явиться. Славное явленіе постоянно, въ посланіяхъ Павла, относится къ Иисусу Христу (2 Сол. 2, 8.—1 Тим. 4, 14—15.—2 Тим. 5, 1. 8.)

Ст. 14. *Иже далъ есть Себе за ны, да избавитъ ны отъ всякаго беззаконія, и очиститъ Себѣ люди избранны, ревнители добрымъ дѣломъ.*

Итакъ, І. Христосъ есть Спаситель нашъ, Спаситель не во внѣшнемъ только смыслѣ, какъ спасающій и освобождающій насъ отъ грѣховъ, но и въ томъ личномъ смыслѣ, что Онъ отдалъ Себя Самаго для нашего спасенія, Свою кровь, Свою жизнь, какъ цѣну нашего искупленія. Таковъ смыслъ истиннаго искупленія. Общая цѣль его—привести къ Богу избранный народъ. Этой цѣли оно достигаетъ слѣдующими замѣчательными и характеризующими его способами: во первыхъ, оно освобождаетъ этотъ народъ отъ всякаго нечестія и очищаетъ его, во вторыхъ—посвящаетъ его Богу, какъ народъ Ему угодный и достойный Его; въ третьихъ—дѣлаетъ его способнымъ выражать свою святость ревностію въ добрыхъ дѣлахъ.

Эти искупительныя дѣйствія—не внѣшнія дѣйствія. Это не простое вмѣненіе святости І. Христа, покрывающее грѣхи народа. Это благодать, внутреннее дѣйствіе, освобождающее отъ всякаго нечестія, очищающее и, вслѣдствіе очищенія, дѣлающее его пріятнымъ Богу избраннымъ народомъ. Искупительныя дѣйствія не ограничиваются вѣрою въ искупленіе, конечная цѣль ихъ—освященіе народа, ревностное исполненіе добрыхъ дѣлъ.

Такова земная цѣль искупленія, таковъ двойкій характеръ избраннаго и посвященнаго имъ Богу народа. Народъ этотъ—чистъ и святъ внутренно, во внѣшности—выражающій свою святость ревностію къ добрымъ дѣламъ.

Ст. 15. *Сія глаголи, и моли, и обличай со всякимъ повелѣніемъ: да никтоже тя преобидитъ.*

Истины, о которыхъ выше сказано и которыя составляютъ существенное основаніе догмата и евангельской нравственности,—такого свойства, что о нихъ всегда можно и должно говорить, ибо народъ никогда не усвоитъ ихъ и сами пастыри не проникаются ими такъ полно, чтобы говорить о нихъ было излишне. Въ нихъ—широкое осно-

ваніе, неисчерпаемый источникъ не только для отвлеченнаго размышленія, но и для практическаго примѣненія ихъ.

О нихъ нужно говорить, имъ нужно учить, въ нихъ нужно убѣждать людей увѣщаніями и повелѣніями, и не нужно останавливаться ни предъ какими препятствіями. Проповѣдники—не ораторы декламирующие, не философы разсуждающіе, не книжники спорящіе о смыслѣ того или другаго стиха закона,—они органы *Того, Кто говорилъ, какъ власть имѣющій, Кто, уча съ замѣчательною кротостію и указывая въ своемъ словѣ высочайшій примѣръ, никому не позволялъ уклоняться отъ своей власти.*

Чтобы эта власть была безопасна въ нашихъ рукахъ, нужно умѣть поддержать ее достойно ученіемъ и всею жизнію: народъ уважаетъ только тѣхъ пастырей, которые сами уважаютъ свое служеніе, и презираетъ тѣхъ, которые не цѣнятъ его. Вообще—заслужить уваженіе отъ другихъ можно только уважая себя самого.

Глава третья.

Напомнивъ объ ученіи, которое епископъ долженъ проповѣдывать различнымъ классамъ общества, ап. Павелъ переходитъ къ указанію обязанностей, общихъ всѣмъ вѣрующимъ. Затѣмъ, онъ представляетъ своему ученику образецъ жизни и поведенія относительно еретиковъ, нападающихъ на здравое ученіе, и оканчиваетъ посланіе обычными привѣтствіями.

I. Обязанности, общія всѣмъ вѣрующимъ.—Обязанности относительно начальствующихъ.—Обязанности относительно всѣхъ людей.

Ст. 1. Воспомяни тѣмъ начальствующимъ и властвующимъ повиноватися и покарятися, и ко всякому дѣлу благу готовымъ быти.

Замѣчанія объ отношеніяхъ подчиненныхъ къ начальствующимъ часто повторяются въ апостольскихъ посланіяхъ и ясно показываютъ, что новая религія руководилась новымъ духомъ, не извѣстнымъ древнему міру, что, предположивъ полное преобразование міра, она хотѣла достигнуть этого преобразования безъ всякихъ рѣзкихъ переворотовъ, ибо она уважала приобрѣтенныя человѣчествомъ права и состояніе, но единственно прочнымъ вліяніемъ благодати и своего ученія.

Первыми врагами начальствующихъ были гностики. Иудействующіе съ нетерпѣніемъ переносили иго чужеземной власти. И только одни истинные христіане, находясь подъ чуждымъ, враждебнымъ правленіемъ своихъ гонителей, одною изъ главнѣйшихъ обязанностей своихъ считали свои гражданскія обязанности.

Первая обязанность относительно установленной власти—искренно покаряться ей, для блага общества, не по слабости характера, а по разуму и по совѣсти. Не понимающій значенія этой обязанности и не имѣющій въ сердцѣ истиннаго чувства покорности, внутренняго повиновенія высшей власти, смотритъ на обязанность повиноваться какъ на необходимость, которой нужно покоряться, или видитъ въ ней свою выгоду.

Повиновеніе повелѣнію начальствующихъ есть судьба большей части людей, въ какомъ-бы политическомъ состояніи ни находились они. Что бы вышло, если бы каждый считалъ себя вправѣ уклоняться отъ требованій установившихся законовъ? Въ правильно организованномъ обществѣ законъ, самъ по себѣ, долженъ быть возможно точнымъ выраженіемъ общественныхъ правъ, потребностей и интересовъ. Изда-

ваемый и мудро формулируемый установленною властію, онъ можетъ быть признанъ за достовѣрное выраженіе общей воли. Но кто не восходитъ выше, до представленія Бога, Творца, и Сохранителя человѣческаго общества, для того законъ не имѣетъ истинной власти, тотъ не видитъ въ немъ нравственной обязанности повиноваться ему. Ап. Павелъ требуетъ здѣсь отъ вѣрующихъ не одной только почтительной покорности начальствующимъ и повиновенія законамъ, но и споспѣшествованія, искренняго воспособленія начальствующимъ во всемъ, что полезно и хорошо. Христіанинъ не исполняетъ еще своихъ обязанностей относительно своего отечества, если только уважаетъ власть и покарается ея законамъ. Все, что дѣйствительно содѣйствуетъ безопасности отечества, его благосостоянію, славѣ, — все это не должно быть для него безразличнымъ и чуждымъ.

Ст. 2. Ни одинаго хулити, не сварливымъ быти, но тихимъ, всяку являющимъ кротость ко всемъ человекомъ.

Первая степень христіанской кротости состоитъ въ томъ, чтобы не хулить никого, кто бы онъ ни былъ, не оскорблять ничьей ни репутаціи, ни чести. Хотя эта обязанность стоитъ и на низшей степени, но исполненіе ея не такъ легко, какъ кажется, особенно въ отношеніи къ тѣмъ, кто не раздѣляетъ нашихъ убѣжденій или кто враждебно относится къ нашимъ вѣрованіямъ.

Вторая степень евангельской кротости запрещаетъ быть строптивымъ и суровымъ въ своихъ требованіяхъ, заповѣдуетъ умѣнне ксати отказаться отъ многихъ изъ своихъ правъ, по чувству человѣколюбія, избѣгать ссоры и сохранять миръ. Объ этомъ-то родѣ христіанской кротости говоритъ Спаситель въ нагорной бесѣдѣ: „буди увѣщеваяся съ соперникомъ твоимъ скоро, дондеже еси на пути съ нимъ. Глаголю вамъ не противитесь злу“ (Матѳ. 5, 25, 39).

Третья степень кротости есть умѣренность въ чувствахъ, рѣчахъ и поступкахъ, умѣренность, происходящая отъ искренней и разумной скромности.

Наконецъ, высшая степень кротости состоитъ во всеобщности и полнотѣ указанныхъ обязанностей, въ приученіи себя исполнять ихъ относительно всѣхъ,—всякими мѣрами, при всякихъ обстоятельствахъ быть *всѣмъ для всѣхъ*.

II. Состояніе человѣка подѣ властію грѣха.—Благость Божія.—Незаслуженность спасенія.—Обновленіе человѣка внутреннимъ изліяніемъ Св. Духа.—Вѣчная жизнь.

Наслѣдіе, ожидаемое нами по благодати І. Христа.

Ст. 3. *Бѣхомъ бо иногда и мы несмысленны, и непокоривы, и прельщени, работающе похотемъ и сластемъ различнымъ, въ злобѣ и зависти живуще, мерзцы суще, и ненавидяще другъ друга.*

Въ связи съ предыдущимъ изложенное ученіе Св. Павла можно выразить такъ: справедливость требуетъ, чтобы мы обращались съ другими такъ, какъ бы мы хотѣли, чтобы и они обращались съ нами, ибо мы сами были такими, какъ они, и остались бы такими, если бы не помогла намъ сдѣлаться иными незаслуженная нами благость Божія. Такимъ образомъ, получивъ незаслуженно помощь милосердія, не должны-ли мы по справедливости поступать съ этими людьми такъ, какъ І. Христосъ поступилъ съ нами? И какое право имѣемъ мы отказать имъ въ нашемъ благоволеніи, послѣ того какъ нашъ Спаситель и Богъ былъ безконечно милостивъ къ намъ, при всемъ нашемъ недостойствѣ.

Такимъ образомъ, ап. Павелъ представляетъ самую точную, самую полную картину состоянія человѣка подѣ властію грѣха, или стоящаго внѣ искупительныхъ дѣйствій І. Христа. Въ послѣдовательномъ порядкѣ онъ изображаетъ состояніе ума и сердца, личныхъ дѣйствій и отношеній къ другимъ людямъ.

Бѣхомъ бо иногда и мы несмысленны, и непокоривы, и прельщени. Предоставленный самому себѣ, силамъ собственнаго разума, человѣкъ дѣлается безумнымъ. Онъ не знаетъ ни того, чего можетъ достигнуть своимъ умомъ, ни того,

чего не можетъ бояться. То онъ ожидаетъ отъ разума всего и держится только его, то, наученный опытомъ въ его ошибкахъ и слабости, считаетъ его лживымъ орудіемъ, не заслуживающимъ никакой вѣры.

Но какъ бы то ни было, гордится ли онъ, или приходитъ въ отчаяніе, онъ не будетъ руководиться ничѣмъ инымъ, если не поможетъ ему благодать. Нѣтъ ничего разумнѣе, какъ покоряться Богу, полагаться на Него во всемъ, что касается Его. Но въ нашей природѣ лежитъ источникъ недовѣрія и сопротивленія божественной истинѣ, которую можетъ открыть намъ одна только благодать. Эта истина слишкомъ высока, слишкомъ чиста для нашего слабого разума: облакающая ее таинственность болѣзненно раздражаетъ наше любопытство и такъ какъ для познанія ея нужно прежде покориться ей,—это оскорбляетъ нашу гордость. Отсюда происходитъ наше естественное и безразсудное сопротивленіе ей, отсюда—многочисленные ошибки и заблужденія нашего бѣднаго ума, который склоняется то на одну, то на другую сторону.

Работая похотемъ и сластемъ различнымъ. Если слабость нашего ума такъ велика, то и слабости сердца не меньше, если въ немъ не царствуетъ любовь къ Богу и Его закону. Испытывая безконечныя нужды, которыхъ оно не можетъ удовлетворить, оно постепенно переходитъ отъ одного желанія къ другому. Разнообразныя удовольствія льстятъ ему, но не удовлетворяютъ. Оно ищетъ въ удовольствіяхъ счастья и обыкновенно въ удовольствіяхъ чувственныхъ, самыхъ живыхъ и самыхъ обманчивыхъ. Оно отдается имъ и, увлекшись ихъ прелестями, дѣлается рабомъ ихъ. Такъ-какъ, не смотря на свою живость или вслѣдствіе этой самой живости, они влекутъ за собою извращеніе вкуса и пресыщеніе, то оно безконечно разнообразитъ ихъ. Никогда не удовлетворяясь ими, оно тѣмъ не менѣе не умѣетъ, или не хочетъ серьезно сбросить съ себя ихъ власть. Кого не освободитъ отъ нея благодать, въ тѣхъ

видно это непостоянство и порабощеніе, о которомъ говоритъ св. Павелъ.

Въ злѣхъ и зависти живуще, мерзцы суще и ненавидяще другъ друга.

Находясь подъ властію грѣха, человѣкъ не потерялъ однако всѣхъ своихъ нравственныхъ и симпатическихъ инстинктовъ. Онъ способенъ къ благороднымъ чувствамъ, которыя могутъ быть въ немъ живы, искренни и глубоки. Грѣхъ не уничтожилъ нашей нравственной природы и не сдѣлалъ существованіе человѣческаго общества невозможнымъ. Но такъ какъ грѣхъ царствуетъ въ душѣ человѣка, то въ ней преобладающею силою дѣлается самолюбіе и жадность. Подъ опаснымъ вліяніемъ этой силы является злоба и зависть, по дѣйствию которыхъ человѣкъ легко жертвуетъ интересами другихъ, если видитъ въ нихъ препятствіе собственнымъ выгодамъ. Живя, такимъ образомъ, по волѣ эгоизма и управляясь стяжательностію, человѣкъ дѣлается ненавистникомъ; если по природѣ или по обстоятельствамъ онъ любитъ однихъ, то ненавидитъ другихъ, или по крайней мѣрѣ способенъ ненавидѣть. Эгоизмъ и стяжательность самые обыкновенные источники людской вражды и нестроений.

Ст. 4. Егда же благодать и человеколюбіе явися Спаса нашего Бога.

Ненавидящіе другихъ и сами бываютъ ненавидимы, а Богъ всѣхъ любитъ нѣжно, какъ Богъ и Спаситель нашъ. Какъ же послѣ этого не понять обязанности, не почувствовать необходимости быть милостивыми и кроткими со всѣми безъ исключенія, если самъ Богъ никого не лишаетъ своей любви?

Ст. 5. Не отъ дѣлъ праведныхъ, ихъ же сотворихомъ мы, но по своей Ело милости, спасе насъ банею пакибытія и обновленія Духа Святаго.

Это основная истина христіанства, въ которой мы никогда не бываемъ достаточно убѣждены. Апостоль говоритъ, что мы оправдались и спаслись отъ грѣха не си-

лою собственныхъ заслугъ и не своею праведностію, но единственно по милости Божіей. Вотъ твердое основаніе христіанскаго смиренія! Вотъ истинное побужденіе искренно и нѣжно любить всѣхъ людей! Если мы предпочтены другимъ, то по какому праву мы будемъ превозноситься надъ другими этимъ, незаслуженнымъ нами, предпочтеніемъ?

Ст. 6. *Его же излія на насъ обильно Исусъ Христомъ Спасителемъ нашимъ.*

Мы имѣемъ понятіе о нѣкоторыхъ дарахъ Божіихъ, но не знаемъ ихъ во всей ихъ полнотѣ и будемъ удивляться и вѣчно благодарить Бога, когда увидимъ ихъ всѣ, во всей ихъ ясности. А до тѣхъ поръ мы знаемъ и должны знать только то, что изліяніе Св. Духа на насъ— обильно, обильнѣе, чѣмъ мы предполагаемъ и что этимъ мы обязаны единственно І. Христу, Спасителю нашему. Его заслугами Духъ Св. излился на насъ; какъ наша глава, І. Христосъ Самъ далъ Его въ сердца наши. Только Онъ одинъ имѣетъ Духа Божія безъ мѣры, но и намъ даетъ Его мѣрою доброю, преизобильною, какъ Самъ говоритъ объ этомъ (Лук. 6, 38).

Ст. 7. *Да оправдившися благодатию Его, наследницы будемъ по упованію жизни вѣчныя.*

Вникнувъ въ смыслъ сказаннаго Апостоломъ, поймемъ, что эта благодать даетъ намъ право на жизнь вѣчную и еще здѣсь на землѣ даетъ надежду на наследіе. Ибо по благодати возрожденія и, слѣдовательно, чудеснаго усыновленія, Богъ, Отецъ І. Христа, благоволилъ быть нашимъ Отцемъ; Исусъ Христосъ, Сынъ Божій, дѣлается нашимъ главою, которымъ мы живемъ и въ которомъ существуемъ; Св. Духъ таинственно, но дѣйствительно изливается въ души наши, дѣлается вслѣдствіе этого изліянія, духомъ, сердцемъ и какъ бы формою нашего освященія. Такимъ образомъ, вслѣдствіе этого новаго бытія, совершеннаго въ насъ благодатию, мы входимъ въ тѣснѣйшія отношенія къ Богу, въ каковыхъ находятся Отецъ, Сынъ и Св. Духъ, начинаемъ жить Его существовою и внутреннею

жизнію, владѣемъ ею, какъ наслѣдствомъ, которое принадлежитъ намъ и которымъ мы наслаждаемся и теперь въ надеждѣ.

III. Заключительная часть изложеннаго ученія.—Прилежаніе къ добрымъ дѣламъ.—Избѣганіе бесполезныхъ вопросовъ и споровъ.—Избѣганіе явившихся еретиковъ.

Ст. 8. *Чадо Тиме, вѣрно слово, и о сихъ хочу ти извѣщати, да некутся додрымъ дѣломъ прилежати впровавши Богу: сія суть полезна чловѣкомъ и добра.*

Изложивъ, хотя и кратко, великія истины, св. Павелъ самъ выводитъ и заключенія изъ нихъ. Онъ излагаетъ ученіе, которое его ученикъ долженъ преподавать вѣрующимъ, въ противоположность заблужденіямъ и дѣйствіямъ еретиковъ, и подтверждаетъ истину и важность его.

Пастырь долженъ утверждать вѣрующихъ въ вѣрѣ и добрыхъ дѣлахъ; долженъ укоренять въ нихъ чистоту и полноту вѣры, безъ которой дѣла, съ чловѣческой точки зрѣнія самыя лучшія, бесполезны для спасенія;—совершеніе добрыхъ дѣлъ, свидѣтельствующихъ объ искренней и живой вѣрѣ.

Дѣлать добро обязанъ каждый, кто-бы онъ ни былъ; этому научаетъ его разумъ,—его совѣсть также напоминаетъ объ этой обязанности. Но вѣрующій въ Бога,—Бога истиннаго, награждающаго за добродѣтели и наказывающаго за пороки, въ Бога-Освятителя христіанства, долженъ отличаться любовью и мужествомъ въ совершеніи добрыхъ дѣлъ. Всякая вѣра, не признающая необходимости дѣлъ, или даже ослабляющая душевное расположеніе къ нимъ, есть вѣра пустая и ложная. Всякое догматическое ученіе, которое не стремится убѣдить въ необходимости дѣлъ, бесполезно и подозрительно. Не такое ученіе долженъ проповѣдывать пастырь.

Ст. 9. *Буиихъ же стязаній, и родословій, и рвеній, и сваровъ законныхъ отступай: суть бо не полезны и суетны.*

Совѣтъ этотъ Апостоль часто повторялъ въ посланіи къ Тимоѳею. Это не значитъ, что пастырь не долженъ

вмѣшиваться въ полемику вообще, ибо она бываетъ полезна и необходима для Церкви, въ чемъ самъ Павелъ даетъ прекрасные примѣры. Кто захотѣлъ бы уничтожить всякую религіозную полемику, подъ предлогомъ опасенія нарушить какъ-нибудь духовный миръ или отговариваясь нѣкоторою недоступностію важныхъ предметовъ полемики, — о тѣхъ можно подумать, что они хотятъ низвести религію на степень личнаго чувства и распространить религіозный индифферентизмъ.

Религіозная полемика имѣетъ свои правила, которыя вполне согласны съ совѣтами ап. Павла. По его ученію, первая обязанность религіозной полемики — уклоняться отъ состязаній въ вопросахъ бесполезныхъ, такихъ, рѣшеніе которыхъ требуетъ безконечныхъ изслѣдованій и вполне вѣрно никогда не бываетъ. Къ бесполезнымъ спорамъ религіозный полемистъ относитъ и такіе, которые могутъ быть предметомъ свободныхъ обсужденій. Онъ строго отличаетъ то, что прямо касается вѣры Церкви и далѣе этого не идетъ. Въ самыхъ состязаніяхъ онъ основывается только на извѣстныхъ фактахъ или началахъ, признанныхъ противниками. Признавая за нѣкоторыми толкованіями текста значеніе вѣроятія, онъ не опирается на нихъ, чтобы не возбудить споровъ о вѣрѣ, о которыхъ говоритъ Апостоль. Наконецъ, онъ не только чуждъ намѣренія растягивать и усложнять споры, но, напротивъ, старается упростить ихъ и ограничить только необходимымъ. Такимъ образомъ онъ избѣгаетъ недостатковъ, указанныхъ и осужденныхъ ап. Павломъ, дѣлаетъ состязанія полезными для Церкви и сближаетъ съ нею тѣхъ, кто былъ чуждъ ей прежде. — Но не со всякими еретиками можно поступать такимъ образомъ: на этотъ счетъ указываются различныя правила.

Ст. 10. *Еретика чловѣка по первомъ и второмъ наказаніи отрицайся.*

Бываютъ разнаго рода еретики. Одни изъ нихъ охотно и спокойно слушаютъ ученіе и увѣщанія Церкви, соглашаются молиться съ нею о своемъ личномъ обращеніи, же-

лаютъ или показываютъ видъ, что желаютъ искренно познать истину. Если будетъ замѣтно, что ихъ предубѣжденія мало-по малу исчезаютъ и свѣтъ проникаетъ въ ихъ душу, то не слѣдуетъ удаляться отъ нихъ. Это тѣ немощные въ вѣрѣ, о которыхъ Апостоль говоритъ въ другомъ мѣстѣ (Римл. 14, 1) и которыхъ нужно поддерживать. Если они и не отреклись еще публично отъ ереси, за то сердце ихъ готово къ принятію правовѣрія.

Но есть и такіе еретики, которыхъ не трогаютъ милостивыя внушенія и самыя здравыя убѣжденія. Они такъ поддались предубѣжденіямъ противъ Церкви, что не хотятъ слушать ея голоса, а если иногда и слушаютъ, то упорно противятся ея призыву. Послѣ неоднократныхъ, но бесполезныхъ попытокъ примиренія, ихъ нужно избѣгать, потому что человѣческія силы ничего не могутъ сдѣлать съ ними, и представить ихъ божественной благодати.

Таковъ буквальный смыслъ апостольскихъ словъ. Апостоль требуетъ, чтобы епископъ прежде чѣмъ разойтись съ еретикомъ, обращался къ нему неоднократно съ торжественными увѣщаніями и дѣлалъ ему формальныя предложенія вѣры церковной. Если еретикъ упорствуетъ въ своемъ заблужденіи, тогда нужно бѣжать отъ него и порвать всякія сношенія съ нимъ.

Ст. 11. *Вѣдый, яко развратися таковый, и согрѣшаетъ, и есть самоосужденъ.*

Упорствующій въ заблужденіи, несмотря на осужденіе церковное, подобенъ зданію, разрушенному до самаго основанія, ибо онъ ниспровергаетъ и разрушаетъ въ душѣ своей самыя основы вѣры.

Если прежде отдѣленія отъ Церкви онъ, по примѣру всѣхъ ересіарховъ и ихъ первыхъ послѣдователей, вѣрилъ въ истину того, во что вѣровалъ, то онъ осуждаетъ самъ себя и за перемѣну вѣры, и за отдѣленіе отъ Церкви. Даже и въ томъ случаѣ, если онъ родился въ чуждомъ Церкви обществѣ, но зналъ о существованіи вселенской и апостольской Церкви и ея ученіи и тѣмъ не менѣе

упорствуетъ въ своемъ заблужденіи,—даже и въ этомъ случаѣ не осуждаетъ-ли онъ самъ себя за то, что свои личныя убѣжденія ставилъ выше ученія Церкви, которая, какъ онъ знаетъ, имѣетъ вслѣчайшій видимый авторитетъ и непрерывно восходитъ къ І. Христу—ея Основателю?

IV. Частные совѣты.—Привѣтствія.

Ст. 12. *Егда пошлю Артему къ тебѣ или Тихика, потщися пріити ко мнѣ въ Никополь: тамо бо судихъ озимѣти.*

Ст. 13. *Зину законника и Аполлоса скоро предпосли, и да ничтоже имъ скудно будетъ.*

Въ приведенныхъ стихахъ встрѣчаемъ имена двухъ сотрудниковъ или друзей ап. Павла; двое другихъ извѣстны только по именамъ. Тихикъ и Артема, конечно, находились при Апостолѣ и помогали ему въ управленіи тѣми церквами, пастырей которыхъ онъ звалъ къ себѣ. Хотя болѣе этого мы ничего не знаемъ о нихъ и хотя объ Артемѣ упоминается только здѣсь, но и на этомъ основаніи можно составить высокое понятіе о ихъ вѣрѣ и мудрости. Апостолъ Павелъ не возложилъ бы на нихъ, даже временно, обязанностей управленія такими важными церквами, каковы были въ Малой-Азіи и на островѣ Критѣ, если бы они не были достойны полного его довѣрія.

Внимательность Павла къ Аполлосу и Зинѣ имѣетъ нѣчто трогательное и поучительное. Намъ нѣтъ надобности повторять здѣсь доказательства дружбы Апостола съ Аполлосомъ. Не смотря на несогласія въ Коринѣ, Св. Павелъ приглашалъ къ себѣ Аполлоса, называя его нѣжнымъ именемъ брата (1 Кор. 16, 12). Теперь же онъ проситъ Тита прислать его и не отпускать изъ Крита, не снабдивъ его всѣмъ необходимымъ.

Для любящаго сердца истиннаго Апостола нѣтъ ничего маловажнаго и никакое утѣшеніе не чуждо ему. Кажется, Св. Павелъ могъ-бы возложить эти мелочныя заботы на своего ученика, который конечно не пренебрегъ бы ими.

Но заботливый и мудрый Апостоль не хотѣлъ упустить случая показать, какую любовь онъ питаетъ къ своимъ сотрудникамъ и какую важность придаетъ тому, чтобы вѣрующіе не дали имъ терпѣть ни въ чемъ недостатка.

Ст. 14. *Да учатся же и наши добрымъ дѣломъ прилежати въ нужная требованія, да не будутъ безплодни.*

Нѣкоторые удивляются тому, что Св. Павелъ такъ часто говоритъ объ обязанности вѣрующихъ снабжать служителей евангелія всѣмъ необходимымъ. Но Апостоль основательно зналъ сердце человѣческое, зналъ, что благодарность народа обыкновенно не бываетъ глубокимъ и продолжительнымъ чувствомъ. Порывы народнаго великодушія скоро и легко уступаютъ мѣсто расчету, и полагаться на благодарность вѣрующихъ значитъ подвергаться тяжелымъ и часто унижительнымъ лишеніямъ. Вотъ почему Церковь такъ внимательно, лишь только получила возможность къ тому, обезпечивала своихъ служителей средствами и доходами, независимо отъ общественнаго содержанія. Есть и другія побужденія къ тому. Очень трудно согласить совершенную независимость служенія съ ежедневною зависимоścią отъ другихъ во всемъ, необходимомъ для жизни, а зависимое положеніе пастыря не совмѣстимо съ достоинствомъ священства и унижаетъ его значеніе.

Такъ или иначе, но для вѣрующихъ представляется случай сдѣлать доброе дѣло, которое они должны исполнять ревностно и нелицемѣрно. Отъ нихъ требуется удовлетвореніе не измышленныхъ нуждъ, роскоши, но дѣйствительно необходимыхъ потребностей служителей Церкви. Если этого требуетъ достоинство и свобода апостольскаго служенія, то и совѣсть ихъ должна побуждать къ тому, ибо иначе ихъ вѣра будетъ пуста и жизнь безплодна.

Необходимость добрыхъ дѣлъ всякаго рода и относительно всѣхъ людей, а равно—благодать, полученная нами незаслуженно, вотъ главная идея всего этого посланія. Идея эта составляетъ основаніе христіанской догматики и

нравственности. Въ этомъ ап. Павелъ очевидно согласенъ со всѣми другими апостолами.

Ст. 15. *Цѣлуютъ тя со мною сущіи вси. Цѣлую любящія ны въ вѣръ. Благодать со всѣми вами. Аминь.*

Св. Павелъ не только внимателенъ ко всѣмъ обязанностямъ и утѣшеніямъ любви, но не забываетъ и требованій благоприличія. Въ привѣтствіяхъ Титу онъ не отдѣляетъ себя отъ находящихся съ нимъ и не забываетъ никого изъ находящихся съ его ученикомъ: всѣмъ онъ желаетъ благодати, но съ особою любовью вспоминаетъ о тѣхъ, которые любятъ его въ вѣрѣ.

Любить въ вѣрѣ значитъ любить по побужденіямъ вѣры и для пользы вѣры, значитъ любить истинно; ибо только тотъ „истинно любитъ своего друга“, говоритъ блаженный Августинъ, кто любитъ Бога въ своемъ другѣ, кто любитъ или потому, что Богъ въ немъ, или для того, чтобы Богъ былъ въ немъ“.

Любить любящихъ насъ такимъ образомъ—значитъ исполнять требованія справедливости, значитъ—платить долгъ сердечный, уплата котораго весьма дорога. Но сколько людей, не умѣющихъ любить въ вѣрѣ! И какъ важно, чтобы пастыри научили этому людей!

Но эта связь и сила души дается только благодатію. Она есть внутренняя жизнь Церкви, истинно связующая живыхъ членовъ ея. Отъ нея исходитъ и свѣтъ вѣры, и святая желанія, надежды и чистая ревность къ милосердію. Будучи изліаніемъ божественной жизни во времени, она начинается въ насъ эту жизнь еще здѣсь, чтобы окончить вѣчно въ Богѣ.

Да будетъ же эта благодать и съ нами, со всѣми нами! Да совершитъ она чрезъ насъ и съ нами свое дѣло какъ въ насъ, такъ и во всѣхъ, принимающихъ ее!
